

№ 10

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ
Генеральный директор В. Г. КОЧЕНОВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ**
(г. Уральск), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ**
(г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного
редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО**
(г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

А. Лысенко. Лыжница. Рассказ 3

Поэзия

Г. Лысенко. «Ты светлый луч души моей...». Стихи 11

И. Брейдо. «Как хорошо в июле в Боровом...». Стихи 105

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора (продолжение) 15

Культура. Общество. Личность

110-летию Мухтара Ауэзова

Л. Шашкова. «Отражение кочевой цивилизации» **114**

Н. Скалковская-Платонова. На Ишиме родина моя **124**

Наследие

Ю. Попов. Вечное притяжение Сары-Арки **144**

Искусство

А. Пройдаков. Любовь и боль Асета Нургали **166**

Далёкое — близкое

Г. Кудайбергенов. Его Величество Случай **169**

Изоальбом «Нивы»: из работ Асета Нургали.

Анатолий ЛЫСЕНКО

Лыжница

Рассказ

Кому приходилось бывать на озере Имантау в Северном Казахстане, тот не мог не залюбоваться его красотой. Окаймлённое с трёх сторон небольшими горами, покрытыми хвойным лесом, оно в разное время дня бывает то голубоватым, то бирюзовым, то серебристым. Но на этот раз нам, загнанным дождем в Дом рыбака, было не до красот. Приехали мы на два дня, а посидели с утра в лодках на воде часа полтора, — начался дождь. И льёт как из ведра. Когда смотришь в окно, то такое впечатление, словно пелена из сплошной воды. На небе черно. Мы, а нас шестеро, и в шахматы, и в шашки, и даже в карты играли, уже надоело. Когда совсем заскучили, журналист из местной районной газеты Алексей Егоров предложил: “Пусть каждый скажет, как он понимает любовь, расскажет о своей первой любви”. В ответ мужики загудели, мол, тоже выдумал. Но молодой совхозный бухгалтер одобрил предложение и поведал о своих похождениях, в общем-то к любви не имеющих никакого отношения. К столу подошли геолог, врач и учитель. Рассказ врача был ближе к истине, геолог говорил о своих романтических приключениях. А учитель молчал. Егоров, обращаясь к нему, сказал: “А что же вы, Иван Пименович, не рассказываете, ведь “распечатали” вторую половину века, небось тоже вздыхали при луне”.

Помедлив, учитель произнёс: “Пока никому не удалось сформулировать, что такое любовь”. С ним не согласились, стали приводить сказанное Карамзиным в “Бедной Лизе”, Куприным в “Олесе”, Тургеневым в “Асе” и так далее.

— Вот вы и подтвердили мой довод. Вспомните ещё “Анну Каренину” Толстого, “Даму с собачкой” Чехова, а где же истина?

— Пожалуй, вы правы, — первым сдался журналист. — А как это было у вас?

**Анатолий
Фёдорович
ЛЫСЕНКО**

родился 18 октября 1936 года в селе Петропавловка Краснозёрского района Новосибирской области, где и окончил среднюю школу. Высшее образование получил на факультете журналистики КазГУ. В Казахстане прожил около сорока лет. Многие годы работал в редакции кокчетавской областной газеты “Степной маяк”. После выхода на пенсию переехал в Новосибирск.

Рассказы публиковались в журналах “Простор” и “Нива”, в коллективном сборнике “Степные миражи”.

— Была, вероятно, первая любовь и у меня, но я никогда никому о ней не рассказывал, — вздохнув, медленно проговорил Иван Пименович.

В это время дверь открылась и на пороге появился хозяин Дома рыбака. С его плаща стекала вода.

— Да, дела, — подосадовал он. — Полдня миновало, а никакого про света, наверное, до вечера будет лить.

— Вот видите, Иван Пименович, самый раз начать повествование, — напомнил молодой бухгалтер.

Геолог достал из рюкзака бутылку хорошего сухого вина, разлил по кружкам. Все выпили, кроме учителя. Он сидел молча и смотрел в окно, где по стёклам стекали струйки воды. Потом тихо произнёс: “Рассказ будет длинным, с трагическим концом”.

Сказанное заинтересовало слушателей. В комнате воцарилась тишина.

— Случилось это более тридцати лет назад, — начал Иван Пименович.

И вот что он рассказал:

— Когда я окончил среднюю школу, мечтал поступить в высшее военное училище, стать офицером. Тогда это было авторитетно и почётно. При виде человека в обмундировании у меня замирало сердце, хотел стать десантником. А потому каждое утро зарядка, бег, зимой ходил на лыжах. Но судьба сложилась иначе. На третий день после выпускного вечера меня пригласил к себе директор школы, очень уважаемый человек, и сказал: “Алексей, на тебя наложена бронь, в армию не возьмут. Так сообщили мне из района. В школах многих сёл не хватает по два-три учителя, будешь преподавать”.

— Но я хочу...

Перебивая меня, директор сказал, что он мечтал стать лётчиком, но вот уже более двадцати лет преподаёт математику. И добавил:

— Десантники со всей страны найдутся, а учителей в нашем районе нет, кого попало не бронируют.

Пытался я отговориться в районе, но они пригласили начальника отдела военкомата и меня, как говорится, уломали. Так я оказался в небольшом сибирском селе Сосновка. Бревенчатые, камышитовые домики утопают в зелени черёмухи, калины, красной рябины. С трёх сторон берёзовые рощи. При ветре слышен только шум в верхушках берёз. Зимой сугробы такие, что можно дотянуться до изоляторов на телефонных столбах. Райский уголок. Поселили меня на квартиру, где проживала бабушка с взрослым сыном. Приняли меня хорошо, с уважением. Хотя село небольшое, но школа была средней. Правда, в десятом классе всего пять человек, из которых трое переселенцы из Прибалтики. Я преподавал историю в пятом-седьмом классах. Было трудновато. Методику постигал самостоятельно по журналу “История в школе”. Старался подражать своим бывшим учителям. Но по воскресеньям выкраивал время для лыж, игры на гитаре. С самого детства люблю музыку. Однажды, когда ярко светило солнце, загораясь мириадами светлячков на снегу, когда голубело небо и было совсем тихо, я в роще за селом

торил новую лыжню. Лыжи беговые, узкие, а потому глубоко проваливались и идти было нелегко. С трудом поднявшись на крутой холм, я увидел, что в стороне от меня кто-то лихо скатывается вниз, да ещё и виражи делает. Меня это заинтересовало, раньше я никого здесь не встречал. Оттолкнувшись палками, я вихрем понёсся по наклону вниз. Минуту спустя я уже стоял рядом с лыжницей, это была десятиклассница Люся Лисовая. Среднего роста, голубоглазая, с белым личиком, в лёгкой коричневой куртке и красной трикотажной шапочке, на фоне чистого снега она выглядела как на картине талантливого художника. От ходьбы на лыжах, морозца сибирского её щёки покраснелись, большие глаза светились огоньками.

— Здравствуйте, Алексей Пименович, — звонким голосом приветствовала она меня.

— Здравствуй, Люся! — ответил я. — А ты не боишься одна так далеко уходить от дома?

— А я не одна, я с вами. И прошлое воскресенье, и позапрошлое мы были вместе.

— Что-то не припомню, — возразил я.

— Правильно, вы меня не видели, но я была невдалеке. Шла по вашей лыжне.

— И одна?

— Да, моя подруга не ходит на лыжах, не любит. А я обожаю.

Я знал, что Люся начала учиться в Сосновке недели две назад. Она жила в соседнем селе Весёлое. Но в их школе случился пожар, и десятиклассников распределили по другим школам. Способная ученица, редко в журнале появлялись четвёрки, чаще пятёрки.

— Алексей Пименович, а вы бывали на Глухой заимке? — спросила она.

— А где такая, даже не слышал о ней.

— Как же так, там красиво, только там ели растут, водичка ключевая. Идёмте туда, вместе веселее.

“В самом деле, почему бы не пойти”, — подумал я. И тут же спросил:

— А это далеко?

— С полчаса ходьбы, — ответила Люся.

— С удовольствием, — согласился я.

На нашем пути большая берёзовая роща. Тут и там вились заячьи тропки. Взбивая свежий пушистый снег, взлетели куропатки. Сказка да и только! Я вызвался прокладывать лыжню. Но это длилось недолго. Мои беговые глубоко проваливались, идти было трудно. У Люси лыжи пошире, опора больше, она легко скользила.

— Алексей Пименович, я пойду первой, на ваших только по лыжне бегать, — сказала она и выдвинулась вперёд. Её лыжи легко скользили по снежному насту, оставляя широкие следы. Мне стало легче. Но вдруг моя спутница взвинтила темп. Я почувствовал, что спина вспотела, пот скатывался со лба и попадал в глаза. У меня даже одышка появилась. “Вот это Люся, откуда столько силы, энергии?” — подумал я. А она, в лёгкой одежде, с небольшим рюкзачком за спиной, знай себе накатывает. На моё счастье впереди, у крутого холма, показалась бревенчатая

избушка. Я радостно воскликнул. Люся обернулась, звонко засмеялась и вскинула вверх палки. Её лицо покраснелось, из-под шапочки выбились локоны русых волос. Как она была весела и красива!

Войдя в избушку, мы увидели на полу толстый слой хвойных веточек, слева железную печку с трубой через потолок, в небольшое оконце светило солнце. В углу поленья наколотых дров.

— Кто тебе сказал об этой Глухой займке? — поинтересовался я.

— А я здесь бывала с папой, он у меня охотник. Мы с Весёлого приезжали в Сосновку на “Жигулёнке”, а потом ходили на лыжах.

— И как охота?

— По-разному, когда заяц и куропатка, когда два зайца или две куропатки.

Люся сняла с плеч рюкзачок, курточку, положила в печку дровишек. Из кармана извлекла газетку и подожгла её. Сухие дрова загорелись, в трубе загудело, она закрыла печку заслонкой. В избушке потеплело. Люся, спокойная, удовлетворённая, задумавшись, сидела на хвое, опершись спиной о стену. Я не мог не заметить, как она красива. И тут другая мысль: “Эта наша ученица. Должна быть между нами чёткая грань, учитель и ученица”. А десятиклассница между тем извлекла из рюкзака термос и налила горячего, пахнущего мятой чая. Я не отказался, с удовольствием принял чашку.

— Ты капитально подготовилась: и спички, и чай, — удивился я.

— Я всегда так. К этому приучил меня папа, — охотно пояснила она.

В избушке стало не просто тепло, а даже жарковато. Пот на лице, руках высох, стало комфортно и приятно.

— А где же ели, о которых ты говорила? — спросил я.

— На противоположном склоне холма.

— Покажешь?

— Конечно, я часто навещаю их к ним.

Когда дрова прогорели, солнце перестало заглядывать в окошко, мы решили побывать у елей и возвращаться домой. Вдруг Люся сказала:

— Алексей Пименович, научите меня играть на гитаре.

— Какой из меня музыкант? Я ноты не знаю, так, бренчу.

— Не скажите, я слышала, как вы исполняли “Светит месяц”...

— Только и того, да ещё “Камаринскую” и “Коробочку”.

— А я и это не умею. Помогите, у меня гитара есть, — проговорила Люся и выжидающе посмотрела на меня.

— Хорошо, потом поговорим.

У подошвы холма зеленели ели. Их было немного. На фоне молодых берёзок, чистого снега они чуть отливали голубизной. Увиденное напоминало прекрасную картину классической живописи. Люся ринулась вниз по крутому спуску. Чтобы уменьшить скорость, она делала небольшие повороты — то влево, то вправо. Словно слаломист спускается. Меня это не пугало, я любил вихрем промчаться с горы. Но повороты... На большой скорости я не вписался в проложенную лыжню, мои беговые провалились, затормозили, и я полетел кувырком в проложенную лыжню. Шапочка сорвалась с головы и покатила вниз. Правая лыжа,

провалившись глубоко в снег, оказалась под левой. Я не мог сразу её высвободить. Пока барахтался в снегу, Люся поднялась вверх, взяла шапочку и принесла мне. Я встал на ноги. Она сзади стряхнула с меня снег, потом зашла вперёд и проговорила:

— Наклонитесь, надену шапочку, как бы уши не поморозили.

Я подчинился. И увидел вблизи её белое личико с розовеющими щёчками, большие круглые голубые глаза, длинные тёмные ресницы. Признаюсь честно, сердце моё дрогнуло.

В этот момент рассказа учителя дверь открылась, и хозяин Дома рыбака с порога торжественно заявил:

— Ребята! Дождь перестает, готовимся.

— Подожди, Ермолаич, затихни, — попросил журналист. И добавил: — Ты, Пименович, хлебни винца, мы все выпили, только ты один, того...

Учитель не стал отказываться. Тяжело вздохнув, он осушил чашку, закусил пряником.

— Други мои! — продолжил он. — Моё сердце дрогнуло, как будто волна горячая меня окатила. К тому времени я никого ещё не любил, не ведал этого обжигающего чувства. У меня мелькнуло в голове: “Неужели это моя первая любовь?”. И тут же другая: “Но ты же учитель, так будь им. Она ученица”. Вот так я был закомплексован. Предан долгу или что-то в этом роде. Десятиклассница стояла рядом и с улыбкой смотрела на меня. А потом сказала: “Мы потихоньку, осторожно и доплывём”.

Своё обещание я выполнил. Оказалось, в десятом классе есть ученица из Прибалтики, знающая нотную грамоту, умеющая играть на струнных инструментах. Желающих заниматься в кружке набралось человек десять. Вместе со всеми учился и я. Люся проявила способности к музыке. Она быстро осваивала не только гитару, но и мандолину. Формировался струнный оркестр. О воскресных походах на лыжах мы с Люсей никогда не договаривались, но всегда встречались в роще. И вот однажды в понедельник пригласила меня в кабинет директора географ, заведующая учебной частью Вера Анисимовна и говорит: “Алёша (раньше она меня так не называла), наше село маленькое, это деревня, понимаешь, то, о чём скажут в одном конце, известно в другом. А ваши встречи с десятиклассницей...”

— Вера Анисимовна, присоединяйтесь к нам, увидите, какие красивые ели, родник с хрустально чистой водой.

— У меня не тот возраст, чтобы кататься с горки... Вы и вправду, Алексей Пименович, не понимаете, о чём я говорю или валяете дурака, — официальным тоном сказала завуч.

— Да чего уж тут не понять, впрочем, меня это не удивляет, — волнуясь, сказал я. — От тех, кто ведрами глушит самогон, с глубокого похмелья приходит на работу, из-за пьянки по трое суток не выдаивает коров, можно всего ожидать, и некоторых учителей засасывает трясина мещанства.

Одутловатые щёки Веры Анисимовны покрылись багровыми пятнами. Не глядя на меня, она поднялась со стула, скрестила пальцы и крикнула:

— Вы бы пожили в этой глухомани лет двадцать, тогда бы узнали, что почём. А развращать несовершеннолетних мы не позволим.

— Что вы говорите, Анисимовна, как можно понапрасну...

Но договорить завуч не дала.

— Я вас предупредила, имейте в виду, — уже тише сказала она и подошла к двери. Доверительным тоном продолжила:

— Молите бога, чтобы отец её не узнал, он и застрелить может.

“Это уже серьёзно, — подумал я, выходя из кабинета. — Вот так влип”. И тут же решил походы на лыжах прекратить, заодно написать в Министерство обороны, чтобы сняли с меня эту проклятую бронь и разрешили поступить в высшее военное училище.

Спустя две недели, после занятия кружка музыкантов, я сидел в классной комнате и отмечал в тетрадке кто не пришёл. Ко мне подходит Люся и говорит:

— Алексей Пименович, вы видели, как иней принарядил берёзки, ёлочки, сказочная красота. А вы на лыжах не ходите, почему?

— У меня много дел. Планы, кружок, подготовка к экзаменам в военное училище.

— Вы от нас уедете? Да?

— У меня нет высшего образования, надо учиться.

— А говорят, что вы заочно поступите в пед.

— Кто тебе сказал?

— Вас семиклассники полюбили, да и директор видит педагога с большим будущим.

“Она рассуждает на уровне моих коллег, наверное, обо мне говорят”, — подумал я. Чтобы уйти от дальнейших расспросов, я закрыл тетрадку и пошёл к выходу.

— Алексей Пименович, а из родника сильнее пошла водичка, вокруг наледь, так красиво, — проговорила Лисовая.

Ничего не ответив, я быстро ушёл в учительскую.

С того времени жизнь моя в Сосновке протекала однообразно: написание планов, уроки. На уроках побывали директор, завуч. Отзывы положительные. Свежей струёй были занятия струнного оркестра. Девушка из Прибалтики оказалась хорошо подготовленной, требовательной. Мы стали подумывать о выступлении с концертом в школе. Но однажды пришёл к нам во время репетиции председатель колхоза, послушал и сказал:

— В конце месяца у нас в клубе будет собрание по итогам работы за квартал, очень прошу вас, выступите с концертом.

Мы согласились, репетиции проводились каждый вечер. Люсе поручили игру на мандолине, у неё получалось великолепно.

В эти же дни я ожидал ответа из Министерства обороны. Начал готовиться к вступительным экзаменам, но побаивался математики. Времени на какие-либо развлечения у меня не было, к тому же после проведения уроков я страшно уставал.

К концерту в клубе подготовились основательно. Согласились принять участие в нём наши вокалисты, чтецы, был даже акробатический номер. Но сюрпризом стало выступление оркестра. Горячие аплодисменты,

радостные возгласы. В антракте я вышел в фойе, где было прохладнее. Меня, как организатора оркестра, благодарили селяне. Когда я вернулся за кулисы, то увидел под струнами моей гитары аккуратно свёрнутый листок бумаги. Развернув его, прочитал: “Алёша, я Вас очень люблю. Лыжница”. Я так и обомлел. Вероятно, в то время я был излишне прагматичен, ибо на этот счёт у меня не было никаких мыслей, а тем более планов. Мечтал достойно закончить учебный год, поступить в воздушно-десантное училище, а там видно будет. Что же делать, как быть? “Девочка моя, да ты прекраснее всех, талантливая, но я не вправе в чём-то тебя обнадеживать, а тем более обманывать. Будь что будет, — решил я, — словно не было никакой записки, ничего я не знаю”.

В училище я поступил, общения с Люсей не было. И вот однажды после второго курса, приехав в отпуск, я от автостанции шёл улицей райцентра к своему дому. И как в сказке, идёт навстречу она. Повзрослела, вместо косичек завивка, загорелая. Но всё такие же большие глаза с тёмными ресницами, чуть румяные щёки с ямочками, тонкие чёрные брови. Я почувствовал, как меня охватила радость. Люся остановилась, улыбнулась и протянула мне руку. Поздоровались. В этот миг я почувствовал, понял, вот кого мне не хватало.

— С приездом, солдат, как говорят, на побывку?

— Да, на месяц в отпуск.

Это была уже не та Люся Лисовая, с наивно детской улыбкой. Перед мной стояла сформировавшаяся девушка, красавица. Ей очень шла белая блузка, чёрная из муара широкая юбка, туго обхватывающая поясом талию.

— И чем думаем заниматься? — с хитрецей в голосе спросила она.

— А ты? Где ты живёшь, Люся?

— Я окончила медицинское училище, новоиспечённый фельдшер, только сейчас получила направление в своё родное село Весёлое.

— А как же институт?

— Ты прав, нужен институт, — ответила она и отвела взгляд в сторону. — Зимой мы похоронили папу, медведь его ранил. Шатун неожиданно напал сзади. Мама прибаливает, сестрёнку поднимать надо, она в восьмом классе учится. Но высшее образование я обязательно получу.

— Я собираюсь поехать в Сосновку, провести своих бывших коллег, бабушку, у которой жил на квартире, заеду к вам в Весёлое.

— Алёша, приезжай, мы будем очень рады. А когда тебя ждать?

— Может, через неделю, надо побывать у родителей.

— А может, раньше? — улыбнувшись, спросила она.

Так начались наши встречи. Они были желанными, светлыми. Я через день уезжал после обеда в Весёлое на рейсовом автобусе, возвращался домой ранним утром. Но отпуск словно промелькнул. Договорились писать письма, сообщать подробно о своей жизни. Я не подозревал, что она может писать такие за душу берущие строки. Ей приходилось много работать. Но, как и раньше, она очень любила природу. Сообщала мне, когда за околлицей села зацветала клубника, в палисаднике ароматно пахла сирень, когда набирали цвет гладиолусы. Люся знала названия многих трав. В дни суровой службы, казарменной жизни её письма — бальзам на мою душу, они радовали, пробуждали юношеские

мечты. Я благодарил её за добрые слова, но сказал, что судьба военного человека может забросить и туда, где днём у дома медведи бродят. На это она написала: “Где бы ты ни был, только кликни, я буду рядом”.

После такого признания я понял, да, это любовь, моя первая любовь. Мы полюбили, у нас пробудились чувства, которые облагораживают, воспаляют душу, вселяют мечты о прекрасном будущем. Но жизнь сложная штука, порой жестокая. Всю горечь чаши её довелось мне испить до дна. Никому не пожелаю подобного.

Учитель замолчал. Молчали и мы. Он отпил глоток вина, вздохнул и продолжил:

— В конце апреля в составе войсковой части мы участвовали в учениях. Нас, десантников, выбросили над тайгой, некоторые потом добирались трое суток. В конечном итоге получили отличную оценку. В порядке поощрения генерал распорядился нашему взводу дать недельный отпуск. В тот же день я послал телеграмму в Весёлое, что прибуду на автостанцию в воскресенье. Я не учёл, что весной наша небольшая речушка сильно разливается, с неделю вход на мост и выход с него залиты. Ко всему я не смог отбыть из училища в указанное время, задержали на сутки. Не могу себя простить за ту телеграмму. Если бы её не было...

Когда приехал на автостанцию, к своему удивлению, я увидел не Люсю, а её подругу. В чёрной накидке, с печальным взглядом. Я почувствовал недоброе.

— Как Люся, где она? — вырвалось у меня.

— Здравствуй, Алёша, завтра похороны.

Качнулось небо, стала уходить из-под ног земля. Как я устоял, не знаю. Девушка охватила меня руками, уткнулась лицом в грудь и зарыдала.

Оказывается, получив телеграмму, Люся решила по льдинам перейти до моста и выйти с него, чтобы потом на рейсовом автобусе ехать до автостанции в райцентр. Сплошные заторы бывали и раньше. Смелчаки переправлялись по льдинам. Вот и она рискнула. На середине переправы не устояла: то ли льдина раскололась, то ли она поскользнулась. И трагедия.

С того времени прошло более тридцати лет. Когда меня комиссовали, я приехал домой. Но куда ни пойду, многое напоминает о ней. На этой лавочке мы сидели, в этой роще мы гуляли и так далее. Я не смог это пережить, сил моих не хватило, а потому уехал в Казахстан, поступил в школу преподавателем истории. У меня хорошая семья, уже имею двоих внуков. Всё нормально. Но последние пять лет каждое лето во время отпуска я бываю в Сибири в селе Весёлое, с цветами хожу на кладбище.

... Когда мы вышли из Дома рыбака, небо очистилось, последние тучи уплывали на север. Лучи яркого солнца отражались в каплях на листьях деревьев и травах. Мы находились под глубоким впечатлением от рассказанного учителем. Какая великая сила любви! Она порой стоит человеку жизни.

Геннадий ЛЫСЕНКО

“Ты светлый луч души моей...”

Телеграмма

Ночь как ночь: черным-черна.
Там, где был квадрат окна,
Шепчут ветви по-французски...
Тот язык учила дочь,
И по глупости по русской
Я стремился ей помочь.
Мне б скорей раздеться, лечь,
Сбросить груз с разбитых плеч.
Это ж надо, по-английски
Я не знаю ничего.
Как ходил на курсы в Бийске,
Позабыл давным-давно.
Засыпаю, Бог ты мой,
На волнах корабль резной,
Перламутровый, блестящий...
Дует ветер в паруса.
Нет. Корабль не настоящий.
Просыпаюсь! Три часа!
Ходит-бродит у окон
С телеграммой почтальон.
Буквы русские, как вишни,
Расцветают предо мной.
Здесь английский был бы лишним:
— С днём рождения, родной!

**Геннадий
Фёдорович
ЛЫСЕНКО**

родился 17 февраля 1955 года в селе Петропавловка Краснозёрского района Новосибирской области, где и окончил среднюю школу. Впоследствии окончил в Новосибирске техникум электроники, служил в армии. Живёт и работает в Новосибирске. Подборки стихов печатались в журналах “Сибирские огни”, “Сибирская горница”, “Новосибирск”, “Нива” и в других периодических изданиях. Автор сборника стихов “Пёрышко”.

Двое

Мир современный ли, древний?
Душами чистыми свят.
В сквере под тенью деревьев
Двое, обнявшись, стоят.
Кончилось лето, сгорело.
Стынет земля, стынет кровь.
Серый асфальт, белым мелом
Кто-то писал про любовь.
Я прочитал. Им не надо.
Душам до формул дел нет.
Им каждый день, как награда.
Ночь в разговорах... Рассвет

Входит к ним в дом у дороги
С первой юной зарёй.
Шаркают старые ноги
Тихо. Из дома — домой.
Носят продукты и книги,
Ходят в театр и в кино.
Взгляд их задумчивый, тихий.
Времечко — веретено...
Выдалась тёплой осень.
Вижу двоих из окна.
Мучаюсь глупым вопросом —
Ждёт ли их снова весна?

Я брожу по сугробам без цели,
Я хочу раствориться в пурге.
Проплывут миражами качели
И афиши на толстой ноге.
И автобусы катят безвинно,
И таращатся фары-глаза.
Стал маршрут из короткого длинным,
И скрипят, и визжат тормоза.
Снег казался мне нудным вначале,
Он без продыху валит три дня.
Я прозвал его снегом печали.
За ошибку простите меня.

Невесомые кружат снежинки,
Опускаясь в высокий сугроб.
Утром люди протопчут тропинки,
Независимых множество троп.
Если к женщине путь — то с любовью,
Если к детям — с гостинцем, с теплом.
Чтобы сердце наполнилось кровью.
Чистой-чистой... по снегу пойдём.
На Руси снег не просто осадки,
На Руси белый снег — благодать.
Снег, мороз — и здоровье в порядке,
Будут счастливы дети и мать.

Тайна

Ещё не село солнце за зелёный
Вдоль горизонта вытянутый вал.
И воздух смолянистый и калёный
Своим теплом округу согревал.
Часы твердили: — Нет, ещё не вечер,
Но озеро дышало холодком,

И машинально вздрагивали плечи,
И думалось об осени тайком.
И это было не единой тайной
Для нас двоих, понятною, без слов.
Когда цвет глаз становится прощальным,
То отступает в прошлое любовь.

Вальс для сердец

В углы двора вползает тёплый вечер.
Откуда пыл в груди? Я не пойму.
Почти бегу, почти лечу навстречу
Отчаянному счастью своему.
И нет следа от неудач минувших,
Померкло всё, что было до того.
Зажглась любовь в перебродивших душах,
Мы рады встрече, только и всего.
Дрожала ночь, наполненная счастьем,
Под тёплым небом млели фонари.
Вальс для сердец, порыв могучей страсти
С заката и до утренней зари.

Вода

Бежит весенняя вода,
Куда спешит она, куда?
Предполагаю, что к реке.
Как пёс на длинном поводке,
Решил я по всему пути
За нею крадучись пройти.
Не уберётся: "Се ля ви..."
Сгорел, как мальчик от любви.
Шагала женщина навстречу.
Какая грудь, какие плечи!
И грациозна и стройна,
Свежа, как ранняя весна.
— Ты светлый луч души моей,
Так снизойди и обогрей.
Я всё тебе одной отдам,
Я брошу всё к твоим стопам
И, если надо, — сгину сам!
Бежит, торопится вода,
А следом жизнь спешит — куда?

Вокруг меня толпятся лица
Чужих, встревоженных людей.
Чай предлагает проводница,
Качнувши спелостью грудей.
В них неприкрытое желанье,
Тоска невыплаканных слёз,
Любовь на час, без обещанья,
Под монотонный стук колёс.

На электронных ровно “восемь”,
Хор водосточек пел романс.
И разложить пыталась осень
Золото-медный свой пасьянс.
Дождь был ленив, но лил исправно,
Шёл по инерции, давно,
И знал, что он здесь самый главный,
Как режиссёр в немом кино.

Маме

*Светлой памяти
Лысенко Пелагеи Фоминичны*

Здравствуй, мама моя, здравствуй, мама,
Как давно мы расстались с тобой,
Я поскрёбышек твой, самый-самый,
Самый близкий тебе и родной.

Было семеро нас, было тесно.
Рады были любому углу.
Ты учила нас, мама, жить честно,
Чтоб тянулись к добру, не ко злу.

Бог сестричку забрал раньше срока,
Друг за другом ушли вы с отцом,
И живёте на небе высоком,
Вспоминая семью нашу, дом.

Боже, как же тебя не хватает
День за днём. Поминутно. Всегда.
Март пришёл, снег на улице тая,
Стынет на ночь. Дорога — беда.

Ты по ней не пойдёшь. Не вернётся
То, что было уже, никогда.
Оттого и мерцает в колоде
Грустным светом ночная звезда.

Сгорает в небе полоса
Зари задумчивой, прощальной.
Прикинул: ходу полчаса,
Чтобы добраться в хутор дальний.
Собачий лай отстал давно.
Бреду сквозь сумерки, равниной.
Глаза закрою, как в кино —
Окно под спелою рябиной,

А в том окне сидит она,
Ещё не женщина, но всё же...
Озёрных глаз голубизна
Мне сердце мучает, тревожит.
Давно от хутора следа
В помине нет, лишь за горою
Шумит, торопится вода
В реке, не знающей покоя.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

(Продолжение. Начало в № № 6-9 за 2007 г.)

11 сентября

Сегодня опубликовали два письма на партийную тему. Первое — доцента пединститута В. Артамонова, в котором он возражает против содержания парторгов за счёт совхозов и колхозов. Письмо аргументированное, выдержанное, оно отражает мнение многих, в том числе и коммунистов. Второе — в противовес первому — директора совхоза “Пресновский” С. Байбулатова. Он объясняет, почему в хозяйстве взяли на содержание парторга и защищает эту идею в целом.

На самом деле Н. П. Попов принёс мне лишь первое письмо. Ясно представляя, какой будет реакция на него в обкомовских кругах, я настоял на том, чтобы он сделал и второе.

С утра звонок от второго секретаря обкома К. К. Ашимбетова с претензиями: “Как вы могли?!”.

Объясняю: Артамонов — не исключение, так думают многие и пишут в редакцию, потому и дали; но дали ведь и другую позицию... Не убедил...

Чуть позже звонит А. М. Ажибаева:

— Ну спасибо — удружил! Не ожидала... Дали хотя бы редакционный комментарий...

Не вполне понимая причин столь нервной реакции, ещё раз перечитал Артамонова: да нет в его письме никаких крайностей — спокойные рассуждения...

И только к вечеру всё прояснилось. Накануне в Павлодар поступил очередной номер “Огонька” с материалами неизвестного мне Г. Осипова, в котором он камня на камне не оставляет от обкомовской инициативы. Получилось — мы с “Огоньком” выстрелили дулетом. Так что, может быть, ещё предстоит объясняться с Мещеряковым...

Ни дня без скандала. Недели три назад Павлодарский горком партии выступил с идеей — широко отпраздновать 270-летие Павлодара. Но неожиданно она вызвала протест со стороны группы местных казахских национал-патриотов: это что — будем праздновать 270-летие колониальной политики царского правительства? Напуганное таким поворотом дела, а также слухами о грядущих конфликтах на национальной почве в Казахстане, городское и областное начальство стало лихорадочно искать выход из создавшегося положения. И не придумало ничего лучшего, как заявить: учитывая многочисленные просьбы горожан, 270-летие Павлодара не праздновать, а провести день города — под знаком 70-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана. Я позвонил Ажибаевой и предложил снять хотя бы дружескую фразу “по просьбам трудящихся”. Сначала она обиделась: “Опять вы нас учите?”, а спустя какое-то время сама позвонила и согласилась. На следующий день звонит донельзя разозлённый председатель горисполкома А. Б. Аубакиров:

“Почему вы убрали из нашего объявления эту фразу?” Говорю — было “добро” обкома. Он: “Эти люди меня беспрерывно атакуют — я им обещал, что так и напишем. А теперь что скажу? Буду их к вам отсылать!”.

Его сложности понятны, национал-патриоты, наверное, будут недовольны, хотя как раз они-то своего добились... А как бы мы потом объяснялись с другими горожанами: что это за “многочисленные просьбы”, почему вместо одного объявленного праздника возникает другой?

Тяжела ты, редакторская доля... Ко всему прочему в редакции затеяли творческую реконструкцию, часть людей (в основном пенсионеров) надо сокращать, кому-то придётся меньше платить... Готовимся к аттестации сотрудников...

Говорил с З. Суворовой — агитировал, чтобы перешла в партотдел. Не хочет, чувствует себя на своём месте, в отделе писем (собачье, между прочим, место) ей комфортно и интересно, здесь она и хотела бы остаться. Логично — что тут возражишь. А проблема возникает в связи с тем, что нынешний “зав” Н. П. Попов наводрил лыжи в новую республиканскую газету “Советы Казахстана” (Верховного Совета) — собкором по Павлодарской области. Он уже говорил со мной на эту тему: “Я помню — вы меня взяли в трудные времена моей жизни, я благодарен и теперь не знаю, как мне поступить...”. Я сразу сказал — решать ему самому. И, похоже, он склоняется к тому, чтобы принять предложение “Советов”.

Говорил с работающими пенсионерами — о грядущих перспективах. Удручены, но понимают: рано или поздно всё равно придётся уходить. Одна, впрочем, проработавшая у нас на пенсии уже девять лет, заявила “в кулуарах”, что уходить не собирается и никто не имеет права её уволить... Так что, может, по-любовно со всеми договориться не удастся...

Газеты пишут: “Председатели Моссовета — Г. Попов и Ленсовета — А. Собчак на совместной пресс-конференции призвали общественность не проводить в Москве и Ленинграде праздничных демонстраций на 7 ноября”. Аргументы? Непростая общественно-политическая ситуация в стране, неоднозначное отношение в обществе к Октябрю... А жителям своих городов демократы-председатели советуют заняться подготовкой жилищ к зиме — оклейкой окон, утеплением дверей и прочими домашними хлопотами.

“Труд” сообщил: в одном из городов Львовской области улицу Кузнецова (Герой Советского Союза, разведчик, погиб в 1944 году, его группа действовала здесь в годы войны в подполье) переименовали в улицу Степана Бандеры — лидера украинских националистов, ярого врага советской власти, выступавшего в годы войны на стороне немцев.

Президенты СССР и США выступили с совместным заявлением, осуждающим нападение Ирака на Кувейт. Оказывается, есть проблемы, по которым вечные противники могут иметь единую позицию... Печатаем заявление...

А. И. Солженицын через свою жену заявил, что возвращение ему гражданства СССР для него ничего не значит, пока Президиум Верховного Совета СССР

не выразит своего отношения к своему Указу от 13 февраля 1974 года о насильственном выдворении Солженицына “за предательство”.

В то же время ещё до начала перестройки Солженицын заявил в одном из своих интервью: “Я уверен, что я вернусь в Россию и ещё буду там жить”.

Некий афганский математик-предсказатель Сидик (предсказал вывод советских войск из Афганистана, события в Восточной Европе в 1989-1990 годах и даже точную дату избрания М. С. Горбачёва Президентом) уверяет: в 1994 году в Советском Союзе начнётся экономический подъём, в 1998 закончится перестройка, а в 2000 мир придёт ко всеобщему разоружению...

Сидик — учёный с уникальными способностями. Ну как такое не напечатать!

12 сентября

Пришло по телетайпу обращение Президента СССР к руководителям республик, краёв, областей. М. С. Горбачёв обращает их внимание на три вопроса (цитирую по тексту):

“Во-первых, надо решительно преодолеть правовой нигилизм в обществе, чреватый разложением всей системы... власти... Во-вторых, особенно разрушительно беззаконие в экономической сфере. Подлинным бичом стали разрушение хозяйственных связей, произвол при выполнении договорных обязательств, развал дисциплины поставок, экономическое разгильдяйство... В-третьих, серьёзную угрозу для общества представляет преступность...”.

М. С. требует принять меры и доложить о результатах к 15 октября и к концу года. Как будто можно восстановить за месяц (или за три) то, что разваливалось годами.

Верховный Совет СССР тем временем продолжает обсуждать многострадальную антикризисную программу правительства (теперь её именуют так, а полное название — единая общесоюзная программа перехода к регулируемой рыночной экономике, выработке мер по стабилизации народного хозяйства страны). В выступлениях депутатов — полнейшая разногласица, и это понятно: у кого что болит...

Депутат А. Сухов заявил: программа академика Шаталина — это капитализм, а его, многодетного отца, такая перспектива пугает, потому Сухов требует референдума.

А. Собчак от имени межрегиональной депутатской группы потребовал передать золотой запас страны в ведение Верховного Совета СССР и поставить вопрос о вотуме доверия правительству страны.

Было выступление из разряда курьёзных: кто-то из депутатов протестовал против показа по телевидению сериала “Рабыня Изаура”, усмотрев в этом попытку отвлечь внимание миллионов людей от работы парламента. Что правда — то правда: жизнь замирает, когда по ЦТ начинается очередная серия бесконечной “мыльной оперы”, о перипетиях судьбы симпатичной чернокожей рабыни с далёкого южноамериканского континента.

14 сентября

Крупная авария на Экибастузской ГРЭС-1 — взрыв в машинном зале, отзвуки которого, пишет наш собкор Булат Ахметов, были слышны за 30 километров.

В результате взрыва возник сильнейший пожар на пятом, шестом, седьмом и восьмом энергоблоках. Затем рухнула кровля, похоронив под обломками обгоревшие энергоагрегаты.

Есть погибшие — женщина-рабочая и пожарный. Женщина в момент пожара работала на крыше и разбилась, пытаясь спуститься на руках по 40-метровому стальному тросу. А двух других женщин, которые работали вместе с ней, сняли с крыши вовремя подоспевшие пожарные.

ГРЭС-1 — гигантское сооружение, восстановить его будет не так просто. Неизвестно также, смогут ли давать ток повреждённые энергоблоки... Как бы там ни было, эта авария — сильнейший удар по всей союзной экономике.

Сколько всё же абсурда в нашей жизни! Пишет мать двоих детей — одному три года, второму — два месяца. Мужа через военкомат месяц назад отправили на уборку, других родственников у неё нет. Живёт на пятом этаже в старой “хрущёвке” и просто не в состоянии поднимать по лестнице коляску с ребёнком. Ходила к военкому и говорила, что даже в армию не берут мужчин, имеющих двоих детей. Тот отвечает: а у меня план и где мне других взять?

У нас каждая уборка — как стихийное бедствие, не зря же её с нашей лёгкой руки именуют битвой — битвой за урожай.

15 сентября

Из сегодняшней заметки облстатуправления “Город 90 наций”: в 1899 году в уездном городе Павлодаре проживало 6337 человек, в том числе 840 киргизов (казахов); по данным переписи 1926 года — 17,9 тысячи человек; к концу 1945 года — 38,1 тысячи (многие погибли на войне, но и сослано людей в нашу область было немало); за 1954-1959 годы (целина!) население города удвоилось, в том числе русских стало больше втрое, украинцев — в 3,5, а белорусов — в четыре раза, и к концу пятидесятих годов в Павлодаре насчитывалось более 90 тысяч человек.

За последние 30 лет население города выросло ещё почти в четыре раза, и теперь в нём проживает более 350 тысяч человек: русских — 201 тысяча, казахов — 47,5, украинцев — 33,7, немцев — 23, татар — 8,6, белорусов — 4,9 тысячи. Общее число наций и народностей указано в заголовке — 90.

В очередном “советском” номере депутат-водитель И. Смелаш режет правду-матку: “Сегодня нам, как никогда, нужна диктатура. Не диктат отдельных чиновников, а именно диктатура пролетариата, в том самом первоначальном смысле, который был заложен в неё ещё более 70 лет назад. Диктатура, основанная на тесном союзе рабочего класса, трудового крестьянства, здравомыслящей интеллигенции...”

Иван Иванович, конечно, яркая фигура, у него на всё происходящее своя точка зрения. Он часто бывает прав, но эту его идею мы просто не могли оставить без редакционного комментария. Наверное, опять будет ругаться...

Принесли письмо возмущённые печатники областной типографии: вы всё время пишете о дефиците бумаги, а что у вас под носом творится, не знаете; между тем в типографии скопилось полтонны невостребованной многотиражной

газеты “Тракторостроитель” — 17 номеров за два месяца, их общая стоимость — свыше двух тысяч рублей, а руководство тракторного завода сообщает в “ЗП” о своих финансовых трудностях...

Публикуем...

Авария при посадке “Як-40” с пассажирами в нашем аэропорту: самолёт при посадке съехал с полосы, столкнулся с другим “Як-40”, находившимся на стоянке, срезал себе крыло и ободрал борт. А тот, что стоял, и вовсе разломился пополам. Оба самолёта были с керосином, лишь каким-то чудом обошлось без пожара, и никто из пассажиров не пострадал.

Володя Бугаев “подсуетился” и сделал не только обстоятельный материал о происшествии, но и снимки обескрыленного и сложившегося пополам “Яков”. Вот это работа!

17 сентября

Позвонил помощник первого секретаря обкома: “Приглашаетесь на просмотр фильма “Торможение в небесах” — как член бюро обкома...”. Собралось человек десять — три секретаря обкома, председатель облисполкома, начальник управления КГБ... Действо происходило в конторе облкинопроката, где нас встретила её начальница Юркова — та самая, которую после показа кинофильма “Однажды в Америке” мы едва отбили у бывшего первого секретаря горкома... Наученная горьким опытом, она решила на этот раз подстраховаться — теперь уже членам бюро обкома надлежало составить своё мнение о фильме и решить — пускать ли его в прокат?

То, что мы посмотрели, к шедеврам киноискусства не отнесёшь. Однако многое из нашего времени схвачено, причём схвачено талантливо — атмосфера безраздельного всевластия первого секретаря обкома партии, нравы, царящие в его команде. Суть дела: в область приезжает Генеральный секретарь ЦК КПСС, визит прошёл на уровне... А теперь, проводя с активом “разбор полётов”, первый секретарь в привычной для него хамоватой манере поднимает одного за другим руководителей, предъявляя им претензии. Всё это записывает на плёнку группа работников Центрального телевидения (она освещала визит) и увозит записи в Москву. “Первому”, хоть и с опозданием, но докладывают о случившемся. Следует команда — остановить группу, но самолёт уже в воздухе. Тем не менее делается возможное и невозможное, чтобы вернуть самолёт и изъять плёнку.

Ситуация в известной степени доведена до абсурда, но, может, именно поэтому фильм держит в напряжении.

После просмотра мы вяло обменивались мнениями.

— Доканывают партию, — заметил Мещеряков, — ну как после такого фильма встречаться с людьми, кто нам поверит?

Против показа высказались два других секретаря обкома, председатель облисполкома... Я молчал, ощущая свою полную ненужность в этой компании, пока Мещеряков не обратился ко мне лично.

Я сказал, что можно, конечно, не показывать этот фильм у нас, однако он уже вышел на экраны и живёт своей собственной жизнью — независимо от нашего решения. Моё замечание было не в “струю” и вызвало недовольство у других членов бюро.

— Ну что ж, — вздохнул Мещеряков, когда дискуссия иссякла, — берите (это адресовано Юрковой): не посмотрят у нас — посмотрят в другом месте...

Добавление из 2006 года. Через несколько недель фильм “Торможение в небесах” стали показывать в городских кинотеатрах.

Нельзя сказать, чтобы народ на него валом валил... А мы собирались на просмотры ещё несколько раз и, к счастью, больше не возникало спора о прокатной судьбе фильмов...

На субботу и воскресенье ездили в Железинку — копать картошку: Лихановы (сестра с зятем) берут нас в “долю”, выделяя часть плантации... Нароботался до ломоты в костях. И хорошо, что так — хоть немного голова отдохнула.

Заметка в “Труде”: представители “Казачьего круга” обратились в постоянное представительство Казахстана в Москве с требованием об отделении от республики ряда приграничных казахстанских областей, включая, кстати, Восточно-Казахстанскую и Павлодарскую, как присоединённых незаконно... Час от часу не легче. Как будто перекройка границ — спасение от всех наших бед, а не самоубийство.

Казахи и без того исторически недолюбливают казачество за их, скажем так, особую завоевательно-усмирительную миссию на бывших окраинах империи. Теперь эта, мягко выражаясь, нелюбовь только усилится...

18 сентября

Провели в редакции аттестацию. Вроде всё прошло нормально: подход был доброжелательный и взыскательный одновременно. Кому-то пришлось выслушать и не очень приятные слова; надеюсь, это пойдёт им на пользу.

В соответствии с итогами аттестации установили оклады. Двоим журналистам их урезали. Конечно, они на меня в обиде, хотя обижаться должны прежде всего на самих себя.

На заседании бюро обкома бурно дебатировали вопрос о номенклатуре. Это список должностей, которые утверждаются или согласовываются обкомом партии. В представленном проекте предлагалось оставить в номенклатуре обкома 309 человек: не только освобождённых партработников разного ранга, но также и руководителей крупных предприятий,строек, организаций, включая директоров совхозов и председателей колхозов. Вот тут-то заспорили. “Отраслевые” секретари обкома настаивали на том, чтобы оставить всех: нечего, мол, нам бежать вслед за всеми модными нововведениями, надо сохранить свой контроль над кадрами.

Другие члены бюро — первый секретарь, председатель облисполкома (и я в их числе), а также прокурор области предлагали ограничиться только кругом партийных работников, входящих в орбиту работы самого обкома.

Дебатировали больше часа. Удивил меня Мещеряков, настаивавший на кардинальном сокращении номенклатурного списка и находивший веские, убедительные аргументы. Но в то же время он активно отстаивал учреждённый с подачи обкома в совхозах и колхозах области институт политорганизаторов — заместителей руководителей хозяйств по воспитательной работе.

На этот раз так ни до чего и не договорились, решили доспорить на следующем заседании бюро. Всё же это прогресс: нет привычного единомыслия в этом партийном органе, обычно демонстрирующем незыблемое морально-политическое единство.

Опубликовали проект Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР:

“На территории Казахской ССР, за исключением вопросов добровольно делегированных ею Союзу, устанавливается верховенство Конституции и законов Казахской ССР.

Республика вправе приостанавливать на своей территории действие законов и других высших актов органов Союза, нарушающих права и Конституцию Казахской ССР...

В собственности республики... находятся земля и её недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные богатства, весь экономический, научно-технический и интеллектуальный потенциал, всё национальное богатство, находящееся на её территории...

Казахская ССР имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе... в том числе в алмазном, валютном фондах и золотом запасе...

Казахская ССР объединяется с другими суверенными республиками в Союз на основе договора. Взаимоотношения строятся... исходя из суверенитета Казахской ССР.

Казахская ССР сохраняет за собой право свободного выхода из Союза в установленном законом порядке и с учётом интересов коренной нации...”

После народного обсуждения проект будет доработан и внесён на рассмотрение сессии Верховного Совета Казахской ССР.

Казахстан не первый в Союзе, кто заявил о суверенитете. Первыми это сделали прибалтийские республики — в гораздо более жёсткой форме, причём ни одна из них не согласна более состоять в СССР. На первом съезде народных депутатов РСФСР о государственном суверенитете заявила Россия. Потом одна за другой это стали делать другие республики. И теперь вот — Казахстан. Хоть в проекте декларации и подтверждается приверженность союзному устройству государства, полномочий у будущего Союза, похоже, будет с гулькин нос...

Глава крестьянского хозяйства П. И. Леонтьев первым в области получил государственный акт на пожизненное наследуемое владение 260 гектарами земли на территории совхоза “Заря”. Правда, произошло это несколько месяцев назад, а сегодня мы даём большой фоторепортаж Николая Кузнецова, представляя и самого землевладельца. Он окончил сельхозтехникум и Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. В нашей области живёт более 40 лет, работал агрономом, директором лесопитомника и целинного совхоза... Заработав инвалидность второй группы, переквалифицировался в пчеловоды...

Говорит, что работать на своей земле мечтал всю жизнь. Теперь его мечта сбылась. Кроме 260 гектаров земли, у него три счёта в банке на общую сумму свыше 320 тысяч рублей (это — кредит). На них он уже купил пять новых дождевальных машин “Фрегат”, автомобиль “ГАЗ-53”, взял в аренду ещё один, а также трактор, комбайн и другую технику. Большую часть земли засеивает гречихой,

которая пользуется повышенным спросом, стоит вдвое дороже пшеницы и к тому же остаётся в наших условиях лучшим медоносом. С кредитами П. И. Леонтьев намерен полностью рассчитаться за пять лет. Вместе с ним постоянно работают нанятый инженер-гидротехник и сын. Первому Леонтьев платит 500 рублей в месяц, второму — 300, себе самому — 100.

19 сентября

Перепечатали большое интервью Н. А. Назарбаева, которое он дал собору “Правды” в Казахстане Г. Дильдяеву. Интервью очень откровенное... О партийном покаянии: “Комплекс вины и так парализовал волю многих коммунистов... Нужно полнее и быстрее признавать ошибки и полнее и быстрее поправлять их”. Далее Н. А. ссылается на пример: в Карагандинской области коммунисты отвергли выдвиженца республики Е. Ф. Башмакова и избрали своего, которому больше верят — В. С. Гаркушу. Н. А. поздравил Гаркушу, а карагандинцев благодарит за урок. И ещё он сказал, кто посягнёт в Казахстане на гражданский мир, межнациональное согласие — тот его личный враг.

Отличный материал Зои Суворовой в сегодняшнем номере — “Горек хлеб старости”. Если и вправду о цивилизованности страны судят по тому, как в ней относятся к старикам, то нам до неё далеко — как до неба...

М. С. Горбачёв снова агитирует на сессии Верховного Совета СССР за программу рыночных реформ, которую подписали уже и академик Аганбегян, и академик Шаталин... Но у академика Абалкина есть ряд критических замечаний...

Узнал из нашей газеты, что общий тираж выписываемых жителями области газет и журналов составляет в этом году свыше одного миллиона 600 тысяч экземпляров. Теперь он, конечно же, упадёт. Мы переживаем: 15 рублей за годовую подписку на “ЗП” дорого... А если сравнить с некоторыми московскими изданиями, по общему объёму сопоставимыми с нами? Еженедельники “Московские новости” — 24 рубля, “Коммерсант” — почти 65 рублей...

Прелести рынка: в Ермаке достаточно позвонить по телефону — и вам прямо домой доставят свежие овощи и картошку. Такую услугу, пишет наш собкор Ю. Сакин, стал оказывать здешний агрокомбинат.

Для успокоения курильщиков публикуем информацию ТАСС: в Югославии срочно готовят по заказу СССР 3,5 миллиарда сигарет. Это будут сигареты с фильтром, которые у нас не продавались. Об их цене ничего не говорится.

Кульпаш Конырова подготовила приличный материал о проблемах родильных домов и рожениц. Помимо прочего, сообщает, что в одном из родильных отделений собираются разрешить присутствовать при родах мужьям... Не думаю, что найдётся много желающих. Я бы, наверное, не смог...

21 сентября

Совет Министров СССР принял постановление для стимулирования поставок мясопродуктов в общесоюзный фонд. На эти цели выделены две тысячи дефицитных “Волг”, а также грузовые автомобили, автобусы, тракторы, дефицитные трубы и металл. Эти ресурсы будут направляться в союзные республики при выполнении ими месячных заданий по отгрузке мясопродуктов в сентябре-декабре... Значит, дисциплина поставок по-прежнему никудышная, и административные рычаги уже не срабатывают.

О хаосе, царящем в выполнении договорных обязательств, можно судить по тому, что происходит на Павлодарском отделении Целинной железной дороги — самом крупном в СССР по объёму отправляемых грузов. В первом полугодии наши железнодорожники не смогли отправить потребителям свыше трёх миллионов тонн грузов (в основном это уголь). Причина — дефицит полувагонов, которых отделение недополучило к плану более 60 тысяч. Крайних, как водится, нет, отделение дороги несёт колоссальные убытки, платит штрафы...

В Павлодаре побывали представители американских фирм — мировых лидеров тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Они побывали на тракторном заводе и на других предприятиях. Это первый визит деловых людей из США в область, и вряд ли он приведёт к конкретным договорённостям, хотя, кто знает...

Даём тассовский материал об обстоятельствах смерти Александра Фадеева — автора “Молодой гвардии”, бывшего первого секретаря правления Союза писателей СССР... Я знал, что он покончил жизнь самоубийством, но не знал, почему это произошло. Теперь обнаружено и публикуется предсмертное письмо Фадеева, адресованное ЦК КПСС, в котором он обвиняет руководство партии в невежестве, в истреблении лучших литераторов, пишет, что его жизнь, как писателя, теряет всякий смысл...

22 сентября

Ездил в Экибастуз, куда приезжал мой однокурсник Касым Исманбердиев. Теперь он собкор КазТАГ по Кызыл-Ординской области и к тому же президент местного футбольного клуба. Их “Кайсар” играл с нашим “Экибастузем”, вот Касым и воспользовался возможностью повидать нас с Володией Федосенко.

Ехал в Экибастуз, вспоминал наше общежитское житьё-бытьё. Как-то утром захожу в Касымовскую комнату и слышу: “Восемь, девять, десять — всё! Выиграл!”. Это Касым на спор держал перед собой чайник. Без помощи рук. На чём? Да на том самом...

Общались у Володи на даче, жарили шашлык. День выдался просто благодать, под стать ему было и наше настроение. Не обошлось, конечно, без разговоров о политике, межнациональных делах. Касым на чём свет стоит костерил своих “национал-патриотов” за недальновидность и ограниченность. Несмотря на то что население в области почти сплошь казахское, своих детей он отдал в русскую школу. Ещё говорил, что никакой перестройкой в Кызыл-Орде и не пахнет: по-прежнему действует влиятельный “теневой кабинет”, без которого не обходится ни одно сколько-нибудь значительное назначение. Словом, юг есть юг, и перемен там ещё долго не дожидаться.

Как члену бюро обкома мне приносят красную папку — для предварительного ознакомления с материалами по вопросам, выносимым на заседания. В основном это аналитические справки и проекты постановлений бюро. Последние идут под грифом “секретно”. Вот уж действительно — пережиток! Ведь дело не только в том, что в этих постановлениях, как правило, нет ничего секретного, но ещё и в том, что мы потом, пусть и в изложении, печатаем их в газете.

Ещё мне стали давать план-график работы первого секретаря обкома на ближайший месяц. В нём всё расписано по дням и по часам: заседания, совещания, встречи, поездки по области, командировки в Алма-Ату и Москву.

Выходных у Мещерякова, судя по этому плану-графику, нет вообще. Суббота обычно полностью рабочая; а по воскресеньям он до обеда объезжает город (с обязательным посещением рынка), а после обеда в графике всегда фигурирует один и тот же пункт — “Работа над собой”. Содержание данного пункта вызывает у меня жгучее любопытство: что это означает — чтение трудов Маркса-Энгельса-Ленина, какие-то другие формы самообразования, анализ собственных достижений и неудач за предыдущую неделю? Или, может быть, воспитание характера?

Теперь у нас с братом Петькой вошла в обиход шутка: в ответ на вопрос “Чем занимаешься?!” , адресованный им мне (или мною — ему), следует неизменное: “Работаю над собой!”.

В “Комсомолке” напечатана огромная статья А. И. Солженицына “Как нам обустроить Россию”. Он считает: надо дать возможность отделиться не только Прибалтике, но и Молдавии, Закавказью, среднеазиатским республикам. А если они не заявят об этом, Россия должна сама заявить о своём самоотделении, оставшись в Союзе лишь с Украиной и Белоруссией. Мотивы: Россия, отдавшая другим республикам все свои соки, теперь в тяжелейшем положении и должна, наконец, заняться собственными проблемами.

О Казахстане — разговор особый. Солженицын язвительно пишет, что когда Ленин “нарезал” границы нашей республике, эта проблема была малосущественной: считалось — границ больше не будет вообще... Так, по Солженицыну, Казахстану отошла территория, никогда ему не принадлежавшая — часть Южного Урала, Западной Сибири: где хоть раз бывали кочевники со своими стадами, то и отрезали... Так Казахстан стал обладателем территории, где коренное население составляет меньше половины общего. А обустроивали эту территорию высланные сюда народы, многочисленные подразделения ГУЛАГа и т. д. Исконно же казахские земли — это дуга нынешних южных областей республики (Солженицын именует эту территорию “сплоткой”), и вот если они надумают отделяться, то пожалуйста!

Вряд ли подобное заявление Александра Исаевича поспособствует умиротворению общественных умонастроений — как в самой России, так и за её пределами — скорее всего, подольёт масла в огонь.

Если отвлечься от нашей нынешней обстановки, то, может, он в чём-то и прав. Но как от неё отвлечёшься — от этой обстановки! Момент для подобного заявления — крайне неудачный! С одной стороны, “отделенцы” получают лишний козырь, а с другой — у национал-патриотов в том же Казахстане теперь есть ещё один мощный стимул для объединения: Солженицын предлагает “расташить” нашу республику!

Хорошо ему мыслить планетарными масштабами, абстрагируясь во времени и пространстве... А когда сам живёшь в этой разваливающейся империи и вполне можешь оказаться за границей своей исторической родины, то от подобных откровений становится не по себе. Как Солженицын представляет себе делёж пограничных территорий Россией и Казахстаном? Если российские “патриоты” объявят упомянутые Солженицыным области своими, казахи с этим никогда не согласятся. У каждой стороны найдётся тысяча аргументов в свою пользу. И что тогда? Воевать?

Спору нет — дров за эти 70 лет большевики наломали немало. Но нельзя же делать вид, что все свои владения даже царская Россия приобретала исключительно силой. Было ведь и мощное взаимное тяготение. Да и коммунистическая идея обладала огромной притягательной силой. Тем самым я хочу сказать, что всё было гораздо сложнее и противоречивее. И сегодня не так просто вернуть всё в прежнее состояние. Как быть, например, с десятками миллионов людей, которые живут сегодня вне пределов России (Украины, Белоруссии и т. д.) и готовы жить там и дальше, если те республики останутся в составе Союза и, скорее всего, не согласятся на их выход из него? Разве та же Россия в состоянии будет сразу принять огромную армию “возвращенцев” из всех тех республик, которые Солженицын предлагает отделить? Ведь речь идёт о миллионах и миллионах людей... Кто сможет их обустроить? Правда, Солженицын и тут предлагает некоторые варианты решений, но в жизни-то всё и всегда оказывается намного сложнее. Несколько десятков тысяч беженцев из Армении и Азербайджана не можем толком обустроить, а тут миллионы.

А. И. Солженицын, конечно, крупный мыслитель, но не знаю, чего будет больше от его статьи — пользы или вреда.

Верховный Совет РСФСР практически единогласно проголосовал за отставку Союзного правительства в полном составе и формирование правительства народного доверия. У Верховного Совета СССР остаётся неделя на размышление — с первого октября начинается реализация российской программы перехода к рынку “500 дней”. Это и есть правительственный кризис, ведь СССР без России — это уже не СССР.

В Тбилиси разгромлено здание республиканского КГБ. Грузинские демократы требуют его ликвидации.

25 сентября

Подписка идёт вяло. За первые 20 дней набрали чуть более 12 тысяч экземпляров — 8,2% от нынешнего тиража. Чуть больше подписавшихся (по общему числу) у “АиФ”, после нас идут “Труд”, “Комсомолка”. У “Кызыл Ту” — 300 экземпляров. Конечно же, нынешнего тиража нам не набрать. Итог пока просто невозможно прогнозировать.

Какие-то идиоты устроили взрыв в алма-атинской русско-казахской школе, которую другие идиоты додумались разделить перегородкой...

Митинг в Алма-Ате, где тон задавали национал-патриоты. Помимо всего прочего, ораторы призывали выдворить из Казахстана собора “Известий” В. Ардаева, “не так” освещавшего последние события в республике.

Какое-то всеобщее безумие. Или это Бог лишает нас разума за то, что мы жили и живём как нелюди? В людях нарастают озлобленность и агрессия, ненависть к ближнему, а ведь это добром не кончается.

С. П. Шевченко по просьбе пресс-службы Н. А. Назарбаева написал статью против национализма и сепаратизма — по-моему, очень приличную и нужную именно сейчас. С. П. принёс её мне, чтобы просто посоветоваться, а я сказал, что готов напечатать статью в “ЗП”. Он сперва согласился, а потом позвонил и дал отбой. Сказал: недовольными будут и националисты, и “отделенцы”-сепаратисты, он же окажется между двух огней, его станут поливать и те, и другие... А ему это на склоне лет вовсе ни к чему... В этом есть своя логика (ведь не поняли же его братья-казахи, когда он выступил с отличной статьёй “Семь раз отмерь” — по проблемам государственного двуязычия; мне самому эту статью много месяцев припоминали), но есть и своего рода жуткая нелепица: равнодушный, умный, авторитетный человек в нужное время хотел сказать нужные вещи, а вместо этого решил молчать.

Надумали покупать дачу. Хотя дача — это громко сказано: крохотный участок в четыре сотки и небольшой домишко (зато с верандой!) — на двух хозяев, разделённый перегородкой. Очень хорошее, уединённое место на берегу Иртыша и совсем близко от дома. Я о таком уголке и мечтал. Попросят 3,5 тысячи рублей. Дороговато, конечно, но боюсь, скоро за такие деньги вообще ничего не купишь...

Поздно вечером (уже после “Времени”) включил Алма-Ату и попал на пресс-конференцию в ЦК Компартии Казахстана. Речь шла о недавнем взрыве в алматинской школе, о сепаратистских настроениях, о неблагоприятной роли депутатов из Восточного Казахстана, подогревающих “отделенческие” настроения.

Досталось всем, включая и безответственных журналистов (В. Ардаев и иже с ним), и А. И. Солженицына с его недавней статьёй... Вёл пресс-конференцию второй секретарь ЦК В. Ануфриев. Правду говорят, что телевидение “раздевает” человека... В своём желании угодить одной стороне он выглядел не только серо и бесцветно, но временами просто жалко... И это — партийный лидер республиканского масштаба. А ещё на своих “обкомовцев” обижаюсь.

Кажется, депутаты Верховного Совета СССР совсем запутались в предлагаемых им программах перехода к рынку. Публикуем очередное выступление на сессии М. С. Горбачёва, в котором он признаёт, что переход этот будет трудным, а сам рынок сформируется в течение пяти-десяти лет... М. С. предлагает теперь взять за основу проект программы, предложенный им самим и обогащённый положениями правительственной и всех альтернативных программ... Свои дополнения есть и у республик, представители которых накануне весь день дискутировали по этому вопросу.

Очередную свинью Горбачёву подложила Молдавия: в принятой Верховным Советом Молдавской ССР декларации о суверенитете нет пункта о том, что республика остаётся в Советском Союзе.

27 сентября

Во вчерашнем номере дали программную статью второго секретаря обкома партии “Время конструктивных действий”. Это была его собственная инициатива. Роберт Штарк принёс мне черновую полосу с этой статьёй, испещрённую негодующими пометками. Ответил ему: я и сам не в восторге от текста, но ведь не мы с тобой его писали... Роберта мой ответ не удовлетворил, и всё же не думаю, что мы должны переписывать материалы партийных руководителей такого ранга, тем более что в данном случае нашей помощи и не просили...

Трёхдневная забастовка на Павлодарском ремонтно-механическом заводе. Предприятие, освоившее выпуск дефицитных подъёмных кранов различной грузоподъёмности, по сути, доводится до ручки бездарными действиями столичного начальства. Рабочие завода горой стоят за своего директора М. Г. Оразбаева, который добивается его экономической самостоятельности. Пока же директор “добился” лишь инсульта. Публикуем большой материал Халела Карпыкова, который представляет все точки зрения.

В обкоме опять недовольны — на этот раз нашей заметкой по проекту Декларации о независимости Казахской ССР. Одно из положений проекта гласит: республика оставляет за собой право свободного выхода из Союза в установленном законом порядке и с учётом интересов коренной нации. Это положение, а особенно его концовка, и сеют смуту в душах и умах “русскоязычного”, как сейчас принято называть всех не казахов, населения. Что подразумевается под словом “коренной”? Сколько надо прожить в республике, чтобы стать “коренным”? Или это привилегия лишь одной нации?

Из-за этого и разгорелся сыр-бор на собрании, обсуждавшем проект Декларации. Был на нём представитель усть-каменогорцев, разъяснивший позицию местных депутатов, которых в последнее время обвиняют в сепаратизме. Было много споров, но мы в своей заметке о них не писали, указав лишь на коренное противоречие, о котором говорили все. Как оказалось, эта встреча не была санкционирована властями, а мы её назвали собранием представителей общественно-политических организаций, тем самым подняв её на официальный уровень. Чем более всего и были недовольны в обкоме.

Позднее в разговоре один на один А. М. Ажибаева сказала, что Н. А. Назарбаеву поступило письмо из Павлодара (в нём более 170 подписей), в котором идёт речь о нарастающих и у нас “отделенческих” настроениях и о том, что они не получают должного отпора со стороны Мещерякова.

Новые веяния из разряда курьёзных: на обкомовских машинах сменили номера — вместо престижных “нулей” на них теперь ничего никому не говорящие наборы цифр. Перестраиваемся!

28 сентября

Демократия дошла и до средств массовой информации. В Ермаковской городской газете заместителя редактора избрали по конкурсу (из трёх кандидатов). Им стал Иван Гаврилович Кондратьев, толковый журналист и организатор, в прошлом — редактор успенской районной газеты.

Иногда наша газета становится ликбезом для меня самого. Так, например, я не знал, насколько у нас мощная система профтехобразования: это шестнадцать дневных профтехучилищ, одно специальное и четыре — в исправительно-трудовых учреждениях (сколько, однако, народу сидит в этих самых “учреждениях”!). Ежегодный выпуск из дневных профтехучилищ — 4000 человек. Куда девается эта армия? Крупнейшие предприятия области — тракторный, химический, трест “Трансстрой” и ряд других более чем на треть состоят из выпускников училищ.

29 сентября

Хороший день был вчера. Удалось вырваться вместе с Ольгой в мои родные места... Нам повезло: захватили остаток отчаянно-красивой — на излёте — осени. Побродили по усыпанному опавшими листьями лесу, где свежо и спокойно, где можно не думать ни о чём или думать о вечном. Перекусили на опушке прихваченной из дома снедью, а жёлтые листья при лёгких порывах ветра, срываясь с берёз, ложились нам на “стол”.

Вспомнил, что в прошлом году, почти в эту же пору, я приезжал сюда один, мне было тогда невыносимо плохо, но тут я чуть-чуть оттаял, пришёл в себя... А спустя какое-то время и на работе всё хотя бы отчасти наладилось... Так что, может быть, эти тайные поездки в родные места — ещё и лекарство от бед и жизненных невзгод...

В этот раз нам с Ольгой повезло особенно: мы умудрились найти десятка три отличных подберёзовиков, каким-то чудом сохранившихся в лесу до последних дней сентября...

Поздним вечером того же дня звонок Шакиримова: читал ли я сегодняшние республиканские газеты и как собираюсь реагировать? Отвечаю — был в поездке, спрашиваю — что в газетах? Оказывается, опубликованы итоги разбирательства, предпринятого специальной комиссией, расследовавшей обстоятельства декабрьских событий 1986 года, и Ш. считает: мы также должны немедленно проинформировать местную общественность, ведь среди виновников беззакония фигурирует и Мецержаков...

С утра нашёл в газетах заключение комиссии. Оценки — полярные тем, что давались по горячим следам декабря 1986 года. Демонстрации протеста — не проявления национализма, поскольку они не были направлены против какой-либо нации. Это осознанный протест против келейного и оскорбительного по форме назначения Г. В. Колбина первым секретарём ЦК Компартии республики. Руководство республики не пожелало вступить в равноправный диалог с молодёжью, передавало в центр искажённую и паническую информацию, что и привело к дальнейшим трагическим событиям.

В заключении комиссии также говорится: при разгоне демонстрантов военнослужащими и милицией использовались дубинки, сапёрные лопатки, служебные собаки, металлические стержни (резаная арматура) и т. д. Задержанных избивали, полураздетыми вывозили зимой за город и там оставляли, без всяких санкций помещали в следственные изоляторы и держали по несколько дней, нередко без пищи и необходимой медицинской помощи...

В несколько раз было занижено объявленное число задержанных (не 2-2,5 тысячи, а 8,5 тысячи), больше оказалось и погибших.

Следствие и суд велись неквалифицированно и с явным обвинительным уклоном.

(Тут я сразу вспомнил, как пострадал мой однокурсник и хороший журналист Серёга Скороходов. Он был в ту пору первым замом редактора алма-атинских “Огней Алатау” — одной из лучших газет Казахстана — и решил дать снимок с судебного процесса над “декабристами”, получившими солидные сроки. Снимки были не редакционными, а КазТАГовскими, но кому-то в ЦК, скорее всего, на самом верху, показалось, что у осуждённых совсем не покаянный вид, скорее — наоборот. И Серёга в итоге лишился руководящей должности, хорошо ещё — из конторы не вылетел).

Вернёмся, однако, к заключению комиссии. В числе виновников она называет тогдашний состав Политбюро ЦК КПСС, допустивший диктат и одобрявший неконституционные действия, которые привели к тяжким последствиям и национальной напряжённости в республике. Далее названы десятка три персональных виновников, которые либо сами принимали решения, либо ревностно их исполняли, проявляя и личную инициативу.

Это: Колбин, а также бывший секретарь ЦК КПСС Соломенцев и председатель КГБ СССР Чебриков, бывшие секретари ЦК Компартии Казахстана Мирошхин (ныне посол СССР в Замбии), Камалиденов, заведомыми ЦК Компартии Казахстана Ефимов (работал когда-то у нас в области — заводделом обкома), Устинов, руководители правоохранительных органов республики — КГБ, МВД, прокуратуры, Верховного суда, секретари Алма-Атинского горкома партии...

Персонально назван и Мещеряков — в ту пору первый секретарь Октябрьского райкома партии Алма-Аты... В чём конкретно его обвиняют — не сказано.

Комиссия предлагает: пересмотреть решение о назначении Колбина председателем Комитета народного контроля СССР, отозвать из Замбии Мирошхина, поставить вопрос о невозможности использования на нынешних постах всех других, причастных к декабрьским событиям и поимённо названных.

В отношении народных депутатов СССР Колбина, Мендыбаева (в ту пору — первый секретарь Алма-Атинского обкома партии), Мещерякова, Мирошника (бывший председатель республиканского КГБ) — проинформировать избирателей и ЦК КПСС об их истинной роли в тех событиях и призвать первых (избирателей), а также руководство партии решить вопрос о доверии к этим лицам.

Такие вот выводы... Что будет дальше — сказать трудно. По-хорошему все поименованные либо должны подать в суд на комиссию (чего, скорее всего, не будет), либо сами уйти в отставку (что тоже маловероятно). Видимо, продолжится вялотекущая перепалка.

Что же касается Мещерякова, то ему не позавидуешь: его противники получили такой козырь, о котором и не мечтали. И — надо думать — они-то сделают всё, чтобы использовать “вновь открывшиеся обстоятельства” на полную катушку.

Как поступит Мещеряков — не знаю... Оправдаться будет вряд ли возможно. Потому что упирать на то, что действовать приходилось в “тех” обстоятельствах — самоубийственно. Всё отрицать после того, как твою фамилию назвали в числе главных виновников, также вряд ли имеет смысл. Сделать вид, будто ничего не произошло, не удастся.

Всё же, думаю, ещё очень рано считать всех поименованных в заключении комиссии политическими трупами. Вон Г. А. Алиева заклеили на всех возможных уровнях — одна разоблачительная статья “Алиевщина” в “Правде” чего стоит! А ведь жив курилка! Баллотируется в народные депутаты Азербайджанской ССР, критикует Горбачёва: мол, “двигал” его на пост генсека, а тот отплатил ему чёрной неблагодарностью, хотя Алиев служил партии верой и правдой 45 лет...

В интересное время живём.

2 октября

Ругаем наш павлодарский трактор за многочисленные несовершенства, а он на международной выставке “Сельхозтехника-90”, что проходила на ВДНХ СССР, получил диплом “За высокий технический уровень”.

Проект по дальнейшему усовершенствованию трактора предусматривает оснащение его кондиционером.

С месяц назад опубликовали письмо женщины-инвалида первой группы. Она не может обходиться без чьей-либо помощи, но не хочет идти в дом престарелых. Жильё у неё есть, и она спрашивала: может быть, кто-нибудь согласится жить с ней. В ответ пришло много писем, а ещё больше было телефонных звонков. Кто-то, разумеется, рассчитывал в будущем стать обладателем её квартиры, но большинство — десятки человек — предлагали свою помощь совершенно бескорыстно — от ухода за ней до снабжения соленьями-вареньями собственного приготовления. А инженер из Бескарагая Л. К. Айтпаева пригласила её пожить у себя — сколько той захочется: есть свой дом, хозяйство, трое взрослых детей живут отдельно, и они не против желания матери поддержать одинокого человека.

И всё было бы совсем хорошо, если бы не одна “мелочь”: у женщины-инвалида есть собственный сын, которому нет дела до её проблем; это он и надумал отправить её в дом престарелых.

Чего только в сегодняшней жизни не бывает! Большой репортаж Халела Карпыкова из очередного “советского” номера “ЗП”: речь о свадьбах, но не совсем обычных. В одной из павлодарских колоний сочетались браком сразу восемь пар. Женихи — заключённые, невесты — с воли. Некоторые знали друг друга раньше, но большинство были знакомы лишь заочно — по переписке. Так, к одному из новобрачных будущая супруга приехала аж из Запорожья... Хотя с перепиской случаются казусы: один заключённый “поручил” свою переписку с “заочницей” соседу по бараку, а фотографию ей отправил другого соседа, посимпатичней. И когда та приехала знакомиться, то билась в истерику, ведь встретила совсем не того, на кого рассчитывала.

Один брачующийся делает это в восьмой раз... Смысл? Какое-никакое разнообразие небогатой событиями жизни в колонии. К тому же тем, кто зарегистрировал брак, полагается трое суток отдыха, которые они могут провести с жёнами в отдельных специальных комнатах.

Этот репортаж уж точно прочитают!

Да, похоже, сегодня ничего невозможного нет. Из подборки информации во всё том же субботнем номере: преподаватель Павлодарского института, кандидат технических наук, выучил французский язык, прошел четырёхмесячную стажировку в Париже и выехал вместе с семьёй в Тунис, где в местном университете будет преподавать машиностроение и металловедение. Жить теперь будут на берегу Средиземного моря.

3 октября

Выдали “двухцветный” спецвыпуск, приуроченный к выходу 15000 номера нашей газеты. Помимо прочего, в нём даём слово всем ныне живущим

редакторам “ЗП”. С каждым из них так или иначе связана и моя журналистская судьба: с В. С. Молотовым познакомился, когда делал первые шаги в журналистике; В. М. Онухов принимал меня на работу, помог получить первую в моей жизни квартиру; С. П. Шевченко помогал моему творческому становлению и “двигал” по службе, мы дружим и сейчас....

В отведённых мне 180 строках написал: “Мне грех обижаться — я дожил до гласности... Хотелось бы дожить и до свободы печати, сделать “ЗП” истинно народной газетой... А всем нам остаётся жить и работать так, чтобы наше время никогда не вспоминалось как время упущенных возможностей”.

4 октября

На пару дней вырвался в Алма-Ату — повидался с братом Петькой (он там в отпуске) и совершенно неожиданно — с Толей Егоровым. Они с Толей Устиненко разыскали меня ночью, на чужой даче, переполошив всю округу. И правильно сделали: Егоров уезжает учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС, а это значит — мы теперь будем видеться ещё реже. Я искренне рад за Толю, с которым мы всю нашу студенческую жизнь прожили в одной общежитской комнате и стали, пожалуй, самыми близкими людьми... Учёба в АОН — удел избранных, и это сулит Егорову, при его трудолюбии и умении переживать жизненные невзгоды, приспособляться к обстоятельствам, большие перспективы.

Исторический день в жизни немцев — объединились ФРГ и ГДР, хотя объединением это вряд ли назовёшь: скорее, Германия социалистическая поглощена Германией капиталистической.

В ГДР между тем находится 300-тысячная советская армия — так называемая ГСВГ. Вроде немцы пообещали на её передислокацию (куда можно быстро перебросить такую массу военных, техники и другого имущества?) 12 миллиардов рейхмарок.

Вчера вечером участвовал в торжественном собрании, посвящённом 70-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана. На него приехали делегации из районов, зал областного драмтеатра был полон. В фойе встретил Г. А. Никифорова и К. Н. Шакиримова и за первого даже порадовался: вот и Геннадий Алексеевич приободрился, на собрание пришёл... Правда, началось оно с опозданием на полчаса — на сцене не оказалось бюста В. И. Ленина; пока его привезли, установили... Подумал ещё — дурная примета...

В президиум усадили ветеранов и нас — членов бюро обкома партии, президиума и исполкома областного Совета. Второй секретарь обкома К. К. Ашимбетов открыл собрание (Мещеряков, говорят, по каким-то срочным делам улетел в Алма-Ату), прозвучали гимны СССР и Казахской ССР...

Я даже не помню, успел ли К. К. Ашимбетов объявить докладчика — председателя облисполкома Ж. Г. Исакова — как на сцене возник ветеран-активист Х. Батталов и предложил почтить минутой молчания погибших во время декабрьских событий. Это была явно незапланированная инициатива, наш президиум оцепенел от неожиданности... Все встали... А Батталов далее заявил: раз собрание происходит без его главного участника — убийцы Мещерякова, то со сцены должна уйти и его команда. Затем на трибуне возник человек, назвавший себя жертвой декабрьских событий; он отсидел четыре года, готов раздеться и

показать всем отметины, оставленные теми, кто усмирлял “декабристов”; Мещерякова он назвал фашистом... Следующим оказался рабочий Павлодарской ТЭЦ-1 Ю. В. Половников. Из его не очень внятной речи я понял только, что он написал письмо в ЦК Компартии Казахстана о творящихся в области безобразиях и имел из-за этого неприятности от кого-то из секретарей обкома партии. Ещё он сказал, что виновник недавних событий — забастовки на тракторном, митингов, недавнего суда над коллективом тракторосборочного цеха — Мещеряков, и ему не место в области...

Тут к трибуне пробился ещё один ветеран — Д. А. Асанов, попытавшийся призвать организаторов “акции протеста” к благоразумию, но это не возымело результата — тем надо было довести задуманное до конца.

На сцену вышел Г. А. Никифоров, но микрофон ему не давали, и он ходил за ним туда-сюда... А когда всё же его заполучил, то говорил, не выбирая выражений. Суть им сказанного сводилась к следующему. Он, как и его родители, родился и вырос в Павлодаре. И до недавнего времени все мы тут, и казахи, и русские, жили душа в душу, а наш Казахстан по праву называли лабораторией дружбы народов. Пока в Казахстане не появился Колбин, который во время декабрьских событий показал себя кровавым садистом... Погибли ни в чём не повинные молодые люди. А Мещеряков за активное участие в подавлении выступлений “декабристов” получил повышение по службе и приехал к нам. Разве такое можно прощать? Ведь это он посеял у нас зёрна раздора. Да и что можно было ждать от него, ведь он по убеждениям лигачёвец. Мы должны очистить область от этого ставленника кровавадно-го садиста Колбина, потому что он не имеет права смотреть нам в глаза. Мы должны выразить ему недоверие и снова будем дружно жить и работать.

Энергичная речь Никифорова была встречена аплодисментами... А я вот о чём думал... Разумеется, у Геннадия Алексеевича есть все основания не любить Колбина — именно он лишил Г. А. поста первого секретаря горкома партии, походя обвинив его и в нечистоплотности (якобы Никифоров подменил текст известного “письма-42-х”, адресованного ЦК КПСС). А Мещеряков, ревностно исполняя указание Колбина, едва не исключил Никифорова из партии. Никифоров, почти всю свою жизнь проработавший в области, занимавший в разное время посты первого секретаря Ермаковского, Экибастузского и Павлодарского горкомов партии, имевший большой вес в партийной среде, да и среди руководителей предприятий, конечно же, не заслуживал подобной участи. Лучшее, что могли с ним сделать — это с почётом отправить на пенсию. Его же решили примерно наказать, чтобы другим неповадно было. И вот теперь Геннадий Алексеевич решил полностью рассчитаться с обидчиками. Что тут скажешь? Он, конечно, фигура и нерядовая личность. Но когда он рядится в демократические одежды, это просто смешно. Всю жизнь он был партийным руководителем жёстко авторитарного стиля, что знают все, кому довелось с ним работать. Это совсем не означает, что он был плох — просто он так был воспитан, знал, что именно последовательной жёсткостью скорее добьёшься цели. В сущности, по стилю и методам работы они с Колбиным, скорее, союзники, нежели антиподы, ведь и Г. А. не стал бы церемониться с низестоящим секретарём, если бы тот вдруг стал актуально возражать ему, “выпряматься”, проявлять неуместную инициативу... Но случилось то, что случилось, и Колбин отныне будет проклят казахами, а Никифоров приобретает в Павлодаре ореол не только мученика, но и борца за справедливость.

Завершал спектакль под названием “Акция протеста” К. Н. Шакиримов, который, вернее всего, стал его главным режиссёром. Его речь была продуманной, политически выдержанной. Он говорил, что родился в России, а вырос — в

большом смысле, как человек и руководитель — в Казахстане. У него много друзей среди русских, двое только что выступали... По мнению Ш., то, что произошло сейчас, перед собранием — это, скорее, хорошо, хотя и неожиданно для части собравшихся; теперь люди знают: мы не бессловесные бараны — у нас прорезался голос, и больше мы молчать не станем. На этом он предложил завершить “неприятную” часть собрания и продолжить его в соответствии с отмечаемой датой. Но прежде надо удалить со сцены часть президиума, ведь тот же Искаков (председатель облисполкома) нанёс области вреда, может быть, даже больше, чем Мещеряков: хоть и работает дольше, а такой же временщик... Доклад же пусть прочитает А. Ф. Симон (секретарь обкома партии по селу), которого в равной степени уважают и казахи, и русские. А вести собрание можно поручить Е. Г. Азарову — первому заместителю председателя облисполкома и достойному человеку.

Из президиума никто не ушёл: К. К. Ашимбетов пояснил — здесь же большинство — ветераны, они-то в чём виноваты?

Затем препирались — кому читать доклад?

— Пусть Симон читает, — крикнул кто-то из зала.

Я сидел в третьем ряду президиума — сзади Искакова и, наклоняясь к нему через ряд, громко шептал: “Жаксылык Габдуллинович, скажите же несколько слов людям — вас будут слушать!”. Думаю, он хорошо меня слышал, но не реагировал.

К. А. Ашимбетов вызвал А. Ф. Симона:

— Читайте, Александр Фёдорович!

Тот, невероятно растерянный, вышел к трибуне и, с трудом подбирая слова, заметил, что большая демократия и большая порядочность — не одно и то же; с выводами комиссии по декабрьским событиям ещё будут разбираться... А доклад должен делать тот, кому это поручено.

К. К. Ашимбетов предложил прочитать текст новому секретарю Павлодарского горкома партии М. К. Дуйсембаеву, но он тоже отказался.

Всё происходящее напоминало жуткий трагифарс...

Наконец, встал Ж. Г. Искаков, подошёл к трибуне. Лицо его было багровым. Он сказал, что работает в области пять лет, все эти годы старался служить людям, и никто не вправе обвинять его во всех смертных грехах... После этого он всё же прочитал доклад, и собрание объявили закрытым, хотя было запланировано ещё пять-семь выступлений.

На праздничный концерт я не остался, домой пришёл разбитый и злой, с ощущением — будто меня обгадили...

Больше всего меня поразила полная беспомощность тех, кому по должности полагалось хоть как-то отреагировать на затеянную акцию. Совсем не обязательно было выдворять из зала её организаторов или не давать им слова (они ведь и не просили его). Всего-то и надо было сказать в ответ: не время и не место говорить об этом здесь и сейчас... В очередной раз с досадой подумал: кто же руководит нами?

Утром взялись с В. Г. Семерьяновым за информацию (он также был на том собрании и даже готовился выступать), постарались сделать её максимально достоверной и не политизированной... Редколлегия одобрила текст.

А после обеда вызвали на внеочередное заседание бюро обкома партии — по поводу вчерашнего торжественного собрания. В отсутствие Ю. А. Мещерякова бюро вёл К. К. Ашимбетов. Цель: обменяться мнениями, сделать выводы...

Честно говоря, я вообще не хотел выступать, но Ашимбетов почему-то первым попросил высказаться именно меня.

Я, оговорившись, что на абсолютную истину не претендую, сказал следующее: глупо обижаться на организаторов акции, взывать к их совести и благоразумию —

они знали, на что шли, и на достигнутом не остановятся; поэтому наша задача — спрогнозировать ситуацию на будущее и решить — что делать. Ещё я сказал: плохо, что ни у кого из членов бюро не нашлось аргументов, чтобы ответить организаторам акции. Кто-то из нас обязан был это сделать, что было бы хорошо воспринято большинством зала. Сказал ещё: надо немедленно затребовать все материалы комиссии по расследованию декабрьских событий (особенно те, что касаются Ю. А. Мещерякова), опубликовать их, дав возможность высказаться и ему самому...

Это моё предложение было поддержано практически всеми. Ж. Г. Исаков вдобавок предложил послать с этой целью в Алма-Ату наших полномочных представителей...

Председатель горисполкома А. Б. Аубакиров заметил, что аналогичная акция не исключена и 7 ноября, если мы будем проводить праздничную демонстрацию по сложившейся схеме: с трибуной для избранных на площади, мимо которой шествуют колонны, и т. д.

Кто-то сказал, что надо разобраться с коммунистами, которые участвовали в акции...

Председатель КГБ Е. И. Мусабаев предложил встретиться с организаторами действия в драмтеатре, узнать — чего они хотят. Хотя они высказывались довольно ясно, требуя немедленной отставки Мещерякова...

Ж. Г. Исаков, возражая мне, сказал, что не считал нужным оправдываться на собрании или спорить с выступавшими — из-за этого могла возникнуть свара... А так — доклад прозвучал, собрание состоялось, и это главное. Говорил ещё: мы переживаем весну демократии, а в бурных водах весеннего половодья бывает пена, к подобному и относиться надо соответственно.

А. Ф. Симон заметил, что его не устраивает нарисованная мной перспектива повторения подобных спектаклей (как будто она самому мне нравится), что торжественное собрание — не место для подобных демаршей, и что газета в таких случаях не должна опаздывать и отмалчиваться — надо дать информацию с соответствующим комментарием. На последнее предложение мне так и хотелось ответить: “Вот вы, Александр Фёдорович, и напишите, поставьте свою подпись, а мы напечатаем!”. Но промолчал — надо уметь выслушивать товарищескую критику...

Последним выступал М. К. Дуйсембаев. Вот уж кто раздал всем сестрам по серьгам, ни словом не обмолвившись о том, что акция прошла в городе, где он — первый секретарь горкома партии и, по идее, тоже должен нести ответственность за случившееся. Впрочем, Дуйсембаев наверняка был в курсе всех дел организаторов демарша...

Особый счёт он предъявил отсутствующему Мещерякову (нам объяснили — тот всё ещё в Алма-Ате): не надо искать крайних и обвинять их в экстремизме — корни случившегося — в действиях самого Мещерякова. Дуйсембаев припомнил ему и изгнание из коридоров власти Шакиримова, и преследование Никифорова, и нечестность по отношению к себе самому... Когда Дуйсембаеву, ещё второму секретарю обкома, предложили возглавить постоянную комиссию Верховного Совета Казахской ССР (с хорошим окладом и машиной — уточнил Д.), он пришёл к Мещерякову за советом — как поступить, тот ответил: не торопись, мол, работай, а затем “прокатил” его кандидатуру в секретари обкома на областной партийной конференции. Во время недавних выборов первого секретаря Павлодарского горкома партии, по словам Дуйсембаева, активно разыгрывалась национальная карта: не хватало, мол, чтобы “первым” в нашем городе стал казах...

Припомнил Дуйсембаев и избирательное преследование коммунистов-руководителей, поставивших свои подписи под “письмом 42-х”... Среди “подписантов”

были и Ашимбетов, и Аубакиров, и он сам, а крайними выставили Никифорова, Стоянову и других.

Д. говорил о других кадровых и прочих провалах Мещерякова. А закончил тем, что когда-то “Первый” “давил” “неформалов”, создавал специальную группу при обкоме для их нейтрализации, а теперь ходит с ними чуть не в обнимку... Между тем некоторые из них заражены “отделенческими настроениями”... Кроме всего прочего, Мещеряков и Исаков втихаря выкупили занимаемые ими квартиры...

Меня Д. упрекнул за то, что мы не напечатали выводы комиссии по расследованию декабрьских событий. Ну а главный смысл, весь пафос его выступления состоял в том, что обострение общественно-политической, а отчасти и межнациональной, ситуации вызвано никем и ничем иным, кроме как непродуманными действиями Мещерякова при потакательстве ему Исакова.

Н. А. Назарбаев встретился с представителями самостоятельных общественно-политических объединений. Решили создать совет гражданского согласия и объявить мораторий в Алма-Ате на уличные митинги и шествия (за исключением государственных праздников) до 1 октября 1991 года.

Публикуем совместное заявление представителей этих организаций, в котором они призывают последовать своему примеру в республике всех остальных. Эта мера, по мнению организаторов встречи, будет способствовать снижению напряжённости в обществе, созданию атмосферы согласия среди всех слоёв и групп населения.

Вышел в свет первый номер газеты “Дауа” областного общества “Казак тили”. Тираж — 10 тысяч экземпляров. В нём есть материал и на русском языке: интервью с Г. А. Никифоровым и печальное известное “письмо 42-х”.

Кызылагачинский сельсовет Лебяжинского района одним из первых в области начал вести делопроизводство на казахском языке.

В нескольких номерах печатаем материалы республиканской научно-технической конференции “Территория Казахстана: история и современность”. Это — ответ на проявления сепаратизма и на получившую большой резонанс в Союзе, а в Казахстане особенно, статью А. И. Солженицына “Как нам обустроить Россию”. Секретарь ЦК Компартии Казахстана У. Д. Джанибеков в своём вступительном слове назвал её “антисоветской, антисоциалистической прозаической одой”, а Солженицына — “великодержавным патриотом”.

“Нас не могут не тревожить откровенные призывы к перекройке границ республики, — говорит в заключение У. Д. Джанибеков, — любые выходки на национальной почве могут стать причиной широкомасштабных конфликтов”.

А Солженицыну достаётся (думаю, всё же не без основания) и в других выступлениях. Прямо говорится об особой — колониально-карательной — роли казачества в истории казахского народа.

На всё растут цены — подорожали овощи и картошка, мясо и мясопродукты, колбасы... В госторговле мяса и колбас купить практически невозможно. Из

путаных объяснений руководителей облпотребсоюза и управления торговли в сегодняшнем номере явствует: первые работают чуть ли не в убыток себе самим, а вторые бессильны что-либо сделать, потому что львиная доля мяса и колбас уходит из области в так называемые централизованные фонды.

С 1 октября повышены государственные закупочные цены на мясо животных всех видов и на птицу, значит, вырастут и розничные. Но продуктов от этого не прибавится...

А тем временем в Павлодаре новый дефицит: теперь на соль, спички, крупы, растительное масло, яйца. Опять разъяснением в газете: уж чего-чего, а соли у нас хватает — своя, да ещё полстраны снабжаем; хватит яиц, муки; а на продажу спичек (их дефицит возник из-за ажиотажа спроса) пришлось ввести ограничения — не больше двух коробков “в одни руки”.

По-прежнему в дефиците курево, горисполком распределяет его по трудовым коллективам.

В конце сентября казаки, экипированные в полувоенную форму — с лампасами и в фуражках, — пришли к постоянному представительству Казахстана в Москве, что на Чистопрудном бульваре, с лозунгом: “Требуем отделения от Казахстана Уральской, Гурьевской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской областей, принадлежащих Уральскому и Сибирскому казачеству”. Демонстрацией лозунга всё и ограничилось: появился наряд милиции, и казаки тут же удалились...

Нашим Павлодарским “казачьим кругом” командует не атаман, а атаманиша — Лина Латышева, поэтесса и к тому же хозяйка кооператива... Никаких громких акций в активе наших казаков пока не значится, и это, скорее, хорошо, чем плохо...

Людмила Гришина установила неофициальный рекорд “ЗП”, опубликовав очерк “Суд да дело” в журнале “Человек и закон”. В чём рекорд? В том, что этот журнал выходит тиражом в 9 млн. 150 тысяч экземпляров. Поделились новостью и с нашими читателями.

9 октября

В соответствии с указом М. С. Горбачёва, в качестве первоочередной меры по переходу к рыночным отношениям, народное хозяйство страны с 1991 года переходит на договорные оптовые цены. А чтобы предприятия цен не задирали, предусматривается предельный уровень рентабельности. Вся прибыль выше него изымается в союзный и республиканские бюджеты.

Из публикуемого сегодня текста выступления Н. А. Назарбаева по Казахскому телевидению: “Мы решительно отвергаем все претензии, от кого бы они не исходили, на территориальную целостность Казахстана...”.

Сегодня, после шести часов вечера, когда я уже собирался домой, пришла В. А. Гартвих — депутат областного Совета, секретарь парторганизации модельного цеха тракторного завода. Она известна своими либерально-демократическими настроениями и независимой позицией. Принесла обращение коллектива модельного цеха к народу Казахстана — именно так озаглавлен текст. А речь всё

о том же — о перегибах в языковой политике, приоритетах в пользу коренной нации, заявленных в Декларации о государственном суверенитете Казахстана. Ведь прежде всего именно это пробуждает у людей “отделенческие” настроения, подчёркивается в обращении. В нём также выражено требование ввести в Казахстане государственное двуязычие.

Если не брать во внимание ультимативно-категоричный тон обращения, то в нём многое созвучно мыслям и умонастроениям людей, именуемых сегодня русскоязычными. По логике вещей можно было бы дать это — пусть не в виде обращения, а точки зрения, в порядке обсуждения, но внутренний голос призывает меня к осторожности — уж очень всё сегодня горячо и взрывоопасно.

В. А. Гартвих сказала мне, что вышла из партии — в знак протеста против недемократичного избрания М. К. Дуйсембаева первым секретарём Павлодарского горкома партии.

— Да ведь там было выдвинуто пять кандидатов! — напоминаю ей.

— Ну и что? По Уставу первого секретаря избирает не пленум, а конференция, вот и надо было собрать её делегатов, подтвердив их полномочия. А тут были закулисные игры — не более. И вообще, коммунисты тракторного не слишком высокого мнения о способностях Дуйсембаева как политического лидера.

Её решение расстаться с партией окончательно. Вслед за парторгом из КПСС вышли ещё 17 коммунистов модельного цеха, и, надо полагать, парторганизация здесь скоро прекратит своё существование.

Спросил у Гартвих: правда ли, что и она заражена “отделенчеством”? Она удивилась: ничего подобного, никакого повода для таких обвинений в свой адрес она не давала; хотя и не скрывает своего негативного отношения к тому, что национальная идея в Казахстане набирает силу, а реального противостояния интернационалистов ей нет. Ещё она намерена защищать Мещерякова — всеми доступными способами, считая не только возможным, но и необходимым сохранение его как политического лидера области. Готова, если понадобится, собирать подписи в его поддержку.

Такие вот метаморфозы... Это та самая Гартвих, которая ещё вчера входила в группу непримиримых, последовательных противников Мещерякова. Что делает с людьми наше время!

Заходил С. П. Шевченко с собкором одной из центральных газет. Тот рассказал о приватной встрече с Мещеряковым, который жаловался ему: обложили со всех сторон — как медведя, даже выпить не с кем; врагов — пруд пруди, а опереться не на кого...

Интересно, а думает ли когда-нибудь Мещеряков о том, что он и нас всех, нынешних членов бюро обкома, сделал заложниками своей политики?

Открылся пленум ЦК КПСС, сразу вслед за ним — пленум ЦК Компартии Казахстана, идут также сессии Верховного Совета СССР и Казахской ССР. Все обсуждают проблемы перехода к рынку, и газета завалена официозом. Когда мы это всё напечатаем?

10 октября

Сергей Горбунов принёс две хорошие новости: предприятие “Севказэнергоремонт” подписало на “ЗП” всех своих работников — полторы тысячи человек!

Такое же решение принял совет трудового коллектива Павлодарской ТЭЦ-1 — это ещё 800 подписчиков. Вот это подарок! Я до того расчувствовался, что тут же попросил Серёгу сделать информацию в номер. Прочитал её уже в полосе, и стали разбирать сомнения: а ведь скандал может быть — как к этому отнесутся коллеги из братской “Кызыл Ту”, не завопят? Информацию всё же оставил — надо сказать людям спасибо за их поддержку в такой трудный для нас момент.

Пытаемся раскрутить работу недавно созданного коммерческого отдела. Задача — не просто переварить выросший вал рекламы и объявлений, идущих самотёком, но и самим находить новых рекламодателей, готовить журналистские материалы на платной основе.

Пока получается не очень. Пошёл к гендиректору “Полиграфии” Г. А. Кузину с идеей: давайте вместе выпускать рекламный вестник. Получил от ворот поворот: говорит — уже договорился об этом с кооператорами...

“Известия” во вчерашнем номере хорошо “поддали” второму секретарю ЦК Компартии Казахстана В. Ануфриеву за бездарно проведённую им недавно пресс-конференцию и особенно за постоянные “наезды” на собкора “Известий” в Казахстане В. Ардаева.

Публикуем материалы пленума ЦК КПСС — о положении в стране и переводе экономики на рыночные отношения.

С положением в стране и так всё ясно. Успокаивая тех, кто боится, что в результате разгосударствления общенародная собственность попадёт в руки дельцов теневой экономики, М. С. Горбачёв заверяет: “Владельцами предприятий должны стать прежде всего сами трудовые коллективы. Именно такой подход закладывается в программу перехода к рынку. И уж, конечно, под контролем государства останутся такие базовые отрасли, как энергетическая и топливная промышленность, транспорт и связь, оборонный сектор и т. д.”.

Встречался с коллективом областного УВД (было человек сто — и все в погонах). Разговор шёл, в общем, нормальный, доброжелательный. И всё же критиковали — за то, например, что не стали публиковать заключения комиссии по декабрьским событиям.

Из публикуемых в “ЗП” материалов пленума ЦК КПСС...

Компартия Эстонии (на платформе КПСС) фактически приказала долго жить. Из состоявших в ней на начало года 105 тысяч коммунистов осталось 57, половина из них не платит членских взносов. Всем партийным имуществом, включая финансы, владеет самостоятельная компартия Эстонии, насчитывая пять с небольшим тысяч членов...

В Литве полным ходом идёт идеологически-правовой демонтаж всего, что было создано за годы советской власти, начиная с разрушения памятников...

“Мы сейчас зашлись от плача, от крика по поводу нашего тяжёлого положения, во многом с помощью средств массовой информации... Идёт невиданное соревнование в том, кто красочнее и выразительнее покажет всю глубину нашего грехопадения”. Это из выступления председателя Гостелерадио М. Ф. Ненашева. Некоторые другие ораторы требовали на пленуме специально рассмотреть вопрос об ответственности партийной печати. Как будто в ней всё дело...

М. С. Горбачёв в завершающем слове решительно опровергает попытки объявить движение к рынку реставрацией капитализма и предательством интересов трудящихся.

Из постановления пленума: “Пленум ЦК КПСС, поддерживая стремление народов страны к суверенитету и самоопределению, однозначно высказывается за единый Союз суверенных государств, решительно осуждает национал-шовинистические и сепаратистские действия, которые... разрушают наше государство”.

У нас какая-то безграничная вера в слова. Что такое — единый союз суверенных государств? Понимают ли это сами те, кто декларирует подобное?

11 октября

В завтрашний номер ставим статью доцента В. Артамонова, которую можно считать концентрированным выражением озабоченности русскоязычного населения нынешней национальной политикой в Казахстане. Я предпочёл её обращению В. А. Гартвих, потому что эта статья носит более спокойный характер. В. Артамонов пишет, что Декларацию о суверенитете Казахстана надо принимать на референдуме.

Родная контора делегирует меня в Москву на курсы (платные!) по правовым, коммерческим и прочим аспектам работы прессы в условиях рынка. Сунул-ся в кассу, билетов на самолёт нет (это за 20 дней до вылета), придётся идти на поклон в обком — у них там есть своя “хитрая” касса...

Почитал газеты — и ужаснулся... “Известия” предрекают скорый полный развал экономики, сумасшедший рост цен, при том что товаров не прибавится. О какой стабильности общественно-политической жизни может в таком случае идти речь?

“Советская Россия” не на жизнь, а на смерть ведёт войну с Верховным Советом РСФСР, который не прочь прибрать её к рукам...

А наша любимая “ЗП” имеет на 10 октября 38 тысяч подписчиков, или примерно одну четверть нынешнего уровня.

12 октября

Позвонил С. П. Шевченко — поздравил со статьёй В. Артамонова и сказал, что, может быть, пора запустить и его статью на эту тему, которую он сам притормозил по тактически-стратегическим соображениям. Я выразил готовность напечатать и её.

Неожиданный разговор со Штарком... Заговорили о межнациональных отношениях, и у него вдруг вырвалось: “Будет создана немецкая автономия — только вы меня и увидите!”. Я позже спросил: не погорячился ли он? Нет, отвечал, это давно продуманное, ему не по душе активность наших национал-патриотов, как, впрочем, и самоубийственное упорство партийных ортодоксов, не желающих “поступаться принципами”... Мне будет очень жаль, если редакция лишится Роберта — основательного, искреннего человека, но так, как он, настроены сегодня многие...

13 октября

Участники пленума Экибастузского горкома партии осудили факты неуважительного отношения к наследию В. И. Ленина и к историческим памятникам и приняли соответствующие резолюцию и обращение, которые направили в высшие партийные органы страны и республики, а также в газеты “Правда”, “Казахстанская правда”, “Звезда Прииртышья”. Печатаем, хотя никаких подобных фактов у нас в Казахстане, кажется, нет.

Обычный абсурд наших дней: никудышная дисциплина поставок, несоблюдение договорных обязательств скоро пустят под откос всю нашу экономику. Председатель облисполкома Ж. Г. Искаков привёл на пресс-конференции факт: директор поставляющего нам прокат Карагандинского металлургического комбината О. С. Сосковец заявил: хотите его иметь в требующем объёме и на перспективу — шлите взамен мясо, молоко и другие сельхозпродукты. Во дела! А мы вам в ответ воду из канала Иртыш — Караганда перекроем — главная насосная ведь у нас. И без электроэнергии оставим, ведь большая её часть производится в нашей области. И так — до бесконечности, до полного взаимного уничтожения...

Сегодня едва ли не в самом худшем положении тракторный завод, у которого не десятки даже, а сотни поставщиков — не только в Союзе, но и за рубежом. Завод, не получая комплектующих деталей в нужном объёме, и сам попал в отстающие, и всю область назад тянет — по выполнению договоров поставок продукции она на последнем месте в республике.

А тут ещё китайцы на тракторном забастовали — не вышли на работу около ста человек, недовольные условиями проживания, питания и невыплатой денег, полагающихся их семьям в Китае.

Только международного скандала нам ещё не доставало.

Отчасти — из той же серии. Из-за недавнего пожара на Экибастузской ГРЭС-1 она потеряла 800 мегаватт мощности, это огромная энергетическая брешь, которую не могут закрыть увеличившие выработку Бухтарминская и Капчагайская ГЭС. Правительство страны вынуждено ограничить потребление электроэнергии в ряде регионов, что также нанесёт урон экономике.

Наш экибастузский собкор Булат Ахметов пишет: для ликвидации аварии на станции потребуется 1000-1200 человек со всего Союза, да ещё 400 ремонтников даст сама республика. Во что обойдутся ремонтные работы, даже сейчас никто сказать не может — это будут десятки миллионов рублей.

15 октября

Ю. А. Мещеряков знакомил партхозактив области с итогами только что закончившихся пленумов — ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана. Потом сам заговорил о выводах комиссии по декабрьским событиям. В то время он был первым секретарём Октябрьского райкома партии Алма-Аты. Это территория города, прилегающая к железнодорожному вокзалу Алма-Ата-1 и аэропорту, никаких демонстраций там не было. Поступила команда сверху — выставить дружинников, её выполнили, передав их в распоряжение милиции. Никто и ничем дружинников не вооружал. Никаких дополнительных материалов на Мещерякова у комиссии нет, за исключением ссылки на слова некоего директора завода.

Тот якобы говорил, будто Мещеряков давал ещё какие-то указания на этот счёт. Но это неправда, говорил на активе Мещеряков: может быть, всё дело в том, что его наказывали на бюро райкома за невыполнение договорных обязательств.

Теперь, продолжал Мещеряков, в мой адрес звучат обвинения: убийца, организатор геноцида; заявляют, что у меня руки по локоть в крови.

Опускаю другие аргументы, которые он приводил (например, почему так быстро меняются политические оценки событий и т. д.)... Завершил своё выступление Мещеряков так: против него организован настоящий политический шантаж, подогреваемый известной в Павлодаре группой лиц, поддерживаемых определёнными силами в Алма-Ате...

Из зала спросили:

— Говорят о вашем отъезде...

— В моём нынешнем положении я вынужден корректировать планы... — витиевато-туманно отвечал Мещеряков, что можно было толковать как угодно.

В последующих затем выступлениях и репликах предлагалось дать политическую оценку тому, что произошло на недавнем торжественном собрании, а также чтобы Мещеряков подал в суд на своих обидчиков, и ещё — что его отъезд будет им только на руку.

После партхозактива у нас с Мещеряковым был довольно долгий разговор наедине. Обрисовал ему нынешнюю ситуацию — как я её вижу — и сказал, что прежде всего нужно определиться ему самому — тогда легче будет и его союзникам. Мне показалось, он слушает меня как-то отстранённо... Отвечал: будь он один — боролся бы до конца, но надо ведь и о семье подумать (на жену из-за него косо смотрят на работе, на сына в институте — однокурсники)... Труднее стало решать вопросы в Алма-Ате — он это чувствует, то есть и там против него работают. Был разговор с Н. А. Назарбаевым — внешне сочувственно-доброжелательный, но это ещё ничего не значит... Ещё и потому, что в других столичных кабинетах Мещерякову дали понять — в Алма-Ате ему делать нечего (имеется в виду работа на перспективу)... От предложения перебраться в Москву (хорошая должность, сразу — квартира) он нынешней весной отказался... Тем не менее к 1 ноября он, по его словам, должен определиться со своим будущим.

16 октября

Сегодня семь часов заседал, а работал 45 минут... И те потратил на бесполезную дискуссию с Г. А. Никифоровым. Он пришёл выразить претензии по поводу опубликованной в “ЗП” информации всё о том же злополучном собрании — по его мнению, она не передаёт атмосферу происходившего, а в чём-то даже извращает его суть. Акция, пояснил Никифоров, была направлена против Мещерякова, но поскольку он “позорно бежал”, её решили не откладывать...

Г. А. говорил долго, приводил разные аргументы. Я отвечал ему: вы испортили людям праздник и считаете, что поступили правильно; хотя на свадьбе, как вам известно, похоронных песен не поют и, соответственно, наоборот; вы думаете — поступили доблестно, а между тем в глазах нормальных людей вы проиграли.

Второе, за чем ко мне пришёл Г. А. Никифоров — публикация материалов, имеющихся в распоряжении “общественного комитета по отзыву Мещерякова из народных депутатов СССР”. Я сказал, что готов ознакомиться с ними, но говорить сейчас о какой-либо публикации преждевременно...

Не хотел этого делать, но вынужден был напомнить Г. А.: когда ему было тяжелее всего, он приходил именно ко мне и во мне находил человеческое участие;

теперь же он винит меня во всех смертных грехах... Г.А. ушёл обиженным и обещал вернуться...

А я отправился на заседание бюро обкома, где (уже по которому кругу!) дискутировали — давать или не давать политическую оценку “демаршу” на торжественном собрании (так и не решили); посылать или не посылать группу из наших представителей для ознакомления с материалами комиссии по декабрьским событиям (решили, наконец, послать...). Потом вызвали первого секретаря Павлодарского горкома партии М. К. Дуйсембаева и председателя горисполкома А. Б. Аубакирова — дабы предупредить их о персональной ответственности за порядок на торжественном собрании и праздничной демонстрации, посвящённых 7 ноября. М. К. Дуйсембаев заверил: порядок будет обеспечен. О его программной обвинительной речи в адрес Мещерякова на предыдущем заседании бюро обкома никто и не вспомнил.

Пришёл вечером на работу — Штарк сообщает: только что ушла делегация представителей модельного цеха тракторного завода, требовавшая немедленной публикации их обращения по поводу проекта Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР и языковой политики. Роберт говорит: пообещал — дадим на четверг...

Из доклада Н. А. Назарбаева на собрании, посвящённом 70-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана...

Только за 1936-1937 годы была исключена из партии половина коммунистов Казахстана, причём девять тысяч, или 17 процентов всех коммунистов, исключены как “враги народа”. В 1938 году, по сути, разгромлены, обезглавлены 10 из 11 казахстанских обкомов партии.

Сейчас около 2,6 миллиона казахстанцев, или каждый шестой, живут за чертой бедности, а, например, в Прибалтике таких лишь 4 процента, в Белоруссии, России и на Украине — от 5 до 8 процентов.

Собран рекордный урожай хлеба — свыше 31 миллиона тонн, убирать его помогали механизаторы России, Украины, Молдавии, Узбекистана и других республик.

Издан указ М. С. Горбачёва о пресечении надругательств над памятниками, связанными с историей государства и его символами. Усилена уголовная и административная ответственность за подобные правонарушения.

17 октября

Убийственный материал Ольги в сегодняшнем номере. Кажется, ничего подобного за все годы моей работы в Павлодаре не случалось. Девочка-десятиклассница из вполне благополучной семьи родила ребёнка — дома, в туалете, убила его ножом и выбросила в мусоропровод. Отец в это время спал в соседней комнате и говорит, что вообще был в неведении относительно “интересного” положения дочери. Мать спала на одной кровати с дочерью и впоследствии посочувствовала дочери: тяжело было той рожать — “туалет-то у нас такой узкий...”.

Был суд, назначил наказание — ниже низшего предела — четыре года условно. Перевоспитывается несостоявшаяся мать-школьница в трудовом коллективе, которым руководит её собственная мать...

19 октября

Полезно иногда читать свою газету — и сам узнаешь что-то новое...

Оказывается, наш Павлодарский судоремзавод строит речные суда не только для Казахстана, но и для Омского речного пароходства. Очередной усовершенствованный буксир-тягач на днях отправится в Черлакский речной порт.

Судоремзавод производит теплоходы, баржи, плавучие краны, паромы, шаланды, которые используются на всём пространстве Обь-Иртышского бассейна.

Сейчас завод осваивает выпуск новинки — баржи водоизмещением 1800 тонн. До сих пор строили максимум тысячетонные.

Во Франции провели исследование — что собой представляет “средний” француз. И оказалось, что в десятку слов, наиболее важных для французов, входят: здоровье, работа, любовь, семья, деньги, дети, счастье, досуг, свобода (деньги — прежде детей!). При этом у француженки наибольшую ценность представляют: любовь(!), работа, дети, счастье и дом, а для мужчин — работа, деньги, досуг, отпуск...

Интересно, что бы ответили на подобные вопросы наши люди? Мне почему-то сразу вспоминается анекдот про то, что у каждого советского человека, кроме чувств, присущих людям всего мира, есть ещё два чувства — глубокого удовлетворения и законной гордости.

Делегация из нескольких павлодарцев ездила в Москву — добиваться включения населённых пунктов области, прилегающих к территории ядерного полигона, в так называемую экстремальную (наиболее опасную зону). Дело в том, что по решению правительства СССР для таких территорий соседних Семипалатинской и Карагандинской областей предусмотрен ряд льгот, а Павлодарская область, значительная часть которой была “отрезана” для нужд полигона, оказалась вне поля действия правительственного постановления.

В Москве к делегации общественности присоединились народные депутаты СССР В. И. Видикер и С. Н. Ткаченко, состоялась встреча с одним из руководителей военно-промышленного комплекса страны — А. П. Александровым. И тем не менее никаких реальных результатов поездка не дала, да, наверное, и не даст. А. П. Александров сказал, что прорабатывается вопрос о выплате каждому проживающему вблизи полигона по тысяче рублей за каждый очередной взрыв, если таковые будут возобновлены... Вряд ли подобная “подачка” устроит население приполигонных аулов и деревень.

Дали большую подборку: мнения (большой частью — критические) о проекте Декларации. Знаю — будут недовольные публикацией, но как-то же надо отражать настроения в обществе по этой волнующей всех проблеме...

Вчера утром, прямо с планёрки, вызвали в обком. Кроме меня, экстренно собрали ещё нескольких членов бюро, чтобы ознакомить с родившейся в недрах обкома статьёй (наш бывший коллега, а ныне помощник председателя облсовета

подсуетился) — о недавнем партхозактиве, торжественном собрании в облдрамтеатре, о шельмовании первого секретаря обкома и т. д.

Тут же устроили громкую читку (не обком, а изба-читальня!)... Я на скорую руку набросал девять пунктов замечаний, зная, что придётся тотчас говорить. Сказал: требуется более внимательное прочтение, нужен ряд уточнений, надо посоветоваться с членами редколлегии и, в случае публикации, в значительной мере помянуть и тон, и аргументацию...

Спорили довольно долго, я всё упорствовал, и тогда Мещеряков заметил: видно, моё присутствие плохо влияет на остальных...

— Обсуждайте без меня! — без всякой обиды сказал я, и меня отпустили.

Поразмыслив “сам на сам”, пришёл к выводу, что от публикации не отвертеться, скорее всего, она нужна: всё это — и выводы комиссии по декабрьским событиям, и торжественное собрание, и недавний партхозактив — активно обсуждаются людьми, рано или поздно нам всё равно придётся ввязываться... И лучше будет, если мы сделаем это сами — профессионально, сохранив лицо газеты и оставив себе возможность для манёвра. Так и передал в обком.

Сели в четыре часа дня вчетвером — Штарк, Семерьянов, Попов и я, сидели, не разгибаясь, до полдевятого. От прежнего текста остались рожки да ножки, по сути, мы его переписали заново. Убрали торчащие “ослиные уши”, тон “образца 1937 года”, ярлыки и ругательные выражения в адрес Шакиримова и Никифорова — словом, привели статью в божеский вид. Да, она, можно сказать, защищает Мещерякова, но без натужного усердия. Конечно, я и себя в какой-то мере “повязал” этим материалом, но тут уж ничего не поделаешь: на войне — как на войне.

Показал текст Г. А. Бабину: вот, мол, как делаются подобные вещи. Он прочитал и заметил с обидой: “Я бы тоже так мог, но ты ведь знаешь, какие были установки...”. Я сказал, что сочувствую ему и всё остальное беру на себя.

Мещеряков материал принял (я в этом и не сомневался), сделав лишь несколько мелких поправок. Потом поговорили “за жизнь”. Разоткровенничавшись, он сказал, что ему ещё осенью прошлого года предлагали уйти и даже называли преемника, но он отказался — не хотел бросать начатое, и ситуация была иная. Теперь же некоторые задались целью превратить его в политический труп, а затем свалить. Ожидается приезд в Павлодар председателя комиссии по декабрьским событиям Мухтара Шаханова с командой.

М. сказал мне, что живёт в последнее время с мерзким ощущением холодка внутри — такое бывает, когда стоишь на краю обрыва и смотришь вниз... В ответ рассказал ему — как мобилизуемся мы с братаном Петькой, когда нам становится совсем хреново — берём на вооружение знаменитую фразу из “12 стульев” Ильфа и Петрова: “Остап снова был холоден и готов к борьбе”. Мещерякову это страшно понравилось.

А я вот о чём думал: мог ли я представить себе осенью прошлого года, когда М. “пушил” меня на заседании бюро обкома за строптивость (хотя я всего-навсего хотел оставаться самим собой и руководствоваться здравым смыслом), что мне придётся не только защищать, но и успокаивать его.

Вот каким режиссёром может оказаться жизнь и помянуть все роли...

20 октября

“ЗП” — в законе!”... Нынешний номер открыли короткой информацией о том, что Госкомитет по печати Казахской ССР выдал нашей газете “Свидетельство о регистрации периодического издания” за номером 39. Дата регистрации —

5 октября 1990 года. Учредители — Павлодарской областной Совет народных депутатов и обком Компартии Казахстана.

За свидетельством о регистрации я сам летал в Алма-Ату.

Голодовка из разряда курьёзных. Её объявил, лёжа на раскладушке у здания Экибастузского горисполкома, крановщик управления механизированного строительства. Претензий у него две: одна — к местной советской власти, оставившей его без положенного по очереди личного “УАЗа”; вторая — к руководству организации, передавшей на время его командировки кран другому работнику, который довёл этот механизм до ручки.

В конфликте разбирался наш собкор Булат Ахметов. Кран бунтарю вернут, помогут восстановить. Что же до личной автомашины, то очередь крановщика на неё ещё не подошла.

Бунтарь вместе с раскладушкой и плакатом, извещающим о голодовке, в тот же день ушёл домой.

Два рекорда из субботней подборки информации.

Тракторный завод досрочно выпустил стотысячную стиральную машину “Малютка”.

Марафонец из Экибастуза Марат Жыланбаев в честь Дня республики стартовал на дистанцию 4388 километров 280 метров — это 104 марафонских дистанции, которые он намерен преодолеть за год, бегая главным образом в городском парке. А всего в активе у М. Жыланбаева участие в 13 марафонах (42 км 195 м), пять из них он пробежал босиком.

21 октября

Встреча с труппой только что созданного областного казахского драматического театра. Я тоже держал речь — единственный на русском языке. Приняли нормально, попросили в очередной сезон давать объявления о спектаклях бесплатно. Пообещал...

В тот же день проходила областная конференция общества “Казак тили”. Меня почему-то не позвали, хотя я член правления. Зато в президиуме были герои последних дней — Шакирмимов и Никифоров.

Большинству населения нет никакого дела до политических амбиций нескольких десятков человек (как с одной, так и с другой стороны баррикад). А ведь именно большинство может пострадать, если раздразнит коснётся не только перестройки в высших эшелонах власти, но и размежевания по национальным мотивам. Среди русских может найтись немало дураков-патриотов, готовых объединиться под лозунгом: “Не дадим в обиду “нашего” Мещерякова!”.

Ленинградский городской совет депутатов — один из самых демократичных в Союзе (во всяком случае, так он себя позиционирует) — принял обращение к избирателям, в котором обвиняет местные СМИ — “Ленинградскую правду”, “Смену”, невзоровские “600 секунд” — в злонамеренных напаках на депутатов, компрометации всего Ленсовета. Между тем, и та же “Смена”, и “600 секунд” немало сделали для того, чтобы “свалить” в Ленинграде прежнюю коммунистическую власть и утвердить новую демократическую.

А Невзоров рассказал в “Комсомолке” об истоках конфликта: его передача продемонстрировала на телеэкране заплёванный семечками зал, где заседает президиум Ленсовета, познакомила ленинградцев с уголовным прошлым некоторых депутатов, которые во время выборов спекулировали на своих судимостях, прикидываясь жертвами коммунистического режима; городское хозяйство разваливается на глазах, а депутаты в качестве первоочередного обсуждают вопрос об отмене статьи Уголовного кодекса, карающей за гомосексуализм. Председатель Ленсовета Собчак публично заявил, что больше никогда не будет иметь никаких дел с Невзоровым. Вот тебе и демократия!

Писатель-диссидент Эдуард Лимонов откликается в “Комсомолке” на статью А. И. Солженицына “Как нам обустроить Россию”. Пишет: А. И. давно оторвался от реальности и не отдаёт себе отчёт в том, что страны, о которой он пишет, давно нет, она подобна стремительно падающему с большой высоты лифту. Надо всеми возможными способами остановить падение, а тем временем в лифте продолжают делить власть, строить прожекты и т.д.

Лимонов также пишет, что в своём упоении перестраивать здание социализма мы даже не заметили, как развалили его фундамент. При всём при том писателя, ещё в советские времена эмигрировавшего в США, трудно заподозрить в симпатиях к партийным ортодоксам.

25 октября

Наша представительная комиссия, ездившая в Алма-Ату в поисках документального подтверждения вины Мещерякова, вернулась ни с чем: нет у комиссии по декабрьским событиям никакого реального компромата на М. Об этом нам с А. М. Мухамеджановым рассказал её руководитель — зампреда облсовета А. Н. Джазин. Тем не менее в Павлодаре работает инициативная группа, собирающая подписи депутатов для созыва внеочередной сессии, чтобы добиваться на ней отставки Ю. А. Мещерякова. Набрать надо не меньше трети подписей всего депутатского корпуса.

По последним данным, набрали 61 тысячу подписчиков (40,7 процента к нынешнему уровню). Обзвонил коллег: у кустанайцев — 70 тысяч, у восточноказахстанцев — 80, у целиноградцев — 38 тысяч, но и у них у всех менее половины сегодняшнего тиража. Радоваться нам особо нечему — разве тому, что сроки подписки продлены до 1 декабря.

На отчётно-выборном партийном собрании коммунисты редакции критиковали нашего секретаря Николая Марчевского и меня, как члена бюро, за то, что в нашей парторганизации тишь да гладь. Николай в ответ вспылил и заявил о своей отставке с “руководящего” поста... Я вяло отбрехивался: упреки в пассивности каждый из вас может адресовать себе самому. А что касается бюро обкома партии, то я там не молчу, и вам это известно. Тем не менее замену Марчевскому надо всё же подыскивать.

Коллективы предприятий пассажирского транспорта Павлодара запросили разрешения у городских властей повысить плату за проезд в автобусах. Аргументы: парк машин стареет быстрее, чем обновляется, остро не хватает запчастей, не решаются социальные проблемы коллективов автопарков... Президиум горсовета "счёл невозможным повышение платы за проезд в общественном транспорте в условиях перехода к рыночным отношениям..."

Между тем даже в этих "условиях перехода" самостийно растут цены на овощи, фрукты и картошку, и особенно — на "базарные" молоко и молочные продукты (с начала года — в полтора раза).

26 октября

Факты из передовой сегодняшнего номера "Солёный сахар, или Давайте оставаться людьми!"

В магазине продавали бутылочное пиво. Инвалиду войны Р. его не хватило, и он стал возмущаться. Пришла заведующая — пыталась успокоить... Когда она наклонилась, чтобы забрать оставшуюся после продажи пива корзину, Р. ударил её по голове металлической тростью. Вызвали "скорую" и милицию, заведующей наложили на рану три шва — она на больничном.

В редакцию пришла заплаканная женщина — рассказала свою историю. Купила в магазине два килограммовых пакета сахара. Один, не пробуя, потратила на маринады, другой высыпала в сахарницу. Оказалось — солёный. Побежала в магазин разбираться. "Разборка" закончилась тем, что две продавщицы затащили её в подсобку и наподдавали. Нашли продавщиц. Те говорят: прибежала невменяемая женщина и, что-то крича, стала обсыпать их сахаром. А когда они попытались её задержать, исцарапала их и себя. Судмедэкспертиза констатировала у всех троих лёгкие телесные повреждения.

Так мы сегодня живём.

Публикуем длиннющий перечень товаров, вывоз которых из республики отныне запрещён. Эти товары отныне нельзя не только отправлять посылками, но и вывозить с собой на поезде, самолёте, в автобусе. Весь перечень привести невозможно: в нём большинство продуктов питания, за исключением разве что овощей и фруктов; одежда и обувь, сложная бытовая техника, посуда, строительные материалы, музыкальные инструменты, наборы слесарного инструмента (!) и т. д. и т. п.

Запрещается выделять гражданам вагоны (!) и контейнеры, автотранспорт для вывоза товаров, указанных в перечне, за исключением случаев, если человек переезжает на новое место жительства.

Впрочем, можно вывозить продукты, но только в пределах норм отпуска "в одни руки", установленных на местах. Так что я, отправляясь за 300 километров в Чубаровку (Новосибирская область), чтобы навестить тётку и могилы деда с бабушкой, могу смело брать с собой в качестве гостинцев: 250 граммов сливочного масла, пару килограммовых пакетов с сахаром, две бутылки водки, кусок мыла, пару коробков спичек...

Рискнул опубликовать небольшую подборку "Блёсток" — примерно пятую часть того, что написал. Переживал... Но отклики хорошие...

27 октября

Всё у нас теперь есть — даже проституция. Булат Ахметов и Ардак Букеева пишут о том, какие формы она принимает в Экибастузе. Одни девицы “промышляют” в городе, другие “кормятся” при водителях-“дальнобойщиках” (те передают их друг другу), третьи “приписаны” к местной воинской части, куда доступ для них совершенно свободен. Страшнее всего, что среди проституток есть и малолетки, совсем ещё девочки.

В Павлодаре зарегистрировано отделение социал-демократической ассоциации, в неё вошли члены социал-демократической партии, группы “экология и общественное мнение” (бывшие “неформалы”), партии свободного труда, народного фронта — всего около 60 человек.

В Москве в это время, пишут “Известия”, зарегистрирован союз потомков российского дворянства.

В Москве — Кашпировский, Чумак, Джуна, а у нас Контактёр — с виду обычная женщина, мать двоих детей, инженер-строитель по образованию... Говорит, что с октября прошлого года находится в контакте с представителями внеземной цивилизации. Связь — телепатическая, к женщине приставлен один из них, который диктует, что ей делать; например, помогает лечить биополем других людей. Наша Контактёр уверяет: не надо бояться возможных контактов с инопланетянами — они не желают нам ничего дурного — собираются вскоре выйти на прямой контакт с государствами.

Не больна ли эта женщина? Говорит, что после первых контактов сама испугалась, пошла к психиатру, легла на обследование. Диагноз — “здоровая”, на учёте не состоит.

Не знаю: верить — не верить, но большую Ольгину беседу с Контактёром даём в газете.

29 октября

Вчера был вызван в обком — пред светлые очи двух членов бюро ЦК Компартии Казахстана — секретаря и заведомо ЦК. Они приехали в Павлодар, обеспокоенные обострением общественно-политической ситуации. Я откровенно рассказал им всё, что по этому поводу думаю, и, кажется, они остались разговором довольны. Хотя один из них не преминул пожуричь прессу: раскачивает лодку, а надо консолидировать общество. Кроме членов бюро обкома, они встречались с ветеранами, а также с Шакиримовым, Никифоровым и некоторыми руководителями предприятий.

В Молдове объявлено чрезвычайное положение. Часть местного населения — гагаузы — хотят автономии, а молдаване (и власти тоже) — против, создают специальные отряды, отправляют их в места компактного проживания гагаузов, чтобы не допустить выборов их местного законодательного органа. А как же быть со столь популярным сегодня лозунгом о праве наций на самоопределение?

30 октября

Публикуем текст принятой Верховным Советом Казахской ССР “Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР”.

Даже после беглого прочтения видно — все наиболее спорные моменты, присутствующие в проекте, теперь убраны. “Языковая” статья опущена совсем. Пункт о праве на самоопределение звучит так: “Казахская ССР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР”. Подтверждена приверженность республики сохранению СССР, но на новой основе.

То есть текст переработан основательно, и вряд ли у кого-нибудь вызовет недовольство.

31 октября

Дела в экономике продолжают ухудшаться — и в стране, и в республике, и в области. Падают производство промышленной продукции и производительность труда, снизился объём строительства жилья...

Тают надежды немцев на восстановление их автономии в Поволжье. Теперь говорят — возражает местное население, надо подождать лет 10-15, вот тогда... А немцы ждать не хотят... Значит, и дальше будут уезжать в массовом порядке...

3 ноября

Народный депутат СССР, директор совхоза “Суворовский” В. И. Видикер выступил на сессии Верховного Совета, обсуждавшей доклад М. С. Горбачёва по стабилизации народного хозяйства и переходу к рынку. Публикуем текст речи Владимира Ивановича, в которой он прямо говорит об абсурдах нынешней экономической политики. Например, закупая зерно за рубежом, правительство платит за каждую тонну по тысяче рублей, а своим хозяйствам за тот же хлеб — 200, от силы — 300 рублей. Кого в данном случае не на словах, а на деле поддерживает родное государство: отечественных крестьян или зарубежных фермеров?

Возражая тем, кто говорит, что наши селяне разучились работать, В. И. Видикер приводит такой факт: за последние десять лет производство зерна на душу населения составляло в среднем ежегодно в США — 1,3 тонны, а в Казахстане — 1,6 тонны, молока, соответственно, в США — 270 килограммов, а в Казахстане — 350.

Выступление В. И. Видикера по-настоящему глубокое, выстраданное. Вот только будет ли оно услышано?

Облисполком принял решение: на территории области с первого ноября продавать все товары населению только по паспортам “в пределах установленных норм отпуска в одни руки”.

Публикуем также длиннющий, наверное, в сотню наименований, список товаров, которые нельзя отправлять в посылках, контейнерах, вывозить с собой в самолётах, поездах, автобусах, автомобилях.

Стали печатать дайджест интересных публикаций из других газет. “Литературная Россия” пишет о демонстрации представительниц древнейшей

профессии, то есть проституток, в центре Москвы. Они требуют защиты своих прав, чтобы им дали возможность объединяться в профсоюзы, выдвигать своих депутатов в Советы всех уровней... Помимо прочего, жрицы любви позиционируют себя и в идеологическом плане, о чём свидетельствует один из плакатов, которые они несли с собой: "Членам КПСС — сексуальную блокаду!". Бедные коммунисты — вот уже и путаны отказывают им во взаимности, даже за плату...

Есть, впрочем, и серьёзные публикации. Из этого рода — обращение в "Известиях", которое подписали академик Д. Лихачёв, редактор "Нового мира" С. Залыгин, Патриарх Алексей Второй и другие. Речь о том, что в большинстве республик уже объявили свой собственный язык государственным, а русский лишили этого статуса. Приводя разумные доводы в защиту русского языка, без которого другие народы СССР могут оказаться в самоизоляции, авторы ссылаются и на мировой опыт. Так, в Финляндии, одну десятую часть населения которой составляют бывшие владельцы здешних земель — шведы, действуют два равноправных языка — финский и шведский. В Швейцарии таких языков, пользующихся равными правами, четыре...

В обращении содержится призыв к парламентариям национальных республик вернуться к своим решениям по поводу русского языка и перейти к государственному двуязычию.

В Павлодаре реставрируют старую мусульманскую мечеть в центре города. Прежде в ней был Дом пионеров, а в последнее время — спортивная школа. Теперь её возвращают верующим.

5 ноября

Сегодня вечером вернулся из Москвы: ездили с А. М. Мухамеджановым набираться ума-разума — на трёхдневный семинар по правовым, политическим и экономическим аспектам работы прессы в условиях развивающегося рынка. Недешёвое, надо сказать, удовольствие: оно обошлось двум нашим редакциям по 300 рублей. Семинар проходил под эгидой нового российского министерства — средств массовой информации; его представители задавали на нём тон, представляли политические акценты...

Первое впечатление: воочию убеждаешься, как далеко зашла конфронтация между союзными и российскими верхами. Конечно, это не было для меня открытием, но одно дело — следить за подобными разборками по телевидению и центральным газетам и совсем другое — лично наблюдать неистовство одной из сторон (в данном случае — российской), демонстрирующей полнейшую уверенность в своей правоте, бескомпромиссность, нестеснённость в выражениях... Впрочем, сегодня разве что ленивый не пинает союзный центр... Но я всегда с опаской относился к людям, не ведающим сомнений, слишком быстро прозревающим и суперрадикальным. А здесь всего этого в речах было хоть отбавляй. Чего стоит одна фраза из выступления перед нами только что назначенного министром российской прессы М. Полторанина, брошенная им в полемическом запале:

— Мы загоним Горбачёва в угол!

Представители российских районов на семинаре криком кричали о том, что судьба их газет из-за экономических неурядиц висит на волоске, а министерство информации в первую очередь озабочено созданием новых — советских (разумеется, в пику действующим партийным) — в тех же районах, городах, областях... Что будет с теми, что есть, за которыми миллионы читателей, по

большому счёту никого не интересует. Я понимаю: политическая борьба, конкуренция... Но ведь опять безоглядно рушим созданное — пусть не идеальное, но вполне дееспособное — ещё понятия не имея о том, что создаём взамен.

Впрочем, известное впечатление о том, что создаётся, можно составить, побывав на Московском “острове демократии” — Пушкинской площади. Здешние переходы в метро завалены новой прессой, взхлёб демонстрирующей политический и сексуальный плюрализм. Чего тут только нет! Антикоммунистические “Столица” и “Моссовет”, “Свободное слово” (Демократического союза), газеты монархистов, кадетов, социал-демократов и даже сексуальных меньшинств... Стоимость — от рубля до пяти за экземпляр. И ведь берут!

... Несмотря на все его перекосы, семинар был всё же полезным. Имею теперь более полное представление о расстановке политических сил в стране, о сути противоречий российской и союзной политических элит (грызутся именно они, народ в это время озабочен элементарным выживанием). И теперь с ясностью ощущаю, что согласие между “командами” Горбачёва и Ельцина невозможно. Идёт жесточайшая борьба за власть, в которой все средства хороши, не исключая и принцип, по которому действуют российские парламентарии во главе с Ельциным — “чем хуже для Горбачёва, тем лучше для нас”.

Сколько-нибудь систематизированных, внятных знаний по части организации рекламы и прочих коммерческих дел на семинаре получить не удалось. Я для себя сделал вывод: спасение утопающих — дело рук самих утопающих; надо жить своим умом, учиться зарабатывать деньги и рассчитывать главным образом на собственные силы.

Любопытно было наблюдать представителей новой московской интеллектуальной элиты. Доктор юридических наук Михаил Федотов — один из авторов закона о печати, человек с импозантно-экзотической внешностью — любое обращение к нашей журналистской братии начинал с неизменной вкрадчиво-задушевной фразы “Уважаемые коллеги!”. А далее, как правило, следовало: ничего мы в этой новой жизни не понимаем, закон о печати прочитать не удосужились, вопросы задаём дурацкие, и общаться с нами — сплошное мучение. А то, что говорилось это в самых изысканных выражениях, сути сказанного не меняло.

Перед нами выступал Григорий Явлинский — тот самый, один из авторов российской программы перехода к рынку “500 дней”. Умён, обаятелен, блестящий полемист. Б. Н. Ельцин настоял на его назначении заместителем премьер-министра российского правительства — с тем, чтобы он сам внедрял в жизнь разработанную им программу. Но, проработав на этом посту всего несколько недель, Явлинский подал в отставку. Мотивы: правительство не смогло обеспечить всех условий, заложенных в его программе, а поэтому он не может нести ответственности за её реализацию. Наверное, это не только самая быстрая и головокружительная карьера, но и самая скорая отставка в новейшей истории России, причём о последнем Явлинский, похоже, нисколько не жалеет.

Вальжный редактор “Московского комсомольца” Павел Гусев делился опытом коммерциализации своей газеты и сказал, что уже в будущем году редакция избавится от одиозного названия. И уже придуман эффективный ход для этого: старое название будет с каждым номером сжиматься, как шагреновая кожа, а новое — соответственно — расти. Каким будет новое название, Гусев не сказал.

(Примечание из 2006 года. Как известно, название до сих пор остаётся прежним, несмотря на то, что “комсомольского” в газете давно ничего нет. Зато есть “раскрученный” бренд, которым до сих пор с успехом пользуется Гусев со товарищи, хотя вернее было бы сказать — “со господ”).

Сама Москва ноября 1990 года оставила ощущение серости и неопрятности, перманентного ремонта всего и вся, тотального дефицита и очередей — везде и всюду.

6 ноября

В Ермаке создана молодёжная биржа труда. Как она будет работать, пока неясно, но организаторы говорят, что пытаются работать на опережение и надеются помочь людям, оказавшимся без работы при переходе к рынку.

Публикуем сообщение ТАСС, в котором хоть прямо и не говорится о столкновениях на межнациональной почве в Молдавии, но это можно понять из весьма невразумительного текста. В результате стычек в Дубоссарах между “добровольческими формированиями”, созданными правительством, с одной стороны, и гагаузским населением — с другой, есть погибшие и раненые. С представителями сторон встречался Президент СССР. Создана согласительная комиссия, виновные должны быть привлечены к ответственности. На деле это означает, что возник ещё один очаг напряжённости, погасить который скоро не удастся.

“Полиграфия” начала издавать свой информационно-рекламный вестник “Курьер”. Кроме рекламы, здесь и программа телевидения, тираж — 10 тысяч экземпляров. Ещё один наш конкурент..

Впрочем, и мы стали более плотно заниматься рекламой — даём такие сообщения крупнее, чем раньше, снабжаем рисунками и заставками. Пытаемся зарабатывать.

В Москве в серии “Солдатские мемуары” вышла книга “Воздушные рабочие войны”. Один из её авторов — павлодарец Михаил Петрович Пудич — кавалер ордена Славы и других боевых наград, воздушный стрелок-радист. Он не раз мог погибнуть, должен был стать инвалидом, но природное здоровье и сила воли помогли выстоять. После войны М. П. Пудич закончил Омский сельхозинститут и 25 лет преподавал в Павлодарском политехникуме.

Публикуем небольшую рецензию С. П. Шевченко на эту книгу.

7 ноября

Скромная ноябрьская демонстрация в Павлодаре — без обычной высокой трибуны для избранных, со скромной наглядной агитацией. Праздничное шествие колонн длилось всего 20 минут и обошлось без эксцессов.

По ТВ очень коротко показали демонстрацию в Москве. Горбачёв сказал короткую речь, потом был военный парад, потом демонстрация. Членов Политбюро ЦК КПСС на трибуне не наблюдалось — рядом с М. С. стояли члены президентского Совета, руководители палат Верховного Совета СССР, а также Ельцин, Силаев (глава правительства России), председатель Моссовета Попов и масса других, неизвестных мне людей.

Попов выглядел несколько сумрачным — может быть, оттого, что они с председателем Ленсовета Собчаком предлагали отказаться от демонстрации, а москвичам и ленинградцам — заняться подготовкой своих жилищ к зиме.

Кажется, в Москве и Ленинграде планировались и “альтернативные” (некоммунистические) демонстрации, но о них ничего не сообщается.

10 ноября

Трудовые будни — праздники для нас. В эти два выходных дня готовим отчёт с собрания депутатов областного Совета. Это была не сессия, а именно собрание, созванное по требованию группы депутатов, добивающихся отставки Мещерякова с поста председателя облсовета. Большинство депутатов выступали экспромтом, и мы — Штарк, Семерьянов и я — приводим в божеский вид их сумбурные речи, доставшиеся нам в виде жутко путанных стенограмм и распечатки магнитофонной записи всего собрания. В этих текстах чёрт ногу сломит, и поэтому пришлось отказаться от первоначальной идеи дать выступления дословно, от первого лица. Решили их излагать, что тоже было непросто...

Я на этом собрании, к счастью, не был, но и по расшифровкам речей ясно, какую кучу грязного белья перетряхивали депутаты. И чтобы там ни говорили, в основе депутатского (и не только) противостояния — две фигуры — Мещеряков и Шакиримов. Первый, похоже, и сам не рад, что обидел второго, лишив должности, а у того теперь появилась возможность поквитаться, и он своего тоже не упустит.

Описывать задним числом пространную речь М. и не менее пространную Ш., выступления депутатов в пользу одного и другого — весь этот спектакль из театра абсурда времён перестройки и гласности — нет ни малейшего желания.

Как и следовало ожидать, в ходе многочасовой говорильни никто никого ни в чём не убедил, ни к каким конкретным результатам собрание, отчёт с которого занял у нас около трёх полных полос, не привело, да и не могло привести. Любой нормальный человек, далёкий от всех этих партийно-советских разборок, прочитав наш отчёт, может лишь возмутиться: и это народные избранники, государственные люди?

Шакиримов принёс в редакцию письмо группы депутатов облсовета, живопишущее личность Мещерякова. Суть его: М. виновник всех бед в области, поскольку сосредоточил в своих руках всю власть. Это он тормозит перестройку, виновен в ухудшении дел в промышленности, здравоохранении, обеспечении продовольствием и т. д. и т. п. К тому же он замаран участием в подавлении декабрьского выступления молодёжи в Алма-Ате. (Правда, никаких конкретных доказательств этого приведено не было, но комиссия-то его назвала в числе виновников). Вывод? Разумеется, в отставку его!

Мещеряков — конечно, не ангел, но всё же вешать на него всех собак по меньшей мере нечестно, и мне непонятно, как могли подписать письмо такого содержания 53 человека, среди которых немало по-настоящему умных людей? Впрочем, на собрании многие из них отрещивались от большей части письма, поясняя: они подписывались лишь за проведение самого собрания, дабы на нём разобраться — что к чему. А газета “Дауа” уже напечатала письмо со всеми 53 подписями. Интересно, как теперь себя поведут подписанты?

Помимо прочего, Шакиримов рассказал в редакции Штарку, как Мещеряков ездил в Москву за личной “Волгой”, прихватив с собой двух обкомовских водителей, чтобы пригнать её в Павлодар. Тот уже оправдывался по этому поводу: машина ему выделена законно — как народному депутату СССР, один водитель был в отпуске, а другой брал несколько дней без содержания... И вновь история — как будто из театра абсурда. Руководитель крупнейшей области лично едет за тридевять земель в столицу, чтобы без очереди купить машину... Можно

ли представить что-нибудь подобное в США или Англии? Это с одной стороны. Ну а с другой: если у нас сегодня всё и вся в дефиците, а эти самые легковушки особенно, а ты — первое лицо в области и всё время на виду, неужели же не можешь обойтись без личного авто?

11 ноября

Тяжёлый, неприятный разговор с Людмилой Гришиной... Она подала заявление о выходе из партии. Говорит: хорошо всё взвесила и не хочет больше быть статистом, прикрываясь которым партийные бонзы делают что хотят. Раньше она многого не знала, а теперь знает... Не собирается вступать ни в какую другую партию и бороться с коммунистической, просто не хочет больше кривить душой. Считает, что вне партии ей работать проще будет... Она и с дочерью посоветовалась.

“Лучше бы ты прежде со мной посоветовалась”, — подумал я, понимая: уговаривать Гришину теперь бесполезно. Дело даже не в том, что никто её в партию не тянул, и не в том, что никогда её партийность не была напрямую связана с её редакционными обязанностями... Работала в отделе культуры, заведовала отделом писем, теперь вот спецкор. Она для себя всё решила и теперь чиста. А мне завтра надо будет объясняться: почему в партийной газете журналист отказывается от партбилета, а редактор делает вид, будто ничего не случилось? Это что — пример для других?

Почти ничего этого я не стал ей говорить, как и того, что, раз она так решила, надо было заодно подать и заявление об уходе из газеты. Но дал понять — своим шагом она ставит меня в очень нелёгкое положение.

Газета “Дауа” посвятила целую полосу Мещерякову — пишет о том, какой он негодный руководитель и нехороший человек.

Заметка в “Казахстанской правде” о тысячном митинге студентов, требовавших отставки нынешнего ректора и возвращения прежнего — Джолдасбекова, уволенного в колбинские времена и даже, кажется, исключённого из партии. Увольняли его, насколько помню, тоже не без требований университетской и прочей общественности, после разоблачительных статей в “Правде” и “Известиях”. Теперь Джолдасбеков — один из самых активных депутатов Верховного Совета Казахской ССР, и маховик общественного мнения раскручивается в обратную сторону. Я уже писал, что учился во времена Джолдасбекова и весьма признателен ему за то, что он счёл нужным вникнуть в нашу с Ольгой проблему и перевел её, беременную, на заочное отделение, хотя тогдашние правила этого не позволяли.

13 ноября

Информация из разряда курьёзных. Американцы, вбухавшие немалые деньги в создание программы СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), не знают теперь, в пору активного разоружения, что с ней делать. Возникла идея: использовать мощные лазеры, предназначенные для уничтожения опасных объектов (баллистических ракет, спутников и т. д.) даже в космосе, для борьбы с саранчой в Африке и на Среднем Востоке. С помощью лазеров, считают некоторые

учёные, саранчу в местах её скопления можно просто “зажаривать”. Не нужны будут химикаты, а мёртвая саранча станет ещё и прекрасным удобрением.

Информацию публикуем, хотя, мне кажется, это полный бред. Эта идея сродни всем тем, о которых говорят — из пушки по воробьям. А саранча, кстати, переживёт не только самих этих учёных, но и не одно поколение их потомков.

14 ноября

Даём обзор писем, посвящённых дефициту курева. Ветеранам войны и труда полагается по одной пачке папирос или сигарет в месяц. Этого хватает кому-то на день, а кому-то в лучшем случае на три дня. Жена одного из 65-летних фронтовиков пишет в газету, что в доме разлад из-за его полувековой привычки к куреву — на него (вернее, спекулянтам) уходит большая часть ветеранской пенсии. Другая пишет, что собирает для своего мужа — инвалида войны — бычки, то есть окурки, но если раньше с ними проблем не было, теперь и окурков не стало.

“Дайте же хоть перед смертью им, инвалидам, накуриться”, — в сердцах пишет женщина.

Почти во всех письмах — требование ввести талоны на курево, но беда в том, что его очень мало, и делить, по сути, нечего...

Репрессии и депортации народов были не только у нас, в стране победившего социализма, но и в стране победившей демократии — США. В 1942 году, сразу после уничтожения в Пирл-Харборе японцами почти всего боевого флота США, 120 тысяч американцев японской национальности были отправлены в концлагеря, за колючую проволоку. Власти тогда заявили, что американские японцы представляют угрозу для стратегических объектов США.

“Заметали” всех японцев — и взрослых, и стариков, и детей — и держали в лагерях четыре года. Для депортированных это стало настоящей трагедией: их лишили всего — жилищ, имущества, работы, сбережений.

И только в 1988 году, спустя сорок с лишним лет, государство впервые извинилось перед своими интернированными гражданами. К тому времени в живых осталась примерно половина бывших узников. Им должны были выплатить в качестве компенсации один миллиард 250 миллионов долларов. Но прошло ещё два года, прежде чем конгресс после долгих проволочек выделил первые 20 миллионов — для тех, кто находится в самом преклонном возрасте (а 1600 интернированных к этому времени уже умерли).

Но всё-таки пожилые японцы (некоторые в инвалидных колясках — самому старому — 101 год) приехали в Вашингтон. Некоторые не из-за денег, а чтобы участвовать в этом акте публичного признания несправедливости. Каждому был вручён чек на 20 тысяч долларов и письмо с извинениями президента Джорджа Буша...

Читая полосу с этим материалом, полученным по каналам ТАСС, подумал: наверное, во всём мире не хватило бы денег, чтобы таким образом компенсировать моральный и материальный ущерб всем тем, кто был репрессирован у нас в стране... Да и не принято у нас извиняться по такому поводу.

И ещё о японцах... Узнал из нашей газеты, что они, оказывается, самые богатые люди на планете. По данным Института международных

сберегательных банков, который находится в Женеве, каждый японец в среднем имел к концу 1989 года на своём счету 5,7 млн. иен, или свыше 40 тысяч долларов США. И только за год сумма вкладов японцев возросла на 11 процентов.

Следующую ступеньку на пьедестале богачей занимают швейцарцы — с 23 тысячами долларов на каждого, а за ними идут бельгийцы.

16 ноября

Народ решительно требует введения талонов на водку. Обзор возмущённых читательских писем мы так и озаглавили: “Нужны ли талоны на водку?” — “Да!” — говорят наши читатели”.

Скорее всего, такое решение будет принято, иначе дождёмся и “водочных” бунтов.

17 ноября

Совещание в обкоме партии. Теперь вместо единых политдней, когда областные начальники поодиночке выезжали в районы разъяснять политику партии и правительства, формируются информационно-пропагандистские группы. Меня назначили руководителем одной из них, но я от этой чести решительно отказался — и без того с общественными нагрузками не справляюсь.

Затем заведующий лекторской группой обкома изложил на совещании свой взгляд на некоторые положения Декларации о суверенитете Казахской ССР и Закона о языках. После чего схлестнулись русскоязычные и казахские руководители, демонстрируя полнейшее неумение дискутировать по столь сложным и деликатным вопросам. Но если даже в этих стенах нет взаимопонимания, то откуда же оно возьмётся в обществе?

Две постоянные комиссии областного Совета больше двух часов обсуждали новые цены на мясо в системе облпотребсоюза, но ни до чего существенного так и не договорились. Всем ясно: цены будут расти, и чем дальше — тем больше. (Сегодня утром специально ездил на рынок: свинина — шесть рублей за килограмм, а ещё две недели назад была по четыре; куры — по пять-шесть рублей, а были — по 3,50-4,50; говядины вообще нет). Держать цены и дальше — безумие: “наше” мясо давно утекает в соседние российские области, где закупочные цены в полтора-два раза выше. В госторговле мяса давно нет и, если не поднять стоимость кооперативного, не станет никакого, ведь за мясом к нам едут с Урала и даже из Ленинграда.

Тем временем Совмин СССР издал постановление о переходе на свободные цены при торговле предметами роскоши. Одно из объяснений — упредить скупку этих ценностей мафией. Однако парламенты России и Казахстана блокировали это решение союзного правительства, приостановив на своих территориях продажу предметов роскоши вовсе. Власть в стране — на грани полного развала, и никакой рынок тут, скорее всего, не поможет.

Из хороших новостей: у нас только в Павлодаре прибавилось за последние 15 дней 14 тысяч подписчиков. Посмотрим — сколько прибавят (если прибавят) районы.

Уговорил Ольгу — попробовать себя в качестве репортёра: по-прежнему остро не хватает интересных событийных материалов на первую полосу, и, может быть, она сумеет частично заполнить эту брешь?

Сегодня пришёл со своей бедой давний знакомый. Его сын подался в кооператоры; пока не разбогател, но себя и семью кормит, что уже хорошо. На днях к нему в машину подсел неизвестный, забрал всю выручку — 60 рублей и потребовал ещё три тысячи. Иначе, мол, лишишься не только своего кооператива, но и жены с дочерью... Отец с сыном обратились в уголовный розыск, там создали группу, выдали сыну деньги — для передачи неизвестному, но операция по захвату рэкетира не состоялась — за назначенной данью никто не пришёл... Теперь мой знакомый не знает — как быть? Сын, опасаясь за семью (вдруг бандита-вымогателя предупредили, и он будет мстить?), хочет уехать из Павлодара, а ехать некуда...

Ну что я мог ему посоветовать?

Теперь каждая компартия союзной республики должна жить по своему уставу, хотя и в составе КПСС.

Публикуем проект нового Устава Компартии Казахстана.

“В своей деятельности партия исходит из коммунистических идеалов, творческого развития наследия Маркса, Энгельса, Ленина... имеет своей целью создание социалистического общества, в котором на деле обеспечиваются социальная справедливость, верховенство общенародных и общечеловеческих ценностей, принципы интернационализма”.

Я только пробежал текст проекта, а Роберт Штарк основательно проработал, снабдив подчёркиваниями, вопросами и даже письменными замечаниями.

Устав объясняться с читателями по поводу безобразного, иначе не скажешь, полиграфического исполнения газеты (особенно ужасает качество фотоиллюстраций), публично отсылаем всех недовольных к производителям брака — полиграфистам, указывая на последней странице номер производственного отдела типографии.

Ездил в Успенку и увидел на обочине дороги, за Таволжаном, некое сооружение. Оказалось — таксофон, телефон-автомат. Дальше — ещё один. Позвонить по телефону-автомату можно лишь в пределах Успенского района, но всё равно очень удобно, случись что на трассе: поломка, какая-то задержка... Причём звонки бесплатные.

Молодцы связисты и дорожники — это их общий проект. Надо написать о новинке. Хотя ещё неизвестно, сколько простоят таксофоны — с нашим-то отношением к “ничейному” имуществу, да ещё столь экзотичному в степи...

В Майском районе, на пойменных лесных массивах в окрестностях совхоза “Жалтырский”, местные жители видели нескольких лосей. Те чувствуют себя здесь весьма вольготно, людей не боятся, подпуская совсем близко.

Дали информацию, напомнив, что охота на лосей запрещена, хотя иным дуракам, охочим до дармовой лосятины, никакой запрет не указ.

Жители совхоза “Байгунус” рассказывают о своей встрече с НЛО. Это был красный шар диаметром 3-4 метра, который они, возвращаясь вечером домой на машине, наблюдали с 300-400 метров, двигался он со скоростью примерно 40 километров в час.

Редактор качирской районки “Заря” Николай Проскуряков по горячим следам опросил участников поездки — мужчину, двух женщин и детей, и у него сложилось впечатление, что они говорят правду. К тому же, как оказалось, шар видели в тот вечер в окрестностях “Байгунуса” и другие его жители. Никаких следов после себя бесследно исчезнувший шар не оставил. Не было и никаких реальных контактов людей с ним.

Публикуем небольшой материал Н. Проскурякова об этом происшествии. Может быть, ещё кто-нибудь откликнется?

20 ноября

Две с лишним полосы отдаём М. С. Горбачёву — его докладу на сессии Верховного Совета СССР о текущем моменте. “Момент”, если говорить прямо, аховый. Охарактеризовать его можно так: никто никого не празднует. Как ни строжится верховная власть, а республики, края, области сплошь и рядом не выполняют план поставок мяса и молочных продуктов в так называемый союзный фонд. В числе первых нарушителей дисциплины поставок, само собой, Российская Федерация, с недавних пор по всякому поводу демонстрирующая свою независимость от центра. За ней следуют Украина, Казахстан, Белоруссия, прибалтийские республики. В результате в Свердловской, Челябинской областях, в Тюмени и ряде других промышленных центров, говорит М. С., сложилась чрезвычайная обстановка со снабжением мясными и молочными продуктами.

Логика действий местных властей, срывающих поставки, очевидна: да, недодаём продуктов, так ведь потому, что самим не хватает. Но если раньше за подобные вольности можно было лишиться и партбилета, и должности, сегодня нарушителям всё сходит с рук. Прежняя система поставок практически развалилась, а новая, рыночная, ещё неизвестно когда будет создана.

Отвечая своим критикам, М. С. говорит о себе в третьем лице: это неправда, что Президент сбился с пути, растерялся, мечется... Между тем как раз это очень похоже на правду: обстановка такова, что поневоле собьёшься с пути и начнёшь метаться. Особенно когда тебе, по образному выражению самого М. С., всё время “подбрасывают”. Латвия, например, решила снять с продовольственного снабжения расположенные на её территории союзные войсковые части, а М. С. в ответ снова только строжится.

Много говорил М. С. Горбачёв о своих встречах с Б. Н. Ельциным, на которых они, как правило, спорят, но обязательно “выходят на согласованные решения”. А потом Б. Н. нередко действует с точностью до наоборот.

Ещё М. С. сказал, что проект Союзного договора в основном готов и теперь должен пройти обкатку в Верховном Совете СССР и Верховных Советах республик.

На совместном заседании облсовета сразу нескольких постоянных комиссий вновь дебатировали вопрос о ценах на мясо и пытались поделить его так,

чтобы никого не обидеть. Но пока ничего не получается. Например, уже сегодня себестоимость килограмма говядины в системе потребкооперации — 12 рублей 10 копеек, или втрое дороже, чем установленные сейчас цены. Но покупать мясо за 12 рублей люди не смогут, у большинства на это просто нет денег. Хотя и нынешние 3 рубля 95 копеек — фикция: население и райпотребсоюзы сбывают свою продукцию по ценам минимум вдвое выше в соседние регионы.

Судили-рядили — какую установить предельную цену. Скажем, в семь рублей, как это сделали соседи карагандинцы и целиноградцы. Однако против на- смерть встали представители совета ветеранов. Стали искать пути дотирования этой цены, и оказалось — в бюджете денег нет, у крупных предприятий тоже.

Окончательно запутавшись с этим делом, решили зайти с другой стороны — ввести талоны на мясо. И оказалось, что, мобилизовав все резервы, можно наскрести по полтора килограмма в месяц на каждого жителя Павлодара. Но потом выяснилось, что и это невозможно: во-первых, мяса не хватает, а во-вторых, всё равно цена на него должна быть не меньше семи рублей за килограмм.

Неутешительный итог подвёл председатель постоянной комиссии облсовета по аграрным вопросам и продовольствию, председатель колхоза имени 30-летия Казахской ССР И. Е. Штрайф — если мы не поднимем закупочные цены на мясо, наверняка оставим без него область уже к новому году.

Впрочем, одно решение комиссии всё же приняли: ввели талоны на спиртное. Норма — бутылка водки и бутылка вина в месяц на человека старше 21 года.

Кроме того, в Павлодаре будут открыты два коммерческих магазина по торговле горячительным — один дневной и один ночной.

Напоследок кто-то из участников заседания, как бы между прочим, заметил: “Какой же это будет рынок? С талонами на все товары?”. Ответом ему была тишина.

21 ноября

Знаменитый московский ресторан “Славянский базар” заключил договор с Павлодарским производственным объединением “Тамма”, которое должно изготовить для него большую партию керамических изделий. Весь комплект насчитывает свыше 20 тысяч предметов: это столовая и кухонная посуда, декоративные вазы и кувшины, светильники и многое другое. Прорабатывается проект с одной из фирм Афганистана на поставку керамических изделий в Объединённые Арабские Эмираты.

“Тамма” — совсем новое предприятие, родившееся из небольшого кооператива всего год назад. Тогда кооператоры выкупили заброшенный гончарный цех облместпрома, привели его в божеский вид, переоснастили, отыскивали старых и обучили новых специалистов гончарному делу. Теперь их продукция и впрямь идёт нарасхват, особенно вазы всех фасонов и размеров.

Вот что значит частная инициатива. Руководит “Таммой” А. Д. Петренко. Надо бы съездить туда и посмотреть всё самому.

Н. А. Назарбаев во время очередного “Президентского часа” на республиканском телевидении заявил, что вопрос о территориальной целостности Казахстана не подлежит обсуждению.

Новые веяния в “ЗП”. Дали целую рекламно-информационную страницу по заказу художественно-производственных мастерских — с образцами их продукции: живописи, скульптуры, мозаики, росписей и т. д. и т. п. Пытаемся зарабатывать. Ещё стали публиковать поздравления — в том числе и от частных лиц, и тоже за деньги. Иногда, правда, ставят в тупик стихотворные строки поздравлений, в которых поэзией и не пахнет, а наличествует сплошное дурновкусие. Так ведь уплачено!

Вчера получил авторские экземпляры “Крупяного клина”. Тираж книги — аж 2100 экземпляров; издана в серии “Передовой опыт — всем”. В общей сложности рукопись пролежала в издательстве “Кайнар” более двух лет, в том числе полтора года будучи откорректированной и полностью готовой к печати. Много раз судьба её висела на волоске, и всё-таки она вышла. Художественной ценности книга, конечно, не имеет, но мне она очень дорога — не только как часть моей журналистской жизни со всеми “загибами”... Без ложной скромности можно сказать: это достойное исследование, написанное человеческим языком, и, думаю, историю земледелия области будут изучать и по ней тоже. А павлодарские агрономы, коих я увековечил в книжке, должны добровольно взять на себя обязанность бесплатно кормить меня гречкой. Спасибо редактору Б. Самсонову, который не стал “строить” текст “под себя”, как это сделали его предшественники с моими предыдущими книжками “Целина в новых берегах” и “Фамильная гордость”, где иные страницы были изуродованы так, что мне было просто стыдно. А “Крупяной клин”, особенно “гречишную” часть, местами читал не без удовольствия. Впрочем, прав С. П. Шевченко, повторяя уже кем-то сказанное: авторы самолюбивы как пудели...

Жизнь всё более ожесточается, и на этом фоне так удивляет обыкновенное человеческое участие. Пару недель назад дали письмо отчаявшейся молодой женщины, оставшейся с ребёнком, без мужа, родных, жилья. И в ответ волной пошли письма-приглашения. “У нас сын погиб в Афганистане, одни мы с женой остались... Приезжай — будешь нам дочерью”, “Давай к нам: у нас большой дом, крепкое хозяйство, места хватит!”. Объявились и женихи с серьёзными намерениями, хотя в письме о них не было ни слова. Пришла женщина из мехколхоза-14 треста “Средазстроймеханизация” — там собрали деньги на первое время. Звонят и пишут из Павлодара, Ермака, села Павлодарское, со станции Спутник, из Калкамана, Качир, Красноармейки, из совхозов “Агрономия” и “Ленинградский”. Молодец всё же Зоя Суворова — это не первая её подобная “акция”, когда нам удаётся помочь конкретным людям. Может быть, и в этом случае удастся, надо будет последить, чем всё закончится.

Радует подписка: набрали уже 75 процентов нынешнего тиража — 113 тысяч экземпляров. По правде говоря, я на столько не рассчитывал, а ведь ещё сколько-то добавится.

Пытаемся поворачивать газету лицом к жизни. Создали при секретариате “группу быстрого реагирования”, включив в неё Ольгу, Халела Карпыкова и Володю Карпова. Их задача — давать в каждый номер самую оперативную информацию на злобу дня. Задача — именно информировать читателя, а не назидать, к чему мы привыкли.

22 ноября

Всё же установили новые цены в системе потребкооперации: конина — 7 рублей, говядина — 6 рублей 90 копеек. Соответственно будут стоять и колбасы: от 6 рублей 40 копеек до 12 рублей 90 копеек за килограмм.

Но в принципе это ничего не меняет: в магазинах полностью исчезли жиры, маргарин, крупы. Расхватывают макароны, которые никогда не считались дефицитом, и даже турецкий чай, который прежде вообще никто не брал.

Московский еженедельник “Собеседник” опубликовал анекдот: “К кому обращаться, чтобы вступить в КПСС?” — “К психиатру”, — следует ответ. Зло, но по сути правда: немного сегодня найдётся желающих вступить в партию.

Опять пишем о конфликте вокруг дележа земли. П. А. Побережников ездил в Черноярку разбираться. В её окрестностях инженер со стажем В. П. Браун решил основать собственное дело: построить кирпичный завод, большая часть продукции которого должна пойти местному совхозу. Оборудование есть, сырьё — местная глина; а в котловане из-под неё предприниматель намерен разводить рыбу, затем вялить или коптить и продавать. Месяцы ушли на всевозможные согласования, добывание денег, механизмов. Не без труда, после долгих поисков нашёлся и подходящий земельный участок, непригодный для пашни и пастбы скота, но с запасом хорошей глины. Эти 80 гектаров солончаковой впадины и намеревался предоставить В. П. Брауну в пожизненное наследуемое владение Павлодарский райисполком. Но восстало местное население: у нас и так земли не хватает, скот пастись негде, а тут отрезают сразу 80 гектаров, и кому — чужаку?

Решили собрать сельский сход, с участием районных властей и прокуратуры, на который и поехал П. А. Побережников, написавший обстоятельный материал, в котором представлены позиции всех сторон. На этот раз здравый смысл всё же возобладал: с минимальным перевесом, но черноярцы проголосовали за то, чтобы “дать добро” Брауну. Это, скорее, исключение, чем правило: обычно коллектив действует по принципу — пусть лучше пропадёт, чем кому-то достанется...

23 ноября

Павлодарскому телевидению — 25 лет. С. П. Шевченко — один из его основателей — пишет, как всё начиналось. Местное телевидение пришло в дома горожан 7 ноября 1965 года, на пять лет раньше Центрального и на шесть лет раньше республиканского телевидения. Первых дикторов горожане знали в лицо и боготворили как кинозвёзд, таксисты не брали с них денег за проезд. Телевидение тогда было сродни чуду.

Дали целую страницу, посвящённую юбилею телевизионщиков.

24 ноября

Опубликовали Договор об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между РСФСР и Казахской ССР. Стороны выступают за обновление федеративного устройства страны... Россия и Казахстан признают исторически сложившиеся границы, гарантируют их незыблемость.

По просьбе читателей начали печатать казахские названия телепередач в программе ТВ в казахской транскрипции. Это связано с немалыми техническими трудностями.

Дали подборку читательских откликов на опубликованный в газете отчёт с собрания депутатов облсовета. Читатели ругают народных избранников за “внутрицеховые” разборки и призывают их заняться реальными делами. Некоторые письма защищают Мещерякова, мы их тоже излагаем.

25 ноября

День рождения у Даньки, ему 13 лет — почти взрослый человек. Во всяком случае я многое помню из своей жизни того возраста — хорошее и не очень. И мне надо иметь в виду, что именно сейчас у Даньки многое закладывается на всю жизнь и так же будет долго помниться. А у меня не хватает времени — ни на него, ни на Димку, ни на Пашку. Вдруг вспомнил, что в самые тяжёлые мои редакторские дни слегка оттаивал, гуляя с Пашкой в соседнем пришкольном парке. И ещё вспомнил, как вдруг стал делиться с ещё 12-летним Данькой своими служебными неприятностями. Он слушал, слушал и с каким-то недетским отчаянием сказал: “Пап, ну я же в этом ничего не понимаю!”. И мне стало стыдно: ещё только не хватало — вешать на детей наши проблемы.

“Огрызнулись” сегодня в газете — в ответ на затрагивающую “ЗП” публикацию в “Дауа”. Ольга на планёрке предложила опубликовать лозунг, обращённый к ним: “Ребята, “Дауа-й-те” жить дружно!”.

С. П. Шевченко сообщил: его однофамилец и наш бывший сотрудник Владимир Шевченко стал издавать коммерческую газету и предлагает С. П. опубликовать его новую повесть с продолжением. Кроме того, С. П. поступило предложение редактировать газету, которую намереваются учредить УВД и КГБ. Так что конкуренты плодятся как тараканы. И если те же милиционеры станут делать свою газету интересно и незашоренно, то она наверняка будет пользоваться спросом.

Республиканская молодёжка “Лениншил жас” опубликовала огромный — в разворот — материал — политический портрет Г. В. Колбина. Есть там несколько абзацев и в наш адрес. Суть: первый секретарь обкома Мещеряков намеревается

отдать Павлодарскую область России, разрешает публиковать в “ЗП” статьи, обостряющие межнациональные отношения, препятствует осуществлению закона о языках, запрещает любые статьи в защиту казахов. Не ручаюсь за дословность, но смысл именно таков...

Бред — полный. И приписка под материалом (мол, редакция не во всём согласна с автором) по сути ничего не меняет. Как мог редактор благословить в свет подобное творение, имя автора которого, кстати, нам ничего не говорит? Как на него реагировать? Во всяком случае глотать эту чушь без ответа никак нельзя.

Был сегодня на базаре. Мясо — от шести до девяти рублей за килограмм, картошка — пять рублей ведро, мёд — 15 рублей килограмм. Всё это очень дорого, но, конечно же, рост цен продолжится.

Покупал в магазине минералку — потребовали паспорт.

26 ноября

Разговор с Мещеряковым, начавшийся с обмена любезностями (он благодарил меня за читательскую подборку со строками поддержки в его адрес, я его за то, что не стало в последнее время руководящих звонков из обкома), закончился лёгкой стычкой. Впрочем, неизвестно ещё, закончился ли...

Мещеряков — как бы между прочим:

— А это правда, что у вас одна мадам подала заявление о выходе из партии?

Я — после некоторой паузы:

— Да, правда...

— Ну так надо её выставить из редакции — и как можно быстрее. Это же партийная газета!

Я стал доказывать, что эмоциональные решения могут только навредить, что она — хороший работник и неразумно к ней применять карательные меры, что меня не поймут в редакции.

— Уволить, чтоб другим неповадно было! — продолжал наседавать он.

Я вяло возражал: тут надо положиться на моё редакторское чутьё и лучше никаких мер не принимать.

— Из-за таких вот доброхотов и вытирают о партию ноги, — отвечал он.

Всё же однозначно жёсткого указания на этот раз не последовало, за что я Мещерякову благодарен. Интересно, как бы поступила Гришина, знай она, что такой разговор состоится, и что ей, может быть, придётся уйти из газеты? Всё же написала бы заявление или повременила?

27 ноября

Публикуем проект Союзного договора, вынесенный на всенародное обсуждение.

Из проекта основных направлений развития области на следующий год: область должна произвести 41,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии (или на 13 с лишним процентов меньше, чем в нынешнем — это последствия недавней крупной аварии на Экибастузской ГРЭС-1), добыча угля достигнет 92 миллионов

тонн (плюс 6 процентов к уровню этого года), тракторов и бульдозеров надо будет выпустить, соответственно, 45 тысяч и 15,5 тысячи штук (плюс 5,2 и плюс 10,7 процента).

Узнал из нашей газеты о том, как плохо мы работаем. Ежедневно в области не выходит на работу около семи тысяч человек, в том числе более половины — с разрешения администрации трудовых коллективов. Но это — официальные данные, а на самом деле потери от невыходов на работу гораздо больше, просто они никем не фиксируются.

Теперь автотранспортные предприятия, желающие обновить свой парк, посылают своих рабочих на помощь заводам, выпускающим автомобили. Так, уже 200 казахстанцев, включая 12 павлодарцев, ударно трудятся на Львовском автобусном заводе. В бригаде павлодарцев — два сварщика, остальные заняты на сборочном конвейере. Наш рабочий десант пробудет во Львове три месяца, заработав десять новых автобусов, в том числе четыре комфортабельных “Туриста” с откидными креслами. Пригонят автобусы в область те, кто сейчас работает на заводе.

Честно говоря, подобное сотрудничество вызывает у меня большие сомнения. Если следовать этой идее, надо и на наш тракторный завод завозить бригады рабочих со всей страны — отовсюду, куда идут павлодарские “дэтэшки”...

Оказывается, в Павлодаре действует церковь христиан-адвентистов седьмого дня. Недавно они дали благотворительный концерт, на который ходила наша Ирина Лисовская. В перерывах между песнопениями один из активистов церкви читал проповеди. Другой — пастор алма-атинской церкви адвентистов — критиковал в беседе с Лисовской атеистов, которые берут за основу жизни уж слишком приземлённые ориентиры. Например, такой: человек произошёл от обезьяны. И совсем другое то, что говорят верующие: человек создан по образу и подобию Божию.

Обо всём этом пишет Ирина в своём материале, появление которого раньше, конечно, было невозможным.

29 ноября

Решили проверить, как выполняются запреты на вывоз дефицитов из области. С этой целью О. Григорьева отправилась в аэропорт. Выяснила: везут всё подряд — стиральные машины “Малютка”, цветные телевизоры, шампунь “Диона”, коньяк, шампанское, конфеты, тушёнку, колбасы, замороженное мясо. Женщины — дежурные на посадке, смеясь, говорили Ольге: “Мы это изобилие только тут и видим... Оказывается, всё у нас в Павлодаре есть...”

А как же запрет? Да никак: нет у работников аэропорта оснований тормозить, а тем более изымать подобный груз — это ведь не оружие, не взрывчатые вещества и не горючие жидкости. Тем более что у пассажира всегда найдётся ответ на вопрос — откуда у него дефицитный товар? Мясом снабдил родной брат, “Малютку” подарила тёща, коньяк и конфеты — подарок от коллег и т. д. и т. п.

Всё то же происходит на железной дороге; везут, что захотят, на автобусах и автомобилях. Никакие запреты тут не помогут.

Прочитал в нашей газете, что самый быстрый рост производства на селе отмечен за последние три года в личных подсобных хозяйствах, где закупки мяса за это время выросли в 1,7 раза, а молока — на 37 процентов. Во многом за счёт этого за четыре года удалось поднять в области потребление мяса и мясопродуктов на душу населения с 61 до 71 килограмма, а молока — с 292 до 317 килограммов. Цифры вроде впечатляют, но что же на самом деле тут хорошего: просто люди не верят, что совхозы-колхозы их накормят, и стремятся самообеспечиваться.

Наш читатель, машинист тепловоза К. Рук предлагает свой способ стимулировать футболистов “Трактора”, разучившихся, как он считает, играть. Он предлагает вдвое — с рубля до двух — повысить стоимость билетов на футбол. В случае выигрыша нашей команды половина выручки должна идти на премирование игроков, а в случае поражения или ничьей купивший билет может вернуть свои деньги обратно.

Это новшество К. Рук предлагает взамен нынешней лотереи, которая привлекает на стадион не настоящих болельщиков, а тех, кто хотел бы заполнить выигрыш.

Журнал “Простор” объявил о намерении опубликовать в будущем году мемуары Д. Кунаева. Редактор Г. И. Толмачёв заявил в газете “Известия”, что рукопись уже в редакции, её рабочее название “От Сталина до Горбачёва”. “Известия” также пишут, что, когда Кунаев, который до сих пор вёл очень уединённый образ жизни, на одном из торжеств в Алма-Ате появился при всех своих регалиях, толпа устроила ему настоящую овацию.

Вопрос однако ещё и в том — дадут ли Толмачёву напечатать мемуары Кунаева?

Арестован некий Чикатило, которому вменяется в вину убийство более 50 человек. Чаще всего его жертвами становились молодые женщины, которых он зверски убивал, а затем насиловал. При всём при том Чикатило образцовый глава семейства — муж, отец, дед, а ещё член партии.

В ходу новое слово — “челноки”. По аналогии с челноком из швейной машины, который бегаёт взад-вперёд, так называют людей, которые ездят за товаром в Турцию и Китай, перепродают его у нас, оставляя навар себе. Женщин среди “челноков” больше, чем мужчин.

Несколько сотен горожан пикетировали здание Экибастузского горисполкома. Они требовали вернуть местной народной врачебельнице право на приём и лечение больных, отнятое решением горисполкома. Оказалось, запрет

наложен не властями, а налоговой инспекцией. Дело в том, что сама целительница денег не берёт, но многие оставляют в благодарность кто пятёрку, кто десятку... Вот налоговики и проявили бдительность...

Вопрос был урегулирован довольно быстро. Целительница и впредь будет лечить людей, но и налоги платить тоже. О деталях “соглашения” наш собкор Булат Ахметов ничего не пишет.

1 декабря

Даём в “советском” номере большое интервью заместителя председателя облисполкома А. Ф. Половникова, возглавлявшего павлодарскую делегацию, которая ездила в Москву. Цель поездки — отстоять права области (и в первую очередь приполигонных районов) на льготы, уже полагающиеся нашим соседям-семипалатинцам. Дело в том, что значительная часть полигона — 827 тысяч гектаров — это территория, отрезанная от нашей области. Вблизи полигона проживает более 90 тысяч человек, многие из которых давно страдают от такого соседства. А в Москве никак не могут понять — при чём здесь Павлодарская область, если полигон — Семипалатинский.

Мне Анатолий Фёдорович Половников рассказал “не для печати”: в одном из столичных ведомств он не только заполучил, но и смог скопировать секретные документы, однозначно подтверждающие вредоносное влияние полигона на значительную часть территории области. Именно этот козырь оказался решающим в хождениях Половникова и других членов делегации по московским кабинетам.

Теперь области будут увеличены фонды на централизованные поставки строительных материалов, техники, мебели, медицинского оборудования и много другого.

Хотя и тут иногда дело доходит до смешного: так, например, для жителей трёх районов, отнесённых к категории неблагополучных, — Майского, Лебяжинского и Баянаульского — установлена повышенная норма выделения сахара — из расчёта 21 килограмм в год на каждого человека (по талонам). Это аж на три килограмма больше, чем получают ежегодно другие жители области.

Продолжаем публиковать обзоры других газет страны.

Новая московская газета “Куранты” приводит цены на появившиеся в свободной продаже книги: “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына — 105 рублей, стихи Гумилёва — 70, “Мастер и Маргарита” Булгакова — 50 рублей. При этом повесть Венедикта Ерофеева “Москва — Петушки” идёт по супернизкой цене — 3,62. Именно такую завещал издателям недавно скончавшийся скандально известный писатель. Старшему поколению цифра 3,62 наверняка согреет сердце — столько стоила когда-то водка. И даже я грешным делом в молодости успел её попробовать...

Героем многих новых независимых (так они о себе пишут) изданий стал Гейдар Алиев — бывший член Политбюро ЦК КПСС. Газета “Наше дело” посвятила ему весь номер. Вот одно из его высказываний: “Если мы были недостойные люди, то почему тот, кого мы избрали, достоин руководить страной?”. И ещё Алиев утверждает: “Азербайджанский народ меня не забыл”.

Несколько дней подряд занимался “Блёстками” — написал о дедушке и бабушке Чурсиных, у которых в Чубаровке часто проводил летние каникулы и которых — так уж вышло — хоронили без меня. Ещё написал главку об одном журналисте-ветеране-графомане и несколько миниатюр о природе. Посмотрим, что из всего этого в итоге получится.

Сегодня позвонил один из наших пристрастных читателей — “сочувствующий”, как он сам выражается, А. С. Каменев. Однажды он пришёл ко мне с претензиями, мы проговорили почти два часа, нашли общий язык, с тех пор нормально общаемся. Каменев говорит — был на собрании местных социал-демократов. Среди прочих там оказался Г. А. Никифоров. Разумеется, выступал; прошёлся и по “ЗП”: правды от неё не дождёшься, ведь там редактор — член бюро обкома... А когда другой выступающий пытался втолковать собравшимся, что Г.А. с их помощью пытается разыграть собственную карту, его не захотели слушать. Такая у нас сегодня демократия.

Ещё Каменев сказал мне: видишь, как они ведут себя, а ты всё церемонишься, деликатничаешь... У меня и вправду была мысль дать штрихи к портрету Г. А. Никифорова — бывшего партийного секретаря жёстко авторитарного типа, враз ставшего демократом после того, как по нему прошёлся всё тот же “партийный каток”; рассказать о стиле и методах его работы, о его идеях — строительства в Павлодаре завода БВК и индивидуального жилья в пойме... Да мало ли ещё что можно было рассказать о том, каким был Г. А. тогда и каким стал сегодня! Но что-то меня всегда останавливало. Первое, наверное, то, что он уже и без того судьбой наказан — именем той самой партии, которой он всю жизнь служил; и второе — то, что эта публикация всё равно никого ни в чём не убедит — такое уж у нас время.

Изю всех сил стараюсь оставаться справедливым и совестливым, но всё время попадаю в ситуации, когда как ни сделай — всё равно будет плохо; когда то одни, то другие окунают тебя в дерьмо. Попробуй сохрани тут лицо и душевное равновесие.

Сегодняшняя “Литературка” дала целую полосу о Г. В. Колбине — “Человек из обоймы”. Журналист пишет о нём главным образом устами других: Мухтара Шаханова, собкоров “ЛГ” в Ульяновске (там Колбин работал до прихода в Казахстан) и Алма-Ате. Борец за социальную справедливость и главный народный контролёр страны предстаёт в этой публикации человеком, не лишённым “маленьких слабостей” — по части заботы о себе самом и своих близких. Приводятся факты на этот счёт, и не исключено, что карьера Г. В. может скоро закончиться.

Я не отношу себя к поклонникам Колбина, поскольку на себе испытал последствия некоторых его установок (например, жёсткой линии по отношению к “неформалам”, которую пытались ревностно проводить в нашем обкоме партии). Но вот что меня бесит. Та же “ЛГ” и те же собкоры не раз превозносили Г. В. Колбина как крупную личность и реформатора, а теперь “поливают” его. И то что ещё полтора-два года назад преподносилось как творческий

поиск, находка, бесспорный успех, теперь получает прямо противоположную оценку. Вот уж действительно журналистика — вторая (после проституции) древнейшая профессия!

Но в чём автор “Человека из обоймы”, безусловно, прав — это в том, что именно таких людей, как Колбин, пестовала и шлифовала система (он не из худших — скорее наоборот, он из типичных), только такие могли в ней выжить и подняться до её верхних эшелонов. И эти самые люди были выдвинуты на передний край перестройки, чтобы изменить воспитавшую их самих систему. Мыслимое ли дело? Тут, наверное, и сокрыта самая горькая правда жизни: ни о каком успехе в данном случае не может быть и речи — не самоубийцы же они в самом деле? И другими они никогда не станут. Вот и Колбин, скорее всего, “вычислил” Мещерякова по образу и подобию своему. И наивно мне ждать от М. того, что мне хочется видеть в современном политическом лидере, а тем более — пытаться его перевоспитать...

Статья о Колбине имела совсем уж неожиданное продолжение. Н. П. Попов пришёл ко мне в свехрасстроенных чувствах: когда-то он безоглядно поверил Колбину и был едва ли не счастлив, прорвавшись к нему на съезде журналистов Казахстана, чтобы пожать ему руку. А теперь, оказывается, Колбин совсем не тот, за кого себя выдавал. И вообще, говорил дальше Попов, он всё более убеждается в том, что рядовые члены партии не больше чем статисты, а партаппаратчики творили и творят, что хотят. Вот и он стал задумываться о необходимости своего пребывания в партии и просит меня перевести его из партотдела редакции в любой другой.

Я отвечал Николаю Петровичу: то, что простительно неуравновешенной женщине, вряд ли делает честь зрелому мужчине, и что не крайних нам надо искать во всех наших бедах, а на себя посмотреть.

Вроде отчасти поколебал его решимость, но не знаю — надолго ли? Если Попов на самом деле захочет уйти из партотдела, мне туда сейчас просто некого будет поставить.

4 декабря

Природа чудит — в Павлодаре небывалая оттепель, завершившаяся дождём и жутким гололёдом. Вчера, в понедельник, многие не смогли попасть на работу — автобусы не смогли доехать до тракторного завода (там есть путепровод), в аэропорт, совхоз-техникум. Городские коммунальные службы, как это часто бывает, оказались не готовы к сюрпризу природы.

Публикуем указ М. С. Горбачёва об усилении рабочего контроля за хранением, транспортировкой и торговлей продовольствием и товарами народного потребления. Указ принят “в связи с чрезвычайным положением на потребительском рынке, массовыми злоупотреблениями в торговле и системе снабжения...”. И, конечно же, “в связи с настойчивыми обращениями граждан о наведении порядка в этой сфере”. Короче — чтоб не воровали, а торговали и распределяли по справедливости.

А ведь это уже было: профсоюзы налаживали контроль за этим делом по всей стране и не добились сколько-нибудь ощутимых результатов. А мы сколько

бумаги извели, живописуя деятельность рабочих контролёров и бичуя всевозможных нарушителей правил советской торговли. Всё — впустую... И этот указ — тоже... Пока есть дефицит — будут и злоупотребления.

В Павлодаре те, у кого есть деньги и нет блага, идут на толкучку, где можно купить норковую шапку-обманку за 700 рэ, а кроликовую — за 50-70, овчинный полушубок — за тысячу, женские сапоги — за 500-700 и т. д. и т. п. Кстати, моя зарплата составляет около 350 рэ в месяц.

Гениальное изобретение отечественной торговли! На днях стали продавать по талонам два новых вида товаров — яйца и крупы. А поскольку талоны уже не успевают печатать, не мудрствуя лукаво, порешили так: на первую половину сахарного талона горожане получают мучной или сладкий продукт, а на вторую — десяток яиц в месяц. То же и с маслом: на “ма” им придётся 350 граммов масла, а на “сло” — полкилограмма крупы (той, что есть) и полкило муки. Дали по этому поводу информацию с отличным заголовком — “...хар” — значит “яйца”.

5 декабря

Опять — тяжёлый день. Написал это и вдруг подумал: а бывают ли они у меня — лёгкие?

Сутра пришёл начальник облжилкомхоза — качать права. Мы дали заметку о том, что с ремонта роддома, в котором участвовали даже медики, сняли часть бригады и перебросили на “ударный объект” — собственную квартиру начальника. Он, разумеется, всё оспаривает, говорит, что его оклеветали, требует публичных извинений и т. д. После бурных дебатов послал вместе с ним Сергея Горбунова — перепроверять. В конце концов оказалось — мы были правы, начальник вечером сам позвонил и уже другим тоном запричитал: ну работали всего две женщины и всего-то полдня, а вы меня опозорили, как мне теперь жить? Хорошо, конечно, что мы оказались правы, но это окончательно выяснилось лишь к вечеру, а день был испорчен уже с утра.

После начальника пришла супружеская пара из Экибастуза. История, которую рассказали они, действительно из ряда вон выходящая. Несколько лет назад они купили “Жигули”. И судя по тому, что не один год копили на них деньги, потом ещё сколько-то занимали, стала она для них светом в окошке. И вдруг её украли. Муж написал заявление в милицию, там долго раскачивались, потом вроде взялись за розыски, потом охладели и, наконец, заявили — дело егодохлое, машину уже не найти. Тогда он сам начал поиски и нашёл-таки свою любимицу — у одного из своих знакомых. По очереди с женой дежурили у дома, где стояли “Жигули”, чтобы те снова не исчезли. Абсолютно убедившись в том, что это их машина, муж побежал в милицию заявлять. Те, опять поволынив, наконец, дали человека, поехали на место, удостоверились — она!

После чего начинается нечто вовсе странное: машину под разными предложениями не возвращают, потом предлагают хозяину компенсировать её стоимость; машина, оказывается, перепродана уже четыре раза и всякий раз без нужных документов. Но мужчина проявляет завидное упорство и всё-таки забирает свою машину. И теперь он хочет довести дело до конца. Обращался в УВД, в прокуратуру области и республики, добивается приёма в аппарате Президента. Ко мне пришёл посоветоваться — что ещё можно сделать, чтобы добиться наказания виновных?

Слушал его и ужасался: какую всё же страшную, циничную и бесчеловечную систему мы создали! Разве может простой человек пробиться через все её лабиринты и хитросплетения к справедливости? Она изматает и раздавит того, кто захочет пойти до конца. И судя по этой истории, которая тянется уже пять лет, никакая перестройка этой системе не страшна...

Сказал экибастузцам, что попробуем заняться их мытарствами и хотя бы рассказать о том, что они пережили.

В обкоме партии обсуждали, как выполнять указ Президента СССР об организации рабочего контроля в системе торговли и распределения дефицитов. Идея явно мёртворождённая — уже создавался и продемонстрировал несостоятельность подобный контроль под эгидой профсоюзов. О чём прямо говорили участники совещания.

— Но ведь надо же что-то делать! — воскликнул председательствующий — один из секретарей обкома.

Что делать — никто не знает... Я на этом совещании снова очень остро почувствовал — насколько всё у нас в стране расшатано, доведено до ручки. Старое, до сих пор худо-бедно действовавшее, развалилось, нового не создано... Что будет дальше — одному Богу известно.

На совещании прозвучала цифра: на 5 декабря заключено договоров на поставку в область продовольственных товаров всего на 4,8 процента к нынешнему уровню. Значит, надо ждать тотального дефицита.

В обкоме прорабатывалась возможность ввести талоны на все основные продовольственные товары (в довершение к тем, что уже продаются таким образом), однако ничего не выходит — нечего распределять.

Открыли ночной коммерческий магазин по торговле спиртным. Я пошёл посмотреть — к открытию. Задолго до восьми часов вечера у дверей магазина собралась толпа — человек 300. Это была утрюмая, какая-то зловещая очередь, от которой можно было ожидать чего угодно. Но, к счастью, всё обошлось — водки хватило всем.

Утром навели справки: за 12 часов продали 200 ящиков, по 14-15 рублей за бутылку. В облуправлении торговли теперь обсуждают вопрос — не поднять ли цену до 20 рублей за бутылку?

Не совсем внятная, но жуткая по содержанию тассовская заметка из сегодняшнего номера. Шестеро солдат-срочников возвращались вечером из увольнения на рейсовом автобусе. По пути у них возник конфликт с группой местной молодёжи. Автобус, изменив маршрут, подъехал к людному месту. Его окружила толпа, учинившая расправу над солдатами. Четверо из них были, по сути, растерзаны.

Узнав о самосуде, командир части с подчинёнными (без оружия) выехали на место преступления, где собралось уже более трёх тысяч человек. Военных стали забрасывать камнями и обрубками арматуры, а автобус, где чинилась расправа, подожгли. Командир части запросил подкрепления, и оно прибыло —

уже с оружием. Сюда также было стянуто до 700 милиционеров, которые применили оружие.

Итог кровавой драмы — пять погибших военнослужащих и ещё 29 раненых, плюс 22 раненых и травмированных милиционера. О жертвах с другой стороны ничего не сообщалось, как и о том, имело ли столкновение национальную окраску. Судя по всему, имело, ведь происходило это в узбекском городе Намангане.

Как водится, созданы комиссии для разбирательства (сколько уже их было таких комиссий), а семьи военнослужащих теперь взяты под охрану.

На пленуме нашей областной журналистской организации обсуждали животрепещущие проблемы перехода местной прессы к рынку. Много стенаний, призывов к учредителям — позаботиться о своих изданиях; робкие голоса о том, что и самим надо учиться зарабатывать.

Запомнились сказанные кем-то фразы. Первая: “Рынок слезам не верит” и вторая: “Нам не денег не хватает, а ума и разворотливости”. Последнее — чистая правда.

6 декабря

Посетители меня точно доконают. Сегодня вслед за аксакалом, у которого накопилось немало претензий к газете и с которым мы объяснялись по этому поводу больше часа (к счастью, в конце концов кое в чём даже сошлись), пришёл другой — тоже ветеран, но уже русский и принёс письмо — изящно изложенную пикантную историю о том, как он летел в самолёте из Алма-Аты в Павлодар. Место ему досталось во втором ряду, за человеком, в котором он без труда узнал первого секретаря обкома. Тот весь полёт читал газеты, и едва самолёт после посадки вырулил на стоянку, быстро оделся и направился к первому выходу. Сюда, как успел заметить в иллюминатор пассажир, уже подъехал трап. Часто летающий павлодарец ещё подивился такой оперативности, а также тому, что на этот раз к самолёту подают сразу два трапа, и, чуть замешкавшись, устремился вслед за первым секретарём... Но не успел — тот уже спустился к ожидавшей его машине, а трап отъезжал. Пришлось оставшимся 150 пассажирам воспользоваться одним на всех — вторым трапом. Какими словами поминали в той очереди высокопоставленного попутчика, объяснять, наверное, не надо.

— Ну что, напечатаете? — ехидно спросил ветеран.

— Вряд ли, — честно сказала, — но обещаю вам — письмо ему будет передано.

— Посмотрим — какая будет реакция, — ответил ветеран, — у меня ещё в запасе журнал “Огонёк”, там точно напечатают.

Добавление из 2006 года. Я тогда не совсем поверил посетителю. Но оказалось — всё правда. По существующей в те времена какой-то инструкции первому секретарю (и к тому же народному депутату СССР) действительно полагалось подавать отдельный трап. Но то, что в тот раз его тут же убрали, конечно, было самодеятельностью персонала аэропорта.

В тот день меня ожидал ещё один сюрприз. Зашли Семерьянов с Марчевским и сообщили — Сергей Горбунов подал заявление о выходе из партии.

А вечером было партийное собрание, на котором мы обсуждали проект нового Устава Компартии Казахстана и заявление Гришиной о выходе из партии. Проект дружно ругали. Главный мотив: зачем нам отдельный устав, если мы уже состоим в КПСС и, вступая в партию, говорили, что признаем её устав. Тем не менее были и конкретные замечания по проекту.

На заявление Гришиной (она на собрание не пошла, заявив, что её решение окончательно и обсуждать его ни с кем она не собирается) реагировали как-то с юмором. Я по этому поводу мрачновато заметил, что весёлого тут мало: уж очень часто мы ищем крайних на стороне, не слишком оглядываясь на самих себя.

Говорили разное, такое, например: разве Гришиной кто-нибудь ограничивал в газете свободу её творчества, мешал ей как-то проявить себя? И такое: может, и мы в чём-то виноваты — парторганизация несколько месяцев дремала, а общество в это время раздирали противоречия...

Хорошо выступил С. П. Шевченко, говоривший, что не надо поддаваться стадному чувству и представлять партию скопищем мерзавцев и недоумков — в ней сосредоточен мощный интеллектуальный потенциал, и большинству коммунистов не в чем особенно каяться.

Володя Бугаев сказал, что партия много теряет, когда из неё уходят такие люди, как Гришина.

Ю. А. Ковхаев сказал, что не уйдёт из партии — нельзя её оставлять одним консерваторам.

А П. А. Побережников заявил: он останется в партии даже тогда, когда из неё выйдут все.

О Гришиной плохо не говорил никто, а разговор получился искренний и нужный. Кто-то сказал, что, если бы он состоялся раньше, то, может, и она осталась бы в партии...

Секретарём парторганизации избрали Зою Суворову. Прежний секретарь — Николай Марчевский — сам подал в отставку, а Роберт Штарк и Николай Попов, которых тоже выдвигали, сняли свои кандидатуры. Похоже, и Зою Алексеевну не шибко обрадовало отчасти навязанное ей секретарство.

7 декабря

Сегодня публикуем постановление Верховного Совета Казахской ССР о запрете ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Вообще-то полигоном командует Москва, но в постановлении есть ссылка на Декларацию о государственном суверенитете Казахстана.

В Алма-Ате строится метро. Пуск первой очереди намечается в 1997 году. Уже к этому времени должны будут действовать восемь станций, соединённых между собой восемью километрами тоннелей. Дали заметку об этом. Я люблю Алма-Ату и как-то не могу её себе представить — с метро...

Прочитал в нашей газете эпиграф к одному из материалов — четверостишие Николая Глазкова:

*Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый — век необычайный.
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней!*

Лучше, наверное, и не скажешь. Чего только не было в этом самом веке: войны, революции, опять войны, немыслимые жертвы... А людям как-то надо было жить в этом веке: моим дедушкам и бабушкам, моему отцу (вечная им всем память)... И много ли хорошего было в их жизни? Нам, их потомкам, конечно, жилось и живётся получше, но можем ли мы назвать себя счастливыми? Да неизвестно ещё, что ждёт нас в этом веке, ведь он ещё не кончился...

8 декабря

Вчера состоялся первый спектакль возрождённого в Павлодаре казахского музыкально-драматического театра. Впрочем, на самом деле спектаклей было два: первый — театральный “Айман — Шолпан”, поставленный режиссёром Ерсайном Тапеновым, и второй — политический, призванный поправить пошатнувшееся в последнее время реноме первого секретаря обкома.

Начну со второго. На президиуме облсовета народных депутатов прокурор области докладывал о результатах работы депутатской комиссии по этике, которая проверяла по поручению собрания депутатов обвинения в адрес председателя облсовета Ю. А. Мещерякова. Прокурор сказал, что все обвинения (по части приобретения машины, строительства гаража, покупки квартиры и т. д.) не имеют под собой никакой почвы и, по сути, являются клеветой. Что касается ремонта квартиры, то он был проведён в соответствии со сметой, за что заплачено 3470 рублей, но не из государственного, а из партийного бюджета, на что было разрешение ЦК Компартии Казахстана.

И ещё много всего было сказано, но излагать это нет ни малейшего желания: эти внутрипартийные, а теперь уже и внутрисоветские, разборки надоели всем хуже горькой редьки.

Мещеряков в своём выступлении сказал, что и у него подобное разбирательство оставляет горький осадок на душе, и даже принёс извинения членам комиссии по этике, которые вынуждены были заниматься этим в высшей степени неприятным делом, пояснив: он и сам себя поставил в незавидное положение, но должен был пройти через всё это, чтобы пресечь кампанию по его дискредитации. Ещё М. сказал, что уезжать из области никуда не собирается — будет жить и работать в Павлодаре.

А тем же вечером Мещеряков выступил на открытии казахского музыкального театра — как один из его отцов-основателей. И хотя в своей речи он путал согласования и ударения, принимали его хорошо, а когда зал услышал, что обком партии дарит театру “Волгу”, то и вовсе устроил Мещерякову овацию. Поддержал его и народный артист СССР Азербайжан Мамбетов, заявивший, что людей надо ценить не по словам, а по их делам. И новый театр, созданный при активном содействии М., — именно такое дело.

Был на этом вечере и такой трогательный момент. Пожилой аксакал в национальной одежде и обрезанных валенках после спектакля уселся прямо на краю сцены и с живым интересом следил за всем происходящим. Потом подошёл к микрофону и стал благодарить партию и правительство, а особенно жолдаса Мещерякова, за проявляемую ими заботу о возрождении казахской культуры. Потом они с Мещеряковым стояли полуобнявшись, рядом, являя собой весьма экзотическое зрелище. И залу это тоже пришлось по душе.

Так что политический спектакль отыграли по полной программе — Мещеряков в тот вечер получил такую поддержку, о которой можно было только мечтать.

Что же до спектакля театрального — яркого, весёлого, зажигательного — то он тоже более чем удался. Принимали пьесу не просто хорошо, а с восторгом, зал был полон, многие стояли в проходе, артистов долго не отпускали...

Вечером, уже в двенадцатом часу ночи, мне домой позвонила А. М. Ажибаева и хитро поинтересовалась:

— Ну как?

А когда я сказал, что оба спектакля удались, и мне известно, кто их главный режиссёр, она, ничего не уточняя, засмеялась и спросила: не пора ли ей уходить, раз уже узнают по почерку? Узнают лишь те, кто в состоянии оценить гротескные ходы мастера, успокоил её я...

10 декабря

Н. П. Попов предложил, чтобы мы вместе переговорили с Сергеем Горбуновым — о его выходе из партии. Позвали Серёгу, пытались переубедить, в крайнем случае — добиться, чтобы он “заморозил” своё заявление. Сергей отвечал: этот шаг он делает не с бухты-барахты, многое передумал, перемучился, а посему его решение окончательное. Выжидать, как некоторые, он считает бесчестным. Работать и впредь будет с полной отдачей, будет поддерживать всё хорошее, что есть в партии, но оставаться в ней больше не может.

Мы с Николаем Петровичем говорили, что своим уходом он ослабляет здорьевые силы партии, что его уход — ошибка и тактическая, и стратегическая, но переубедить, похоже, не смогли. Пообещал, правда, в отличие от Гришиной, прийти на собрание, где будет обсуждаться его заявление.

Устал я, честно говоря, от всех этих дел, когда, по образному выражению нашего президента и генсека, мне (как и ему, только масштабы разные) всё время “подбрасывают”: то обкомовцы, то представители общественности, то родная контора...

В “Известиях” появилась информация о том, что Н. А. Назарбаеву предложен пост главы правительства СССР и, якобы, он уже обсуждал это предложение (в закрытом режиме) с республиканскими парламентариями.

На заметку В. Ардаева последовала возмущённая телеграмма Н. А. Назарбаева редактору “Известий” (она уже опубликована в “Казправде”): журналист поступил некорректно, и это не первый его подобный шаг, не зря общественность требовала отозвать его из Казахстана; Н. А. считает такое требование справедливым и надеется, что мнение суверенной республики будет учтено руководством газеты.

12 декабря

Пропускаем номер, решил устроить себе творческий отдых — повидать директора “Бобровки” Н. Ф. Мальцева. Он оказался дома — болеет и заодно нянчит девятимесячную внучку. Подарил ему свою недавно вышедшую книжку “Крупный клин”, в которой он — один из главных героев. Похоже, Николай Фадеевич был растроган.

Рассказал мне о делах “Бобровки”. Гречихи в этом году собрали вкруговую по 17 центнеров. Говорит — подобного не было за всю историю совхоза. Выполняли планы года и пятилетки по поставкам зерна, молока и мяса.

- Может, и Героя дадут, Николай Фадеевич? — спросил я.
— Вряд ли, — со вздохом отвечал он, — не то теперь время...
Помолчал и вдруг добавил — как будто с сожалением:
— Упустил я, Юрий Дмитриевич, своего Героя...
— Как это упустил? Может, расскажете?

История оказалась необычная и вполне в мальцевском духе — с его особым отношением к таким понятиям, как справедливость и совесть. На стыке 70-80 годов его уже представляли к званию Героя Социалистического Труда — и по заслугам. Приняв “Бобровку” в довольно бедственном состоянии, он смог поднять её до уровня лучших в области — и в полеводстве, и в животноводстве. Шансы стать Героем у него были велики ещё и потому, что Казахстан в тот год опять дал стране миллиард пудов зерна, а Москва в таких случаях не скупилась на награды. Но узнав, что его собираются представлять к Герою, Мальцев пришёл к первому секретарю райкома партии А. И. Ибраеву, с которым у него были хорошие отношения, и попросил не делать этого.

- Как так? — удивился тот, — это же, может, единственный шанс в жизни.
— Я ещё молодой директор, — отвечал Мальцев, — многие могут неправильно понять... А моё время, надеюсь, придёт...

Героя в тот год дали механизатору одного из соседних хозяйств, Мальцеву — орден. Я постеснялся спросить — жалеет ли он теперь о своём тогдашнем поступке? Мне показалось — всё-таки жалеет. Может быть, даже не столько о самой Звезде Героя, сколько о том, в каких условиях, в какое смутное время ему придётся заканчивать свою директорскую карьеру — Николаю Фадеевичу скоро на пенсию.

Словом, не очень-то весёлой вышла наша встреча...

Возвращались домой уже по темноте. Встречных машин почти не было, фары выхватывали из сплошной равнинной белизны чёрную ленту асфальта, посеребрённые инеем лесопосадки вдоль дороги. Хотелось ехать и ехать, глядя вперёд и не думая ни о чём...

Вечером читал “Огонёк”. Ощущение — будто дерьма наелся. И не в том дело, что мне нужно развлекательное или оптимистическое чтение... Просто смердит от всего этого: и от передовой В. Коротича, единогласно избранного коллективом на уже занимаемый им пост главного редактора (как же — едва ли не первые в стране выборы такого рода, хотя, например, хорошо известно, чем закончились широко разрекламированные несколько лет назад выборы руководителей предприятий); и от “народного” творчества — частушек, часть из которых — зауядное хамство и пошлятина; и от описанной журналом квартирной истории в элитном доме; и от разборок на его страницах двух бывших журналистов “Советской России” со своим бывшим редактором.

Когда-то “Огонёк” сделал настоящий прорыв к гласности, им зачитывались, его передавали из рук в руки... Но неужели же в редакции журнала не чувствуют, что перебирают в погоне за скандальными материалами, и в стремлении выделиться готовы следовать принципу “чем хуже, тем лучше”; что сами перерождаются и часто служат уже не столько истине, сколько своему имиджу — “мы — самые, самые...”.

В раздражении писал это и вдруг подумал: а о тебе самом и о твоей газете что говорят? Неужто только хорошее?

Печатаем доклад М. С. Горбачёва на Пленуме ЦК КПСС, который должен утвердить концепцию Союзного договора.

Цитирую: “Сейчас в стране нет более серьёзной опасности, чем махровый экстремистский национализм, нагнетание национальной розни”.

Из постановления пленума: “ЦК КПСС выступает за юридическое оформление в возможно короткие сроки нового государственного устройства страны в качестве Союза суверенных равноправных Советских Социалистических республик”.

16 декабря

Сходили сегодня с Ольгой на документальный фильм Станислава Говорухина “Так жить нельзя”. Впечатление — как от хорошего нокдауна. Неудивительно, что фильм долго “не пустили” — к нам в Павлодар он “добирался” из Москвы, наверное, с полгода. О чём он? О разгуле преступности, о всеобщем ожесточении, о том, что страна в своё время пошла не тем путём — путём, ведущим в никуда, и вот теперь пожинает плоды.

Фильм, безусловно, талантливый, но, мне кажется, кое-где его авторы путают грешное с праведным. А главное — он оставляет ощущение полной безысходности. Или это новый творческий приём, именуемый шоковой терапией?

Сын Димка заявил мне сегодня (уже не помню — в связи с чем): зря он вступил в пионеры — нет от этого никакого толку. “А что, — спросил я, — разве в вашем уставе записано только плохое или вас в пионерской организации учат чему-то нехорошему?” — “Да нет, — отвечал он, — но мы ведь всё равно ничего не делаем — нужного, интересного...”. Он не сказал дальше: зачем в таком случае идти в пионеры? Но это подразумевалось.

Вот уже и дома политика — вполне определённого свойства. И что тут возразишь, если сам не можешь во многом разобраться. А дети?.. С чем в душе они вырастут, в чём будет их вера?

Завтра открывается четвёртый съезд народных депутатов СССР. По правде говоря, я всё меньше верю в дееспособность этих впечатляющих форумов, вся энергия которых в последнее время уходит — как пар в свисток у известного парохода или паровоза...

В Ленинграде стреляли в известного телеведущего Александра Невзорова. Вызвали ночью на какой-то пустырь, стреляли с близкого расстояния, но, к счастью, рана оказалась неопасной. В больнице Невзорова навестил председатель Ленсовета А. Собчак (хотя некоторое время назад Невзоров объявил в эфире войну Ленсовету). Звонили и от Горбачёва... Вот что значит настоящая популярность.

19 декабря

Третий день идёт съезд народных депутатов СССР. А начался он опять со скандала: народный депутат от КПСС из Кабардино-Балкарии Сажи Умалатова

заявила с трибуны, что Горбачёв себя исчерпал и не имеет права дальше оставаться Президентом СССР. Умалатова предложила включить в повестку дня вопрос о недоверии ему. Предложение не прошло, хотя более 400 депутатов, или примерно четверть съезда, проголосовали “за”.

Довольно жёстко выступал Н. А. Назарбаев, заявивший: нынешнее правительство страны — антирыночное по сути и не может привести страну к рынку.

Отвечая ему и другим критикам правительства, Н. И. Рыжков говорил о том, что нынешние беды в экономике вызваны не беспомощностью правительства, а кризисом политики и идеологии. Один строй заменяется другим, а одна идеология — другой, и за всё это придётся платить.

Мне показалась: депутаты слушали Рыжкова с напряжённым вниманием и даже в каком-то оцепенении. Конечно же, он — трагическая фигура и в своём нынешнем качестве обречён. По-человечески мне его очень жаль — Николай Иванович кажется мне совестливым политиком, а это в наше время большая редкость.

Едко, беспощадно выступал известный строитель Н. Травкин. Обращаясь к Горбачёву, сказал: вы собираетесь опираться на партию — как стабилизирующую силу, а в последнем “Огоньке” есть статья “Стая” — о первом секретаре Курского обкома партии — чинуше, пьянице и хаме; так что ненадёжная у вас, М. С., опора... Горбачёв, конечно, обиделся... Достаётся ему со всех сторон...

Народный депутат от Казахстана полковник Н. Петрушенко, известный своими экстравагантными выступлениями, заявил по российскому радио: он солидарен с оценкой, данной генсеком Компартии США Гэссом Холлом Б. Н. Ельцину — политический шарлатан.

В Павлодаре прошёл митинг, посвящённый годовщине декабрьских (1986 года) событий в Алма-Ате. На нём принята резолюция с требованием отставки Колбина, Мещерякова, председателя облисполкома Исакова. Дана в ней оценка и двум нашим областным газетам: вместо того чтобы сказать народу правду, они защищают виновников событий.

Вчера было заседание облисполкома. Совхозы и колхозы не хотят заключать договоры на поставку сельхозпродукции на существующих условиях — им это невыгодно. И ничем директоров или председателей не взять — они по-своему правы. Вот их аргументы: мы всё покупаем по договорным ценам, а от нас требуют хлеб, молоко и мясо — по фиксированным, для нас, по сути, разорительным.

После заседания осталось ощущение полного распада в экономике и полной беспомощности власти.

Передал в обком партии наши предложения “Об изменении выходных данных “ЗП” — убрать лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и добавить — под заголовком — “общественно-политическая газета”, а на последней странице —

указать учредителей: областной Совет народных депутатов и обком Компартии Казахстана.

Идею расстаться с лозунгом встретили особенно кисло.

22 декабря

Идиотизмы нашего времени... Объявили рабочую субботу. В Алма-Ате идёт съезд Компартии Казахстана, кто-то решил подсуесться — угодить партийной верхушке — и нам велено выходить вне графика на воскресенье. Проблема не в том, что пропадёт выходной (если надо, не жалко и воскресенье), а в том, что работаем наполовину впустую. Газету со съездовскими материалами в воскресенье даже в городе почтовики разносить не станут, и она пролежит на складе в лучшем случае до понедельника, а в районы её повезут лишь во вторник. Так что внеплановый выход — исключительно для “галочки”.

Успокаиваю же себя тем, что скоро отдохну от всей этой кутерьмы — с понедельника ухажу в отпуск.

Одно из самых обсуждаемых событий продолжающегося IV съезда народных депутатов — заявление министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе об отставке. Заявление, по правде говоря, насколько громкое, настолько и невразумительное. Мотивы: непрекращающиеся нападки на него за якобы неправильную политику в международных делах, за бесконечные неоправданные уступки Западу и США. Ещё Ш. говорил о скатывании страны к диктатуре... Вспокоились народные депутаты, международная общественность. Горбачёв с обидой сказал, что Ш. не счёл нужным даже посоветоваться, а ведь М. С. намеревался рекомендовать его на пост вице-президента.

Н. И. Рыжков так сказал об отставке Э. А. Шеварднадзе: “Есть определённая процедура отставки, и ею стоило воспользоваться. А если обращать внимание на критику, то мне уже давно надо было повеситься”.

23 декабря

Из доклада Н. А. Назарбаева на XVII съезде Компартии Казахстана:

“Сейчас, видимо, рано говорить о подлинных мотивах выхода из Компартии Казахстана 29 тысяч человек. Время и совесть всё расставят по своим местам, дадут “беглецам” беспристрастную оценку.

Но давайте не забудем и те 15 тысяч — это 73 процента первичных парторганизаций, в которых ни один коммунист не покинул партию в трудный для неё час... В члены КПСС в этом году вступило более 12 тысяч человек”.

26 декабря

Отдыхаю в профилактории строителей. Принимаю кое-какие процедуры, не особенно, впрочем, веря в их эффективность.

Испытываю состояние душевной раздвоенности: вроде и отдохнуть надо — устал, да и заслужил, но неуютно от того, что образовалось свободное время — как это можно в таких условиях не писать?

Дописал интервью на полполосы для “ЗП”, начал сегодня статью для журнала “Журналист”. Стержень как будто нащупал: как дальше жить региональной газете в творческом, политическом, экономическом аспектах. Есть наблюдения, мысли, но получается пока не очень: многословно, банально. Однако настроен доконать статью.

Родная контора “подбрасывает”, как любит говорить М. С. Горбачёв. Пригласили прокурора области на встречу в редакцию (такое у нас иногда практикуется), хорошо поговорили, а в конце один из наших либералов навалился на него, требуя ответа на вопрос: почему не деполитизируется прокуратура, то есть почему до сих пор не “прикрыли” у себя парторганизацию? Прокурор ушёл разобиженным...

Приходили в редакцию Шакиримов с Никифоровым — всё по тому же поводу: надо открыть глаза общественности на то, кем на самом деле является Мещеряков, требовали встречи с коллективом. Высказывали привычный набор претензий к газете, на что один из моих замов отвечал так: вся проблема в том, что у нас редактор — член бюро обкома партии. Это уж точно чушь. А всего-то и надо было сказать “поборникам демократии”, что газета — не место для сведения счётов...

... Сегодня уже второй раз снимали электрокардиограмму — кажется, у меня есть проблемы по этой части. И неудивительно.

27 декабря

Съезд народных депутатов постановил сохранить СССР как обновлённую федерацию равноправных суверенных республик и его название — СССР. Кроме того, по решению съезда пройдёт референдум о введении частной собственности на землю и о сохранении обновлённого Союза, как федерации равноправных суверенных республик; причём по обоим этим вопросам — с учётом результатов голосования по каждой республике в отдельности.

Дата референдумов пока не определена.

На ЦТ — новая развлекательная программа-игра “Поле чудес”. Играющие должны отгадать слово, представленное вначале только клеточками — по числу букв. Крутишь барабан, называешь предполагаемую букву, угадываешь — получаешь очки, и т. д. Разгадал слово — получаешь приз в зависимости от количества набранных очков.

А самое интересное, когда играющему приз на барабане выпадает досрочно, и ведущий начинает изводить игрока, провоцируя его всякий раз менять решение — взять приз или деньги, которые предлагаются вместо него... Бывает, на игрока просто жалко смотреть, так хочется ему и приз получить (а там может быть и безделушка, и ключи от машины), и дармовых денег...

Игра завоевывает всё большую популярность, хотя ушлые люди уже окрестили её “Поле чудес” для страны дураков”.

После долгих дебатов на республиканском партсъезде принят самостоятельный Устав Компартии Казахстана, в котором оговаривается, что “она является составной частью КПСС”.

Стали давать подборками и даже целыми полосами (одну в номере) рекламы. Зарабатываем деньги, а читателям реклама явно не по душе, ругаются — и в письмах, и по телефону.

1991 год

3 января

Новый год встретили тихо, по-семейному, и в этом, оказывается, тоже есть своя прелесть. К тому же я в отпуске, живу более-менее спокойной жизнью и даже пишу. Наконец закончил статью для журнала “Журналист”, срочное интервью для газеты и взялся за “Родню”. Это будет раздел “Блёсток” об истории нашей семьи. Сегодня писал о Чурсиных — деде Тимофее и бабушке Акулине. Что-то вроде ухватил, но целостной вещи не получается: всё у меня там перемешалось — мои собственные ощущения, рассказы матери, домыслы... То есть эту новеллу надо ещё доводить до ума.

Грядут большие перемены... Сегодня меня срочно вызвали к главврачу профилактория, где я пытаюсь отдохнуть и подлечиться, и сообщили: “Звонили из обкома — за вами уже выслана машина”. Оказалось — экстренное заседание бюро обкома партии. Повод — переход Ю. А. Мещерякова на другую работу — он уже назначен заместителем министра угольной промышленности СССР (кажется, по строительству). Сделано всё, как всегда, втихаря, а нас ставят перед фактом.

Представитель ЦК Компартии Казахстана прилетел в Павлодар, чтобы обговорить с членами бюро кандидатуру нового первого секретаря обкома.

Пока я терялся в догадках, кто же будет предложен, выступил начальник Павлодарского отделения железной дороги А. С. Саркыншаков и назвал фамилию Б. В. Исаева. Его кандидатуру сразу поддержали первый секретарь обкома комсомола С. Есимханов и председатель парткомиссии обкома К. Б. Даржуманов.

Весь фокус в том, что Исаев уже был у нас первым секретарём обкома.

Первый секретарь Павлодарского горкома партии М. К. Дуйсембаев сказал, что Исаев должен будет ответить минимум на три вопроса: о коттедже, построенном в своё время в центре города на берегу Иртыша и предназначенном для четырёх семей, включая его собственную; о своём возрасте (Исаеву 58 лет); и о том, по каким мотивам он в своё время был освобождён с поста первого секретаря обкома. Ещё Дуйсембаев настаивал на том, чтобы на пленум обкома “по оргвопросу” были допущены Шакиримов, Никифоров и Манахаев (последний резко критиковал Мещерякова на областной отчётно-выборной конференции).

Тут мнения разделились: одни говорили — можно их и допустить, если будут хорошо себя вести, другие возражали — с какой стати для них надо делать исключения, и вообще незачем устраивать “свалку” на пленуме обкома.

Представитель ЦК, стараясь погасить страсти, пообещал лично переговорить со всеми троими, а там, мол, видно будет.

Звучало в выступлениях и сожаление: вот дожились — даже некого из своей среды выдвинуть — приходится опять звать первого руководителя из столицы. Говорили ещё: не надо гнаться за альтернативами — лучше, если на пленуме будет одна кандидатура, а хуже всего, если в борьбе за кресло сойдутся русский и казах, тем более что первым секретарём в Павлодаре всегда был русский...

Когда подошла моя очередь, сказал, что сегодняшний разговор для меня — полная неожиданность, что кандидатура Исаева, скорее всего, пройдёт, хотя надо быть готовыми и к альтернативам. Сказал, что не надо устраивать на пленуме выяснение отношений и желательно заблаговременно заручиться поддержкой крупных, влиятельных парторганизаций.

Возражающих против Исаева не оказалось. Хотя, как мне говорили потом знающие люди, такие всё-таки были, но, уловив общее настроение, решили “не высовываться”. Представитель ЦК с видимым облегчением заметил: кандидатура Исаева — для бюро ЦК не новость, и она будет поддержана. Я понял: уже проделана основательная предварительная работа — и в Павлодаре, и в Алма-Ате — чтобы избрание-назначение Исаева прошло без эксцессов.

Потом меня зазвала к себе в кабинет А. М. Ажибаева, тут же набрала алматинский телефон Б. В. Исаева и сообщила о единодушном решении бюро обкома — поддержать его кандидатуру. Тем самым она, наверное, давала понять, что имеет прямое отношение к подготовке решений столь высокого уровня и что по-прежнему доверяет мне.

Я же думал о том, что Ю. А. Мещеряков сдал всех нас, членов бюро, и нам ещё придётся расхлёбывать заваренную им кашу. Хотя его уход — может быть, лучший способ как-то выбраться из тупика, в котором мы все по милости М. оказались.

Сможет ли Б. В. Исаев развязать “мещеряковские узлы”, доставшиеся ему в наследство, и нормализовать обстановку? Кто знает... Но Исаев, конечно, не худший вариант. У меня, кстати, есть личный опыт общения с ним. Я тогда работал в сельхозотделе “ЗП”, и наши пути пересеклись совершенно неожиданно. Неожиданно потому, что первый секретарь обкома и корреспондент областной газеты находятся уж в слишком разных весовых категориях, и их личная встреча в строгие партийные времена была вряд ли возможна. Но она тем не менее состоялась. Редактор С. П. Шевченко сказал, что у Исаева есть какая-то идея относительно повышения эффективности эксплуатации комбайнового парка, и он её намерен обсудить с нами. Так я впервые оказался в святой святых обкома — кабинете первого секретаря. Разговор продолжался довольно долго — более получаса, и, когда мы с С. П. выходили, чины, ожидавшие в приёмной аудиенции, смотрели нам вслед с недоумением и укоризной: ну о чём так долго эти двое могли говорить с первым секретарём, отрывая у него столь драгоценное время?! (А С. П., судя по всему, наоборот был доволен: ничего, мол, пусть в обкоме знают, что и мы в этот кабинет вхожи и общаемся в нём с нами как с серьёзными людьми).

Впрочем, “общаются” — это громко сказано. Просто мы выслушали монолог Б. В. Исаева. Речь шла о том, что огромный комбайновый парк области используется неэффективно: ежегодно в пору уборки остаётся на машинных дворах совхозов и колхозов до полутора тысяч комбайнов — каждый пятый-шестой. Беда, по мнению Б. В., в том, что значительная часть этих машин не имеет постоянных хозяев. А если этого добиться, то и общая ситуация в корне изменится. Примеры умелого хозяйствования есть, об этом надо написать, как и о плачевном положении дел в целом. Затем бюро обкома партии одобрит эту публикацию, примет специальное решение, райкомы партии и парторганизации на местах развернут работу и т. д. и т. п. А газета должна отслеживать — как она ведётся.

Проблема была мне хорошо знакома, и я с охотой взялся за этот материал. Мы потом больше года вели в газете линию “Каждому комбайну — хозяина”. За цикл публикаций на эту тему и материалов под рубрикой “Качество хлебного колоса” я даже получил впоследствии премию Союза журналистов Казахстана.

Впрочем, не думаю, что Б. В. Исаев помнит о той нашей встрече более чем десятилетней давности.

30 декабря вступила в строй новая трамвайная линия, проложенная по улице Кутузова. Трамвай был и остаётся самым надёжным видом транспорта в Павлодаре — что бы мы без него делали!

Неутомимый Альберт Павлов, подвизающийся ныне в многотиражке “Транспортник”, сделал для нас большое интервью о зачатках кабельного телевидения в Павлодаре. За это удовольствие приходится платить — 15 рублей за подключение, плюс ежемесячная абонентная плата... Вроде недёшево, но уже сейчас кабельное телевидение смотрят более двух тысяч абонентов. С марта прошлого года по кабельному телевидению было показано более трёхсот фильмов... Кроме кабельного, в Павлодаре есть ещё и коммерческий канал — КТК, так что нашему областному ТВ скоро придётся жить в условиях реальной конкуренции.

В редакцию поступило письмо от имени 1500 горожан, стоявших в очереди на приобретение холодильников. По решению сессии горсовета всех очередников должны были “отovarить” уже в прошлом году и только потом ликвидировать очередь и перейти на торговлю по предприятиям. Но этим полутора тысячам горожан холодильников не досталось, и они теперь добиваются справедливости.

Дали заметку — со ссылкой на горисполком, очередь, вроде, должны сохранить. Вот только будучи ли холодильники?

Наш собкор в Иртышском районе Г. Жаманбалинов прислал заметку: в совхозе имени Абая теперь платят стипендию школьникам. Но не всем, а только отличникам и “хорошистам” — соответственно, по 50 и 20 рублей. В год выходит до 20 тысяч рублей. Школьники, в свою очередь, помогают совхозу на сенокосе и уборке урожая.

5 января

Убийственный репортаж Володи Бугаева о том, как на станции Моралды торгуют хлебом из железнодорожного вагона-магазина. Поезд стоит тут всего несколько минут, и выгрузить все лотки с хлебом не удаётся — оставшиеся швыряют уже на ходу в грязный придорожный снег. Люди собирают разлетевшиеся буханки и рассовывают по сумкам.

Не пожалели для этого материала с шестью снимками, выстроенными как кадры фотоплёнки, целой страницы в “советском” номере.

Опубликовали нормы отпуска продуктов по талонам. Сливочного масла на человека в месяц полагается 250 граммов, яиц — десять штук, сахара — килограмм, водки — бутылка на взрослого человека. Так что не шибко разгуляешься.

Рядом с заметкой о нормах приводим новые цены на продукты в системе обшпотребсоюза: говядина — 10 рублей 30 коп. за килограмм, свинина — 7,10, конина — 9,10, баранина — 9,40, куры, утки — 6,50, колбасы, в зависимости от сорта, — от 9,40 до 16-18 рублей за килограмм.

Выросли также государственные розничные цены на картошку, лук, капусту, морковь, свёклу — в среднем в полтора-два раза.

Один из наших журналистов увидел утром 2 января очередь человек в 200 у салона “Бытмебель”. Оказывается, люди стояли с двух часов ночи — за мебелью.

И напрасно. Как объяснили в самом салоне, заявки на изготовление мебели не принимаются — из-за недопоставки сырья из России, вывешено и объявление на двери магазина, но люди не верят и не расходятся.

Дали об этом информацию в подборку “200 строк в субботний номер”.

Быстро сегодня дела делаются: позавчера — экстренное заседание бюро, а сегодня — уже пленум обкома. Открывший его Н. А. Назарбаев сказал, что вопрос назревал, что надо говорить как о положительных сторонах работы Мещерякова, так и о недостатках... Было движение вперёд, но М. не всегда оказывался готов работать в новых условиях — что-то решал нажимом, без учёта общественного мнения, а этого сегодня делать нельзя, если партия собирается сохранить роль авангардной.

Далее Н. А. сказал, что сложившаяся политическая ситуация в области породила у Мещерякова неуверенность, и его можно понять...

Эти простые человеческие слова и предопределили дальнейший ход пленума, единогласно принявшего отставку М. с традиционной формулировкой — “в связи с переходом на другую работу”.

Мещеряков в своём выступлении сказал, что старался работать в полную силу, но согласен и с тем, что ошибки у него были... Поблагодарил Н. А. Назарбаева и актив области за поддержку, добавил, что ни на кого не держит обиды и просит не обижаться на него самого.

Вероятно, предвидя возможные вопросы об участии-неучастии М. в декабрьских событиях, Н. А. заметил: рассматривать их надо не только с позиции сегодняшнего дня, но и в контексте того времени; все мы крепки задним умом, а виновным человека имеет право называть только суд. Ещё Н. А. добавил, что в тех событиях оказалось много чего намешано, и если в первый день это было демократическое выступление молодёжи, то во второй наблюдалось и явное хулиганство...

Говоря о кандидатуре нового первого секретаря, Н. А. Назарбаев подчеркнул: важно, что мнения ЦК и актива области совпадают; фамилия Исаева возникла не потому, что нужно было пристроить председателя упразднённого комитета народного контроля республики — Н. А. сам две недели назад предлагал Исаеву пост министра, но тот ответил, что хочет вернуться в Павлодар.

В ответ на предложение участникам пленума высказываться, тут же взял слово один из членов бюро и стал выражать огромную партийную благодарность первому секретарю ЦК, нашедшему возможность в столь сложное время, в обстановке исключительной занятости лично приехать и помочь разобраться в наших проблемах, с которыми мы уже не знали что делать... Н. А. с лёгким раздражением заметил: это лишнее — не стоит благодарить его за то, что, собственно, и составляет суть его работы. Мне показалось, что неуклюжая лесть покорила и Исаева...

Другие ораторы критиковали Мещерякова за разные прегрешения — реальные и мнимые, но некоторые отдавали дань и сделанному им. Один из выступавших предложил вместе с М. отправить в отставку и бюро обкома партии и даже сорвал при этом аплодисменты, хотя я помню и его в этих самых членах, когда он обычно сидел тише воды ниже травы, никогда не возвышая свой голос против мнения “Первого”. Критиковали некоторых членов бюро и персонально — за то, что они плохо влияли на М., а сам он, будучи сильной, волевой личностью, не всегда мог противостоять этому влиянию. У здравомыслящего человека, случайно оказавшегося на пленуме, от всей этой многоголосицы голова бы точно пошла кругом.

Хорошо сказал первый секретарь Экибастузского горкома В. Н. Третьяков: не надо большой смелости, чтобы бросать камни вслед уходящему; сам он также не приемлет некоторых черт Мещерякова, но если положить на чашу весов его плюсы и минусы, то первые, бесспорно, перевесят — хорошего он сделал гораздо больше, чем плохого.

Выступал и Б. В. Исаев — говорил свободно, зажигательно, и слушали его хорошо. Он сказал, что застой породил самый главный дефицит — дефицит личности; что идейные противники партии развивают бешеную активность, а мы выжидаем, хотя на нашей стороне всё прогрессивное человечество. О директорском корпусе области: эти люди — штучный товар, золотой фонд. О себе самом: тогда, в 1982 году, он лишился своего поста, потому что не вписался в административно-командную систему; что же до его возраста, то это не помеха: его ровесникам — главам российского парламента и правительства Ельцину и Силаеву — никто их годы в вину не ставит. Ещё Б. В. сказал, что любимчиков у него не будет, что его командой в случае избрания станет областная парторганизация, а его главная цель — консолидация актива для дружной совместной работы.

Н. А. Назарбаев заметил, что в своё время их совместные с Исаевым неприятности начались, когда они — предсовмина и председатель Комитета народного контроля Казахской ССР — взялись проверять работу Академии наук республики, которой руководил брат Д. А. Кунаева, а потом — пересчитывать общественное поголовье скота в Казахстане. Тем самым Н. А. давал понять: их с Б. В. многое связывает, они единомышленники.

Результаты тайного голосования: из 124 членов обкома против было всего десять.

Выступая уже в новом качестве, Б. В. Исаев, помимо прочего, высказался и по поводу нашумевшего “письма 42-х” так: безумству храбрых поём мы песню...

В перерыве я коротко перемолвился с Ю. А. Мещеряковым — по поводу его ухода:

— Может быть, так даже лучше?

Сказал — будто бросил спасательный круг. Думаю, он меня понял, потому что ответил:

— Да, наверное... Всем нужна разрядка.

Мы с ним пожали руки друг другу... (И, добавляю уже из апреля 2006 года, с тех пор больше не виделись).

... Теперь надо будет заново завоёвывать позиции, выстраивать отношения с новым первым, хотя правильнее будет называть его “старым” новым первым. Другие в его возрасте и в его положении стараются перебраться в Москву, на крайний случай — найти потеплее местечко в Алма-Ате, а он сам поехал в Павлодар. Случай — неординарный. Может, и правда можно войти в одну и ту же реку дважды? Поживём — увидим....

9 января

В облисполкоме собирали промышленных “генералов” на совет — что можно сделать в области своими силами, чтобы смягчить тяготы перехода к рынку.

Совещание было вызвано ещё и тем, что ни в Союзе, ни в республике не утверждены бюджеты и объёмы госзаказов на этот год. Поскольку ответов на проклятый русский вопрос “Что делать?” не нашлось, а идея первого зампреда облисполкома Е. Г. Азарова — создать в области товарную биржу, куда предприятия бы добровольно передавали до 10 процентов своей продукции, создав своего рода страховой товарный запас, поддержки не встретила (на что он невесело

пошутил: “Ну что ж поделаться, если каждый хочет умирать в одиночку...”), задались другим вопросом-близнецом — “Кто виноват?”. Но предложение руководителя управления “Казэлектромонтаж” И.И. Гордowego — избрать редакционную комиссию для выработки петиции с критикой в адрес президента страны и союзного правительства — тоже была отвергнута.

После чего было предложено закрыть этот “дискуссионный клуб”. “Для чего собралась и битых два часа толкла воду в ступе руководящая элита области, для меня осталось загадкой...”. Это написал не я, а побывавший на совещании Володя Карпов, я же лишь благословил его материал в свет — с этой самой фразой...

Письмо О. Ивановой из подборки писем: “В первый день простояла в очереди за мясом шесть часов (не могла отоварить талоны уже второй месяц), но оно кончилось, и мне не досталось... Второй день стояла семь часов, мяско купила, но не было “положенной” колбасы... Её привезли позже и мало, мне опять не хватило... Вы понимаете — сколько надо терпения и выдержки, а главное — времени, чтобы отоварить эти несчастные талоны?”.

12 января

Был в областном историко-краеведческом музее, где готовят новую экспозицию. В ней будет и двухметровый экземпляр стерляди, которая некогда водилась в Иртыше. Володя Бугаев сделал снимок для газеты.

Зампредседателя постоянной комиссии Павлодарского горсовета М. Рогачевский приоткрывает со страниц “ЗП” завесу тайны с товарного дефицита. За прошлый год продано через городские магазины 8518 комплектов мебели, 8198 цветных телевизоров, 2517 холодильников. Но очередь не сокращается, и это неудивительно: в списках мебельных магазинов числится около пяти тысяч очередников, при этом каждый в среднем записан на четыре комплекта мебели. Выборочная проверка показала: три человека “из очереди” в прошлом году купили в одном магазине 13 комплектов мебели...

А всё потому, пишет М. Рогачевский, что списки очередников юридически незаконны и контролировать их, по сути, невозможно. Выход видится в том, чтобы продавать все перечисленные дефициты по предприятиям, под контролем профкомов.

Хотя (добавлю от себя) это будет такая же фикция, что и с бывшими очередниками в магазинах. Ничто не изменится, пока не исчезнет дефицит.

Наш читатель и постоянный автор, инженер пожарной части Н. А. Хадеев сделал редакции подарок — оформил ей подписку на журнал “Пожарное дело”. Как он пишет — в знак признательности за то, что двери редакции открыты для всех.

Вроде мелочь, но приятно: будем теперь в курсе всех пожарных дел.

13 января

У нашего Пашки — образное мышление. Увидев соседского сына в парадной милицeйской форме, он восторженно закричал:

— Мама, посмотри какой красивый дядя — как наша ёлка!

Имеется в виду, конечно, новогодняя ёлка.

Всё понравившееся ему на улице дома Пашка теперь сравнивает с детской больницей, где лежит из-за сколиоза наш Димка, которого все мы навещаем.

Вчера поздно вечером позвонил из Чимкентской области Пашка Бабенко — мой университетский друг.

— Здорово, старый хрен! — заорал я радостно в трубку и что-то ещё в том же духе.

Реагировал он как-то вяло, а потом спросил — не забыл ли я слова одной из наших любимых песен студенческих времён.

— Это какой же?

— “Последний троллейбус” Окуджавы.

— Да вроде ещё нет, — отвечал я, не понимая, к чему он клонит.

— Тогда, может быть, споём её вместе, — предложил Пашка.

Я в замешательстве замолчал, и Пашка добавил:

— Но если ты не хочешь или не можешь...

— Да чего уж там, — отвечал я как ни в чём не бывало, — я готов!

Словом, пришлось петь: вероятно, есть у одного человека основание звонить другому человеку за две тысячи километров по такому поводу.

Хорошую же картину являл собой абсолютно трезвый отец немалого семейства и к тому же “общественный деятель областного масштаба”, поющий по телефону Окуджаву.

Когда мы, слегка путаясь в словах и куплетах, довели “Троллейбус” до финала, я спросил Пашку — что же у него случилось?

— Всё уже почти прошло, — ответил он и, сказав “спасибо, друг”, положил трубку.

А я лежал до полночи с открытыми глазами и мучался в догадках о причине его экстренного звонка.

В преддверии больших перемен в связи с приходом нового “Первого” пытаюсь отдохнуть от политики, используя последние деньки отпуска.

Думал, Ю. А. Мещеряков перед своим отъездом в Москву соберёт нас — членов бюро, президиума облсовета, аппараты обкома и облисполкома — попрощаться... Но он буквально слинял — как-то враз, втихаря. Всё у нас делается как-то не по-людски.

Снова обострилась ситуация в Литве и Латвии, усиливается противостояние союзников и противников избранных в этих республиках новых парламентов. Одна из причин — как вынужденная рыночная мера — трёх-четырёхкратное повышение цен на продукты питания. В Литве ушло в отставку правительство К. Прунскене, которая хотя и была настроена “антисоюзно”, но, кажется, всегда оставалась трезвомыслящим политиком. На смену ей придёт, скорее всего, куда более яркий представитель националистического “Саюдиса”. Коллективы крупных промышленных предприятий (в основном состоящие из нелитовцев) требуют отставки Верховного Совета Литвы и введения в республике прямого президентского правления.

М. С. Горбачёв обратился с очередными (уже которыми по счёту!) призывами к литовским парламентариям одуматься, а председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис расценил их как вмешательство чужого государства в дела его страны. Наивно полагать, будто националист Ландсбергис и его союзники могут стать иными — неприятие всего “СССэровского”, исходящего из союзного центра, у них поистине генетическое: они заведомо, в корне не приемлют ни этот строй, ни его ценности. И чёрт бы с ними — пусть живут, как хотят, как считают нужным. Но ведь страдают люди — тысячи, десятки, а может быть, сотни тысяч, оказавшиеся в водовороте всех этих событий.

Ничем не лучше, если не хуже, положение в Грузии, которая воюет с Южной Осетией. Это ещё не полномасштабная, но уже война — с перестрелкой, захватом заложников, человеческими жертвами. Между тем в Грузии также пришёл к власти новый демократический парламент во главе с профессором — гуманитарием голубых кровей Звиадом Гамсахурдия.

Чёрте-те что творится в Молдавии...

Поразительная вещь: новые демократы в республиках ругают и ненавидят центр за то, что он, упрощённо говоря, высокомерен по отношению к народам “окраин” Союза, а сами в точности повторяют все его ошибки, но только в более изощрённой форме — уже по отношению к своим собственным автономиям и национальным меньшинствам.

Это какое-то всеобщее помутнение разума! И не только на просторах СССР. США готовы ввести войска в Ирак, оккупировавший часть Кувейта; 400-тысячная военная группировка американцев может напасть на Ирак уже через несколько дней, если тот не выведет свои войска из Кувейта. А Саддам Хусейн отвечает, что не боится и уходит из Кувейта не собирается...

Таков наш сегодняшний мир, в котором миром и не пахнет.

15 января

Печатаем указ М. С. Горбачёва о неотложных мерах по улучшению продовольственного положения в 1991 году. Суть: персональная ответственность “за доведение товаров до потребителя” возлагается на руководителей местной власти, в то же время они отвечают за невыполнение поставок продовольствия в союзный и республиканский фонды.

Вроде всё правильно, вот только где они, эти самые товары, которые надо доводить до потребителя?

Мой однокурсник — редактор экибастузской многотиражки “Ленинская искра” Володя Федосенко — за заслуги перед отечественной энергетикой награждён почётным знаком “70 лет ГОЭЛРО”. Надо содрать с него по этому поводу бутылку.

Скандал в детском саду № 60. Так уж вышло, что половина детей в этом ведомственном саду “чужие”, их родители не работают в “Промхиммонтаже”, которому принадлежит сад. С какой стати мы почти бесплатно содержим этих детей, рассудили в “Промхиммонтаже”, и затребовали с их родителей по 105 рублей в месяц. А не хотите или не можете платить — забирайте ребёнка.

Написали в газете, что это требование незаконно, но в “Промхиммонтаже” стоят на своём. Мы ведь входим в рынок, где за всё надо платить.

Даже в отпуске полезно читать свою газету — иногда при этом узнаёшь что-то новое. Так, из передовой В. Голышкина узнал, что у 25 тысяч человек в области месячный доход составляет всего 70 рублей, а у почти пяти тысяч пенсионеров, инвалидов и некоторых других категорий — и того меньше. В. Голышкин пишет, что государство не бросит их в беде — порукой тому постановление Верховного Совета республики, предусматривающее социальную защиту малоимущих при переходе к рынку.

А из интервью областных почтовых начальников узнал, что разовый тираж всех периодических изданий, выписанных на этот год, составляет один миллион 59 тысяч экземпляров, или всего около 64 процентов к уровню прошлого года. То есть подписка за год упала более чем на треть.

Другие ценные сведения: в области около тысячи почтальонов, которые ежедневно доставляют 72 тысячи писем и 2,5 тысячи извещений разного рода.

И ещё: оказывается, в США лишь десять процентов газет и журналов доставляются почтой, все остальные тиражи распространяют сами издатели. А наши почтовики уверяют, что они и сегодня вынуждены работать себе в убыток...

В прошлом году наша газета получила 6953 письма. В основном это письма наших читателей — примерно по 20 писем в день.

20 января

Заканчивается мой отпуск, и я им почти доволен: хорошо, и вроде без натуги, поработал, что хотел — написал, к братану Петьке на несколько дней в Усть-Каменогорск слетал... Теперь — на работу.

Получил информацию: новый "Первый" готовит почву для формирования своей команды. Подыскивать место для работы предстоит нескольким зампредам облисполкома, заотделами обкома и другим начальникам. Председателя облисполкома тоже вроде отправляют на пенсию — на год раньше срока.

Как будто обычные дела, смена кадров, а всё же неуютно и самому становится...

В Литве дело дошло до танков, стрельбы и человеческих жертв. И, как всегда, из сообщений прессы и уклончивых заявлений официальных лиц ничего невозможно понять. Кто-то (неизвестно — кто) послал российских десантников на охрану телебашни в Вильнюсе. Тут же последовала публичная акция активистов "Саюдиса" — демонстрации, протесты, пикеты. Дело дошло до прямых столкновений, погибли люди.

Теперь каждый комментирует то, что произошло, по-своему. Демократы во всём винят союзный "центр с его имперской политикой, который разворачивает события по венгерскому сценарию 1956 года" (тогда СССР ввёл в эту страну войска).

Политбюро ЦК Компартии РСФСР выступило с заявлением, что во всём виноваты местные национал-сепаратисты; а Б. Н. Ельцин, обратившийся вместе с главами трёх прибалтийских республик в ООН (то есть, по сути, поддержавший их), предал интересы русских и других "некоренных" в Литве и в очередной раз продемонстрировал свою двойную мораль.

Представители Верховного Совета РСФСР, напротив, обвиняют Президента СССР, Министерство обороны и МВД СССР, требуя призвать их к ответственности за антиконституционную акцию с применением оружия в Литве...

Центральное телевидение показало репортаж А. Невзорова из Литвы, из которого тоже мало что можно понять. Невзоров и в хвост и в гриву “несёт” литовское руководство, но также и безымянных тех, кто сперва послал десантников охранять вильнюсскую телебашню, а затем попросту отказался от них...

Дальше всех пошёл, как водится, В. Ландсбергис, неоднократно заявлявший в своих теле- и радиообращениях, что Литва находится в состоянии войны с СССР.

Так что теперь в Литве и вокруг неё столько всего намешано, что сам чёрт не разберёт. И, конечно же, последние события получили крайне негативную оценку в Западной Европе и США.

А сами США уже несколько дней ведут войну в Ираке — бомбят военные и другие объекты, при этом гибнет и мирное население. Ирак в отместку выпустил несколько ракет по Израилю и Саудовской Аравии (с её территории вошли в Ирак американские войска). “Блицкрига” вроде не получается. Вряд ли применение военной силы, пусть и с санкции ООН, лучший способ поставить на место даже такого зарвавшегося политика, как Хусейн.

М. С. Горбачёв, кстати, делал всё, чтобы предотвратить войну, но безуспешно. Кажется, его, погрязшего в наших внутрисоюзных проблемах, американцы не особенно и празднуют.

Президент СССР формирует новый Кабинет министров. Место Н. И. Рыжкова занял бывший министр финансов В. С. Павлов, у него — новые заместители, за исключением Ю. А. Маслюкова. Таким образом, рядом с М. С. Горбачёвым не остаётся почти никого из тех, с кем он когда-то начинал перестройку. Союзников в российском парламенте у него также не густо, среди руководителей республик — тем более...

Нерадостная вырисовывается диспозиция.

23 января

Вчера состоялось первое заседание бюро обкома партии под председательством нового первого секретаря. Обсуждали проблему растущей коммерциализации культуры, негативные её последствия и возможные меры противодействия этому процессу.

Идеологическим отделом обкома была подготовлена записка, и, на мой взгляд, достаточно толковая. Отчитались чиновники разных ведомств, среди которых наиболее достойно выглядела зампред облисполкома В. В. Шершнева.

Б. В. Исаев часто подавал реплики, останавливал выступавших вопросами, демонстрируя интеллектуальный уровень вообще и уровень требовательности в частности...

Я не хотел выступать, хотя набросал для себя несколько тезисов... Выступил же больше из вредности — уж слишком с большой готовностью большинство участников обсуждения признавало, будто с культурой у нас полный завал, а никто из тех, кто должен ею заниматься, мух не ловит... Сказал, что аналитическая записка хороша: содержит глубокий объективный анализ, верно подмечает тенденции; мы действительно не совсем властны над коммерциализацией культуры, поскольку этот процесс захватил всю страну и всё общество; но что-то мы ещё можем, и это “что-то” схвачено в записке, в ней есть и здравые

предложения, которые можно и нужно реализовать. Сказал ещё, что можно дать толковую статью в газету на эту тему и даже устроить дискуссию.

Новый первый в своём итоговом выступлении к последнему предложению отнёсся благосклонно, а с моей речью не согласился, хотя и не назвал при этом мою фамилию.

Утвердили дотации газетам: “Кызыл Ту” выделили 200 тысяч рублей, “ЗП” — 100, районкам — от 30 до 70 тысяч рублей каждой. Я сказал, что журналисты по достоинству оценят эту реальную поддержку, и добавил — для сведения: мы не привыкли жить за чей-то счёт — в 1989 году “ЗП” имела 621 тысячу рублей прибыли, в 1990 — более 700 тысяч; нынешняя ситуация вызвана многократным повышением стоимости доставки газеты, но мы сделаем всё, чтобы “ЗП” вновь стала самокупаемой.

Затем всех приглашённых удалили, остались члены бюро, и первый секретарь поделился с нами планами по кадровым перестановкам. Уйдёт председатель облисполкома (вопрос уже согласован с президентом), “необходимо переместить” первого зампреда облисполкома Е. Г. Азарова и зампреда облисполкома В. Ф. Герасименко. Мотивы: оба они хорошие работники и хорошие люди, но устали, засиделись... В качестве первого зампреда предлагается кандидатура К. Н. Шакиримова — он пострадал невинно и должен быть реабилитирован. Ш. пожертвовал репутацией во имя достижения стратегической цели, и в отношении его должна быть восстановлена историческая справедливость — примерно так несколько витиевато высказался Б. В. Исаев, напомнив, что Ш. к тому же хорошо знает область и её кадры, а потому, безусловно, справится со своими новыми обязанностями. И ещё заметил, что напрасно некоторые ставят Шакириму в вину его претензии на руководящую работу: почему это он должен идти на рядовую, если уже хорошо зарекомендовал себя на областном уровне?

Предложение было поддержано, потому что устранили Шакиримова с его постов и впрямь не по-людски. Раздался, правда, один робкий голос: а как же общественное мнение, поймут ли нас — после всего, что было в последние полтора года? Но Б. В. решительно пресёк эти сомнения встречным вопросом: вы что-то имеете против или что-то можете возразить?

В качестве кандидатов на пост председателя облисполкома звучали фамилии зампреда облисполкома О. К. Кожанова, первых секретарей райкомов партии: Успенского — Т. В. Сыздыкова, Ермаковского — К. Е. Есимханова. Решили — надо также посоветоваться на этот счёт с другими первыми секретарями райкомов партии.

После заседания бюро я попросил Б. В. Исаева ненадолго принять меня: обговорить некоторые принципиальные вещи. Он согласился, но без особого энтузиазма, и по пути в его кабинет высказался в том смысле, что сама жизнь поможет нам лучше познакомиться, а то, мол, есть люди, всегда готовые засвидетельствовать своё почтение... Я тут же ответил, что не собираюсь одолеваять его визитами, и он сам скоро в этом убедится.

Так, полегоньку пикируясь, мы шли с четвёртого этажа к нему в второй... В кабинете он, удалившись в комнату отдыха, сменил строгий пиджак на почти домашний пуловер, после чего мы продолжали нашу столь странно начавшуюся беседу. Продолжение её носило характер не менее странный. Мне казалось: надо коротко изложить свою позицию — какими мне видятся отношения редакции с обкомом и редактора с первым секретарём, как “разруливать” то и дело возникающие нестандартные ситуации; потом выслушать его мнение на этот счёт и его требования к газете, а затем обмениваться мнениями, если в этом будет необходимость.

Но, кажется, Б. В. мало интересовало то, что я говорил или пытался сказать. Иногда он включался в разговор прямо в середине моей фразы, начинал рассуждать даже не о сказанном, а совсем на другие темы.

Поэтому попытаюсь фрагментарно изложить лишь то, о чём говорил он.

О Мещерякове: человек не без способностей, хотя ничем особым себя не проявил; просто на него в своё время обратил внимание Колбин — вот он и стал заноситься; в Павлодаре рассорил всех — даже тех, кто никогда не конфликтовал друг с другом.

О Колбине: проводил “бульдозерную” политику, вздыбил всю республику; непорядочно повёл себя в отношении Никифорова — на словах поддержал, а получив “письмо 42-х”, пришёл в бешенство и чуть не растоптал их обоих с Шакириновым — не мог допустить, чтобы первым секретарём обкома в нашей области стал казах; почему-то терпеть не мог С. П. Куржея (генеральный директор “Экибастузугля”, Герой Социалистического Труда. — **Ю. П.**) — вытолкал его на пенсию... То есть отношение к своему бывшему шефу (Колбин ещё недавно был председателем союзного, а Исаев — республиканского Комитета народного контроля) у него, скорее всего, негативное — во всяком случае к работе Колбина первым секретарём ЦК Компартии Казахстана.

О кадрах: считает, что вырастил много талантливых учеников, некоторые из них сегодня и в окружении президента Казахстана; из павлодарцев воспитанниками были названы Г. А. Кузин, К. Н. Шакиринов; подчеркнул, что во времена его секретарства выдвиженцы активно шли работать из области в столицу республики, а после него — нет, это и есть застой.

О себе: не считает себя жёстким руководителем; работает по принципу неотвратимости, сжигая за собой мосты и не оставляя путей к отступлению; если за что-то берётся, то идёт до конца и добивается результата, и те, кто работал с ним, об этом знают; так было, например, с “чистыми пятницами” и вообще с благоустройством в Павлодаре, с вводом в эксплуатацию (к названному им сроку!) “долгостроя” — Дворца тракторостроителей... Тем самым он и мне давал понять — у него хорошая память, я должен зарубить это себе на носу...

Много ещё чего было сказано... Когда Б. В. заметил, что нынешнее бюро не только не могло противостоять Мещерякову, но и поддакивало ему, я возмутился: “Да откуда вы знаете, например, возражал я ему или нет, как и о чём мы с ним говорили?”. — “Я просмотрел протоколы бюро, — невозмутимо отвечал он, — там нет и намёка на то, что вы когда-нибудь с ним спорили”. — “Разве можно судить о таких вещах по протоколам?” — не сдавался я. — “Других объективных источников у меня нет”, — похоже, мои чувства его несколько не трогали.

Потом Исаев добавил: он всем сегодня даст равные стартовые условия, а дальше сама жизнь подскажет — кто чего стоит. Однако — повторил — кадровые перемены будут и в ближайшее время: уйдут, кроме названных, секретарь обкома Красносельский и, не исключено, Ажибаева, или, во всяком случае, будет значительно ограничена сфера её влияния — уйдут люди, которых она привела в обком на должности завотделами.

Я пытался заручиться его поддержкой моей стратегической редакторской линии: газета сегодня должна писать обо всём, что происходит в области, независимо от того, понравится это кому-нибудь или нет.

Он сразу “включился”:

— Но позиция-то должна быть — вы же газета обкома?

— Разумеется, но могут звучать и другие точки зрения.

Он ответил не сразу, с расстановкой.

— Наверное... Смотря по ситуации... Как личные мнения...

Ещё я попросил его не устраивать редактору и газете публичных “разборок” — и без того немало желающих поставить нас на место. И не копить компромат, а высказывать замечания, если они будут, сразу...

С этим Б. В. согласился, сказав, что он не сторонник публичных разносов, после которых у людей руки опускаются.

Сослался на стиль работы Д. А. Кунаева: тот, как правило, не делал подчинённым замечаний, однако всё запоминал и однажды мог сказать: мы с вами не сработаемся, не тот вы человек. А я, заметил Исаев, мог бы что-то изменить в себе и стать другим, если бы мне вовремя подсказали...

Ещё он спрашивал о нашем бывшем редакторе В. М. Онухове; сказал, что помнит как журналиста Ю. А. Ковхаева, с симпатией отозвался о С. П. Шевченко.

Словом, беседа как будто закончилась куда более мирно, и довольно благополучнее, чем начиналась... А сегодня утром Б. В. позвонил по “вертушке” и сделал два замечания. Первое — спорное. А второе — пожалуй, справедливое: облсовпроф пытается контролировать цены в потребкооперации, хотя делать этого не вправе. Мы же в пылу борьбы за сдерживание растущих день ото дня цен его, по сути, поддерживали в газете.

Вопрос ещё в том, что стоит за этим звонком — это рабочий момент или уже некий знак, “чёрная метка”? Жизнь покажет, но на душе уже хреновато, неспокойно.

Зависает судьба нашего недавно созданного рекламного отдела: деньги он уже зарабатывает, а использовать их на зарплату или премию не можем — нет механизма. Мы огорожены инструкциями — как колючей проволокой.

Примерно на четверть выросли цены на бумагу — в год это обойдётся нам дополнительно в 200 тысяч рублей. И ещё неизвестно, что будет дальше.

Получил письмо от Татьяны Конобейцевой. Грустные вести: уезжает в ФРГ, уже оформляет документы. Пишет, что устала от всего, а особенно от постоянно униженной жизни. Пока ещё состоит в партии, но твёрдо намерена ехать вместе с мужем-немцем и двумя детьми.

Если такие люди, как Танька, решаются на подобное, значит действительно многое неладно в нашем царстве-государстве... Пишет: не осуждай... А разве я могу её судить?

Вчера началась акция по изъятию из обращения 50- и 100-рублёвых купюр. Делается всё по-нашенски бестолково и дуболомно — кругом страшный ажиотаж и всеобщая неразбериха. В первой половине дня в редакции вышли из строя телефоны. Причина — городские телефонные сети не выдержали нагрузки, потому что все бросились звонить друг другу.

Нашей семье эта акция никак не коснулась, потому что ни тех, ни других купюр у нас “в чулках” нет, как нет и самих денежных чулок. Есть несколько тысяч рублей, скопленных на “чёрный день”, но они лежат в сберкассе.

Наши журналисты побывали в Индустриальном райисполкоме, где работает комиссия, рассматривающая “нестандартные” случаи обмена. Здесь тоже очередь — и немалая: пенсионеры, предпочитавшие хранить свои наличные деньги именно в таких купюрах, кооператоры, приезжие, которых указ застал у нас в Павлодаре. Был тут некий немец из Германии, обменявший при въезде в СССР тысячу долларов

и более двух тысяч западногерманских марок — разумеется, на самые крупные (т. е. 50-100-рублёвые) купюры, а также предпринимательница — с восемью тысячами рублей — в таких же купюрах. С ними ещё будут разбираться.

Паника в сберкассах, где выдача наличных денег ограничена 500 рублями в месяц.

Новый премьер-министр В. С. Павлов разъясняет, что акция по изъятию купюр направлена не на “конфискацию накоплений у основной массы наших граждан”, а против дельцов теневой экономики, которые используют в своих неблаговидных делах именно эти дензнаки. Кроме того, 50- и 100-рублёвки контрабандно вывозят за рубеж, где их уже находится семь миллиардов рублей.

Не знаю, каково сегодня дельцам теневой экономики, но именно “основная масса наших граждан” мечется сегодня как угорелая, не зная, что делать с “лишними” 50-100-рублёвками.

Продолжается скатываться к хаосу и вся наша страна. М. С. Горбачёв выступил с очередным жёстким заявлением в адрес прибалтов: всё, что там происходит, включая пролившуюся недавно кровь, — следствие принятых этими республиками неконституционных актов, поэтому они должны быть отменены.

Заявление хорошее, аргументированное, выдержанное и центристское по сути. Но сколько их уже было? Поневоле приходит на ум пословица: собака лает, а караван идёт...

Кстати, Б. В. Исаев высказался во время нашей с ним встречи и о Горбачёве — мол, его главная беда в том, что он никогда не был на хозяйственной работе; М. С. силен в организации выработки решений, но слаб и непоследователен в их реализации. А всё потому, что не работал на производстве.

У меня сразу не нашлось что ответить, а теперь, поразмыслив, думаю — не только в этом дело. Ну хорошо — Горбачёв не был на хозяйственной работе, но глава правительства Рыжков ведь был — прошёл все её ступени, дойдя до генерального директора крупнейшего предприятия страны — “Уралмаша” с его сотысячным коллективом. И, судя по всему, хорошим был управленцем, однако это не помогло ему справиться с развалом экономики...

Это с одной стороны. А с другой — разве президент США Рейган был на хозяйственной работе? Или президент Чехословакии Гавел, он и вовсе драматург? Да мало ли других примеров? Нет, тут корни проблемы в другом, и они гораздо глубже.

26 января

Рискнули дать дайджест казахской прессы на скользкую тему... “Хочу быть его второй женой”, — под таким заголовком газета “Ана тили” напечатала письмо отчаявшейся женщины, вызвавшее поток новых писем, а также откликов в других казахскоязычных газетах. Большинство называют попытки возврата к многожёнству в казахских семьях пережитком прошлого, но есть здравые суждения и в поддержку автора первого письма. Некоторые пишут, что вряд ли сегодня найдётся много мужчин, способных полноценно содержать не только двух жён, но и две семьи с детьми...

Любопытно, что для нас, славян, идея многожёнства неприемлема в принципе, а казахи обсуждают её вполне спокойно. Это и называется разный менталитет.

Облполиграфия зарабатывает деньги — А. Г. Кузин договорился с редакцией популярного московского еженедельника “Совершенно секретно” о том, чтобы печатать и распространять его в Павлодаре — тиражом в 20 тысяч экземпляров. Теперь не только типографские рабочие, но и бухгалтерия в свободное время фальцует (т. е. складывает как надо) высокотиражную газету, получая за каждый экземпляр по одной копейке.

27 января

Вчера была сессия облсовета. Накануне в обкоме партии собрали депутатов-коммунистов и предложили зарегистрироваться в коммунистической фракции облсовета, что все и сделали, причём письменно... Вроде — нормальное дело, принятая в мире парламентская практика. Но из 147 депутатов — 104 коммуниста, или 71 процент, они и без всякого объединения могут свободно провести на сессии любое нужное им решение. Зачем фракция? Думаю — для укрепления партийной дисциплины, чтобы не было разброда и шатаний в наших рядах. Между тем объединение коммунистов может быть по-своему расценено оставшимися депутатами, прежде всего из настроенных критически по отношению к партии и особенно партаппарату, и породить противостояние уже по принципу “партийные — беспартийные”.

Обосновывая необходимость создания такой фракции, Б. В. Исаев сказал: нынешняя ситуация неуправляемости в стране — во многом следствие того, что ЦК КПСС не смог объединить коммунистов в Верховных Советах СССР и РСФСР.

Вот ещё несколько его высказываний:

— Стало модным сравнивать нашу страну с кораблём, но это неточно: не корабль мы имеем, а “летучий голландец” без руля и без ветрил... Судороги административно-командной системы — наша реальность...

— Наша цель — искать не противников, а союзников; тут начинается консолидация... Недовольных, обиженных никуда не вытолкнуть, мы с ними остаёмся на одной улице — нам вместе жить и работать.

— Нельзя без конца заниматься самобичеванием, разбирательством, конфликтовать — это гибельный путь. Когда-то надо остановиться, и это время пришло.

Мне понравился образ, использованный Б. В. для понимания того, что недавно происходило в области: Мещеряков и все, кто был с ним, оказались на корабле, который отчалил от берега, где оставались остальные, а дальше уже логика событий разводила эти группы людей всё дальше и дальше друг от друга...

Предложив вернуться к истокам конфликта, породившего глубокий кризис в области, Исаев вновь пространно говорил о Шакиримове и Никифорове, которые не хотели мириться с застоём, отчего и родилось “письмо 42-х”, о том, что в итоге они оказались правы, а Шакиримов, побывавший в роли главной жертвы, победил, и в отношении его должна быть восстановлена историческая справедливость... Эту речь в нескольких разных вариациях я слушал за последние дни уже в третий или четвёртый раз...

На этом же собрании Б. В. счёл нужным сообщить о двух недавних “проколах” газеты, заметив, правда, перед этим: мы, мол, обменивались мнениями по этому поводу с редактором и нашли общий язык. “Прокол”, как я уже писал, был, по сути, один, и мы с Исаевым обо всём поговорили, поэтому не знаю — зачем он опять вытаскивал эту историю на свет божий...

В перерыве ко мне подходили — кто с сочувствием, а кто с ехидцей: как же это ты, брат, прокололся, и что теперь будет?

Председателем совета партгруппы избрали начальника управления каналом “Иртыш — Караганда” А. И. Баталова. Привыкший больше работать, чем говорить, он был краток, и, может, ещё и поэтому его “тронная” речь пришлась всем по душе:

— Один капитан набирал команду, а потом её бросил, надо, чтобы с другим так не получилось.

После недолгих дебатов поддержали предложенные Исаевым кандидатуры К. Н. Шакиримова и А. С. Павлова в качестве первого зампреда и зампреда облисполкома, которые ещё предстояло утвердить на сессии.

Директор картонно-рубероидного завода Н. П. Шабрат спросил: на сессии могут быть вопросы — почему уходит тот же Азаров, ведь его, да и Герасименко тоже, лишь год назад утвердили? Но на его реплику депутаты-коммунисты не отреагировали...

И вот — сессия. Вопрос — о замене зампредов облисполкома. Встаёт депутат Долотова с химзавода:

— Я категорически против. Почему уходят Азаров и Герасименко? Кто их отпускал?

Следом — депутат Юдин — элегантный, умный, с хорошо поставленной речью:

— До каких пор будет продолжаться этот кадровый блуд? Пусть сначала облисполком отчитается о своей работе, а потом будем решать кого отпускать, кому — “персоналку”... (Ходили слухи, что председатель облисполкома требовал себе такую пенсию в качестве отступного за оставляемый досрочно пост. — **Ю. П.**). Почему нас, полторы сотни депутатов, за дураков держат?

Тут Борис Васильевич призвал коммунистов выходить из окопов; если и надо это делать, то только для братания!

Потом депутатка Гартвих зачитала обращение депутатов тракторного завода с требованием внести на сессию вопрос о ценах, в противном случае тракторостроители готовы объявить забастовку.

Депутат Чевненко поддержал Гартвих:

— Это не экстремизм и не нагнетание страстей: цены — главная тема дня.

Когда это предложение не прошло, а вопрос о замене замов, наоборот, остался в повестке, все вышеперечисленные, а вместе с ними депутаты учитель Галенко, капитан теплохода Воложанин, водитель Смелаш в знак протеста покинули заседание. Смелаш перед этим заявил, что вообще подумывает о сложении депутатских полномочий, ибо все его запросы и предложения тонут в чиновничьем бюрократическом болоте. (Сегодня вышла моя статья, которая начинается именно со Смелаша — искреннего, равнодушного человека... Так что опять надо ждать упреков — нашёл, тоже, кого пропагандировать!).

После ухода несогласных пришлось проводить перерегистрацию. В перерыве ко мне подошёл один из освобождаемых зампредов и чуть ли не молил — отпустите вы меня с миром, не хочу я быть больше на этом посту. Я тогда подумал: ну встали бы тогда оба сами, заявили об отставке, объяснили мотивы... И не было бы той бучи, что опять возникла. Но нет: сидели безгласно, и формулировка прозвучала всё та же ублюдочная — “в связи с переходом на другую работу”. (Впрочем, Е. Г. Азаров, скорее всего, не стал бы заявлять о добровольной отставке — с какой стати он, прошедший по всем ступеням служебной лестницы, включая пост председателя Павлодарского горисполкома, и везде оставивший добрый след, должен в угоду изменившейся конъюнктуре кому-то уступать место?

Почему вообще, восстанавливая справедливость в отношении одного человека, одновременно надо допускать несправедливость в отношении другого? Да, и ему предложена должность, но по сложившейся табели о рангах она явно ниже его нынешней).

Думаю, напрасно ушли с сессии и несогласные: им тоже надо бороться до конца, а не хлопать дверью. Хотя в данном случае именно это и сработало: вопрос о ценах всё же решили включить в пункт “разное”, а за ушедшими отправили посланцев с наказом — вернуть тех на сессию.

И вот вновь вопрос о замах. Слово берёт председатель Павлодарского горисполкома А. Б. Аубакиров:

— Весь последний год мы были как на войне, и я себя чувствовал как на передовой. И вот вижу — все опять голосуют “за”. Я сегодня всю ночь не спал, думал — и принял решение: если я в то время голосовал “против”, то и теперь буду против. Я понимаю — мне не работать с новым первым зампредом облисполкома, да мне и теперь не дают работать, потому что против меня создан и действует целый штаб во главе с бывшим первым секретарём горкома партии... То, что задумано, на этой сессии будет решено — такая уж у нас система. Поэтому я уйду в отставку и прошу об одном, чтобы меня не преследовали.

Я видел — это выступление на многих произвело впечатление. Даже вернувшийся на сессию депутат Смелаш заявил: оказывается, и в аппарате ещё есть и честные люди; добавил: снова идёт борьба за власть, а нас ставят перед фактом, после чего опять ушёл с сессии.

Вернувшаяся депутат Долотова попеняла заместителю председателя облсовета А. Н. Джазину: вот вы нас убеждаете — вопрос о замах надо решать, а через месяц вас будут снимать — кто, кроме нас, за вас заступится? (Как в воду смотрела — скоро это действительно произойдёт — это моё более позднее добавление. — **Ю. П.**).

Потом началась мощная партийная атака... Генерал от промышленности Райсих, первые секретари райкомов Сокуренок и Сарсенов, председатель парткомиссии обкома Даржуманов, сам Исаев, секретарь обкома Симон, начальник облсельхозуправления Предеха... Многие буквально рвались на трибуну, приводя всё новые и новые аргументы в защиту крайней необходимости кадровых решений, пока не взбунтовались депутаты: хватит говорить! И в самом деле: ни в чём не знаем меры — ни в молчаливом согласии, ни в многословном “одобрямсе”.

Когда секретарь облисполкома Кошевой сказал (говорил тихо, проникновенно — как на похоронах), что напрасно некоторые бросали камни в спину уходящим (мол, в последнее время были малоактивны, плохо помогали районам), в данном случае уместнее было бы доброе слово в адрес обоих, один из таких ораторов просто взвился:

— А вас кто уполномочил выступать в роли адвоката?!

Дали слово Шакириму. Он говорил, что понимает — куда и в какое время идёт — это равносильно тому, чтобы положить голову на плаху. Сказал: хочет и может работать и постарается оправдать надежды своих союзников, а противникам доказать — они ошиблись в своих оценках...

Против него проголосовали трое: Аубакиров, Долотова и кто-то ещё, один воздержался. Я голосовал “за” и не испытывал при этом никаких угрызений совести, потому что помнил мерзостное ощущение, когда III. год назад устраняли с поста председателя КНК. Думаю, что-то подобное происходило в душах других депутатов — наверное, это было желание очиститься от неприятного прошлого и даже от воспоминаний о нём.

А. С. Павлова утвердили без всяких эксцессов. Он, кстати, на этот пост нисколько не стремился и даже поупирался какое-то время, когда Исаев сделал ему такое предложение. (Я был в кабинете у Александра Сергеевича — ещё заведующего облфинотделом, когда ему позвонил Б. В., и стал невольным свидетелем их разговора).

После утверждения замов вновь объявили перерыв, а мне велено было подойти к Исаеву. Речь пошла о будущем отчёте с сессии, о том, что надо верно расставить акценты — сказать о наметившейся консолидации, а на “демократических завихрениях” не стоит заикливаться. Я отвечал: всё же мы намерены передать атмосферу сессии, но скажем и о том, что хватит, наконец, выяснять отношения, надо идти дальше. Не знаю, насколько мы поняли друг друга, но я пытался дать понять ему: мы учтём его пожелания, но не станем замалчивать и того, что было.

После перерыва прокурор области просил депутатов дать согласие на привлечение к суду председателя одного из сельсоветов. Тот украл 21 тонну комбикорма и продал. Будучи уличённым в краже, вину признал, ущерб возместил, но это не освобождает его от уголовной ответственности... Однако упёрлись депутаты сельсовета, не дающие согласия на его привлечение, поэтому прокурор и просит об этом сессию облсовета. Но оказалось большинство и тут против — такова у нас инерция недоверия к правоохранительным органам. Сам я, кстати, воздержался...

Потом прокурор доложил, как его ведомство стоит на страже закона. Вскрыли, например, что объединение хлебопродуктов отправило “на сторону” 30 тонн муки и 12 тонн макарон, пытались завести дело. Руководитель предприятия на дыбы: всё делалось с ведома облисполкома, взамен получены стройматериалы для реконструкции обветшавших цехов. В подобных прегрешениях уличено и руководство облуправления торговли, которое также ссылается на разрешение облисполкома. Дело “зависло”...

Любопытная фигура — наш прокурор. Иногда он кажется мне настоящим профессионалом и принципиальным человеком, а иногда — флюгером, хорошо улавливающим настроение начальства и умело под него подстраивающимся. В данном случае, скорее всего, было больше расчётливой игры: в облисполкоме меняется вся верхушка — почему бы его и не покритиковать, а облуправление торговли сегодня и вовсе не пинает разве что ленивый.

Но игра, похоже, не достигла цели. Исаев, комментируя отчёт прокурора, сказал, что не надо большого ума, чтобы обнаружить припрятанные на торговой базе дефициты или поймать за руку хозяйственника, вынужденного заниматься бартером — обратили бы лучше внимание на теневую экономику, разгул уголовной преступности...

Заканчивая сессию, Б. В. сказал, что мы, депутаты, должны сегодня расходиться с чувством исполненного долга. На что мой сосед по депутатскому креслу, рабочий завода “Весна” О. И. Анохин с сомнением покачал головой.

Домой я заявился чуть живой с гриппом и двумя мокрыми от соплей носовыми платками.

29 января

Почти весь день пролежал и на работу выполз только к вечеру. Зато вычитал всё, что написал в отпуске — очередную порцию “Блёсток”. Местами даже самому нравится. И снова подумал: а так ли уж надо мне всё то, чем я занимаюсь

сегодня с утра до вечера, трачу нервы, хитрю, изворачиваюсь, обманываю самого себя? И не получится ли в конце концов так, что, когда окажусь свободным, уже не смогу написать ни одной приличной строчки?

А. М. Мухамеджанов предложил навестить в больнице Ж. Г. Исакова — теперь уже “отставленного” председателя облисполкома. Я даже обрадовался: конечно, надо попрощаться, ведь он уезжает к себе в Петропавловск и неизвестно — увидимся ли ещё когда-нибудь.

Было видно — и он рад нашему приходу, я подарил ему “Крупяной клин”, чем он, кажется, тоже был тронут.

Конечно же, Исаков — человек своего времени, сформировавшийся в жёстких условиях административно-командной системы, и другим ему уже не стать. Может быть, беда его в том, что он оказался на этом своём посту не в то время и, конечно, ему пришлось выбирать — с кем быть — с Мещеряковым или с его противниками. Само собой — он выбрал первое, и теперь некоторые из команды “победителей” или им сочувствовавших считают его даже более Мещерякова виновным в том, что случилось в области. Вот ведь парадокс: казалось, и жил не зря — дослужился до вершин власти, и работал всегда много, а на склоне лет вместо доброго слова заслужил лишь уныло-почётную досрочную пенсию.

Ж. Г. Исаков звонил мне домой в тот же вечер: хвалил мою книжку и высказывал обиду — в информации с сессии один из его бывших замов фигурирует как и.о. (исполняющий обязанности) председателя облисполкома, хотя ещё нет документа об освобождении самого Исакова. Казалось бы: ну какая разница — всё равно ведь уходит, но для него вопрос формы (как справедливости) тоже имеет значение. Не стал объяснять Жаксылыку Габдуллиновичу, что это — не наш грех: формулировку с этим самым “и.о.” нам “впаяли” в президиуме облсовета, где мы согласовывали информацию. Почему они так сделали — не знаю: то ли в самом деле хотели досадить бывшему председателю, то ли просто по недомыслию.

В обиде на редакцию и Мещеряков: в “Правде” и “Казправде” сообщается о его отставке просто “в связи с уходом на другую работу”, а в “ЗП” присутствует целый абзац о допущенных им на посту первого секретаря ошибках. Это “заслуга” Р. И. Штарка и, наверное, он по-своему был прав, но, может, и не стоило говорить о подобном в информации, тем более что в решении пленума обкома ничего такого не значится (сам я был в отпуске, информацию готовили без меня).

Оказывается, Мещеряков звонил по этому поводу Ковхаеву, но тот ничего не сказал мне, когда я вышел на работу.

Да уж — в нашем деле мелочей не бывает... Поэтому сегодня часа два довели до кондиции заметки В. Гольшкина с сессии облсовета — по существу переписывали заново, с учётом всех нюансов, подправляя удачную и не очень режиссуру уже нового первого секретаря обкома. Но суть происходившего на сессии всё же оставили.

За январь у нас добавилось более трёх тысяч подписчиков. Вроде неплохо, но при этом вдвое “посадили” розницу, ухудшив своё финансовое положение — последняя по деньгам нам выгоднее подписки.

По слухам, в пятницу должна быть сессия Павлодарского горсовета. На ней предполагается освободить А. Б. Аубакирова и избрать А. В. Рюмкина. Подумал: вот бы депутаты заартачились и отказались принимать отставку нынешнего мэра... Но такое вряд ли возможно, да и Аубакиров не даст обратного хода.

Жуткая разногласица в центральных газетах. “Московские новости” цитируют одно из публичных выступлений М. С. Горбачёва, в котором он грозит приостановить действие Закона о печати (уж слишком пресса распоясалась!), и обвиняют его в попытке вернуться к диктату. “Советская Россия” в хвост и в гриву “несёт” Б. Н. Ельцина — особенно в письмах и обращениях трудящихся. Верховный Совет РСФСР с неменьшим энтузиазмом “несёт” по кочкам М. С. Горбачёва, не выбирая выражений.

А что? Плюрализм так плюрализм!

Публикуем указ президента СССР о борьбе с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики. Указ даёт дополнительные должностные полномочия милиции и органам госбезопасности. Учитывая чуть ли не революционную формулировку (экономический саботаж — что может быть хуже?), дела в стране совсем хреновые...

Что подтверждает и публикуемое нами сообщение Госкомитета по статистике “Экономика СССР в 1990 году”. Цитирую: “Ситуация в стране в истекшем году существенно ухудшилась. Кризисные явления продолжали нарастать... Началось абсолютное падение масштабов общественного производства...”.

И далее: рост доходов населения существенно превысил уровень производительности труда, усилилась инфляция, разваливается потребительский рынок, государственный внутренний долг вырос на 150 миллиардов рублей и превысил 550 миллиардов... Снижается рождаемость и растёт смертность, а коэффициент естественного прироста в прошлом году стал самым низким за послевоенные годы. Растёт эмиграция... В то же время в стране на конец года насчитывалось свыше 600 тысяч своих собственных беженцев... И т. д. и т. п. Просто нет сил, да и смысла всё перечислять.

Приказом директора Казахского телевидения на три месяца отстранён от ведения программы “Мы” журналист И. Мельцер. В его передаче, идущей в прямом эфире, выступили заместители председателя комитета Верховного Совета Казахской ССР, сопредседатели депутатской группы “Демократический Казахстан” — коммунисты (!) П. Своик и М. Оспанов.

Как говорится в приказе, разговор с депутатами “принял однобокий характер и весь смысл был сведён к тому, что всё плохо и никаких просветов в будущем не предвидится, идёт активное наступление на демократию и т. д.”.

Эту заметку нам передало новое информационное агентство “Азия-пресс”, которое создал собкор “Правды” в Казахстане Г. Г. Дильдаев. Далее в ней говорится, что на передаче депутаты, наоборот, высказывались по проблемам нашей жизни куда более мягко, чем делают их коллеги с трибуны Верховного Совета.

Заметку публикуем.

В области — событие союзного масштаба: дал промышленный ток первый энергоблок Экибастузской ГРЭС-2 мощностью полмиллиона киловатт. Всего

таких энергоблоков здесь, как и на ГРЭС-1, должно быть восемь. Обе станции сжигают местный экибастузский уголь, передавая энергию по линиям электропередач в разные регионы страны.

30 января

С самого утра заявили четверо депутатов — из числа тех, что покинули недавнюю сессию. Принесли письмо, в котором объясняют причину своего неучастия в ней как единственно верную форму протеста против партийного диктата. Прочитал: много в письме справедливого, но есть, конечно, и явные перехлесты.

Хотя я давно убедился: спорить или писать, нормально излагая свою позицию, у нас вообще не могут — обязательно обличают, клеймят, “несут”, рвут рубаху на груди, кликушествуют и т. д. и т. п. И дурной пример в этом подают прежде всего союзный и российский парламенты, где подобного хоть отбавляй.

Впрочем, на этот раз с коллегами по облсовету мы общались, можно сказать, мирно, душевно, особенно после того как я сказал: местные партийные вожди — с одной стороны, а новые демократы (то есть визитёры и иже с ними) — с другой, не дадут мне умереть своей смертью.

Депутаты жизнерадостно посмеялись и ответили: они мне сочувствуют, но входить в моё “партийное положение” не собираются, а требуют — уже как от редактора советской газеты — публикации их обращения к избирателям.

И мы стали дискутировать.

У вас были все возможности сказать всё, что вы хотели, и быть услышанными, говорил я, надо было остаться на сессии и выступать — при всяком удобном случае; вы же предпочли хлопнуть дверью, понимаете теперь, что напрасно это сделали, и хотите оправдаться; сочувствую, но входить в ваше положение не собираюсь.

Мы поступили так, как посчитали нужным, отвечали они, это наше право; мы также имели право выступить в газете, учредителем которой является облсовет, и мы добьёмся своего, чего бы нам это ни стоило.

Почему вы не даёте шанса Исаеву консолидировать лучшие силы области, стабилизировать обстановку, спрашивал я.

А разве он предложил для этого что-нибудь по-настоящему путное, возражали они: кроме второй коровы на личном подворье — для решения продовольственной программы, практически ничего; а действует И. всё теми же грубо партийными методами, хотя даже Мещеряков в последнее время стал понимать — так поступать нельзя; а убеждения Исаева, судя по его первым речам, и вовсе не оставляют надежд на демократизацию.

Спорили мы долго, в оценках явно не сошлись, расстались, скорее всего, недовольные друг другом. Но если они уходили с чувством исполненного долга (обращение к избирателям оставили, что хотели — сказали), то я оставался в расстрепанных чувствах: и публиковать текст крайне нежелательно, ведь это может положить начало новому витку конфронтации, и не публиковать нельзя — на самом деле они имеют право... Вот это и есть редакторская доля.

На первой странице даём сообщение пресс-центра ЦК КПСС “Защитить перестройку”. Это отчёт с заседания секретариата ЦК КПСС. Один абзац: “Защита перестройки неотделима от защиты Президента страны, ибо за огульными,

порой нарочито оскорбительными обвинениями, которые раздаются в адрес главы государства... просматривается угроза действительно антидемократического переворота — в пользу заправил теневой экономики и новоявленных “хозяев жизни”.

1 февраля

Сильный буран... Отменены занятия в школах. В Экибастузе оказался отрезанным от цивилизации посёлок Солнечный, куда больше суток не могли пробиться даже супермощные “Кировцы”. А в Баянаульском районе погибли два человека, которых буран застиг в степи. Их обнаружили уже замёрзшими.

Когда-то и я молодым журналистом попал в буран. Поехал в командировку в совхоз имени XIX партсъезда и застрял там на целые восемь суток... Помню, было ощущение, будто этот буран вообще никогда не закончится...

Принесли сообщение облстата за 1990 год с весьма красноречивым заголовком: “Отступать дальше некуда”. И то правда: валится всё, что только может падать — строительство жилья (на 13,9%), школ, больниц, объём производства в промышленности (на 3,4 % — впервые с 1982 года!), закупки зерна, молока и мяса, овощей и картофеля... И т. д. и т. п.

Угля в прошлом году добыто около 82 миллионов тонн, в то время как в предыдущем — 90 миллионов.

И этот список можно продолжать до бесконечности...

Меня больше всего удивили данные о положении дел с жильём. Только в прошлом году получили новые квартиры или улучшили свои жилищные условия около 11 тысяч семей. Это меньше, чем год назад, но всё равно много. Всего же по программе “Жильё-91” получили квартиры 46,9 тысячи семей из 55,8 тысячи стоящих в очереди. Казалось бы, ещё чуть — и выполним программу! Но дело в том, что и очередь не стоит на месте — на конец прошлого года в ней уже снова 40 тысяч семей. А сил для нового рывка в этом направлении, похоже, нет... Экономика всё ещё движется, но без прежнего напора, больше по инерции, со скрипом...

Цены на рынке, которые лучше всего характеризуют положение дел с довольствием, за один только год выросли: на мясо — почти в два с половиной раза, на яйца — в 2,2 раза, на овощи — в полтора раза. Росла и зарплата, но, конечно, не так быстро. К тому же чаще всего на эти деньги нельзя купить то, что тебе действительно нужно.

С. П. Шевченко подготовил для нас обзор журнала “Известия ЦК КПСС”. Вот что там пишется об итогах работы Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30-40 и начала 50-х годов: в 1988-1989 годах и первой половине 1990 года реабилитировано около одного миллиона человек, а общее число реабилитированных составляет теперь более двух миллионов.

Трудно даже представить себе эту массу ни в чём не повинных людей! А ведь так или иначе рядом с ними можно поставить их семьи, которые тоже пострадали ни за что.

В “Известиях ЦК КПСС” опубликован макет второго издания книги “Иосиф Виссарионович Сталин” — с его собственной правкой.

Вот что писали о нём авторы биографии: “Сталин мудр, нетороплив в решении сложных политических вопросов... И вместе с тем Сталин — величайший мастер смелых революционных решений и крутых поворотов.

Сталин — это Ленин сегодня”.

Последнюю фразу Сталин исправляет так: “Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня”.

Позвонил по “вертушке” работающему последний день председателю горисполкома Аубакирову. (Мы никогда не были с ним близки, я ничего не просил у него как у мэра — просто захотелось поддержать его в такую минуту).

— Аманжол Базарбаевич, что чувствует человек, добровольно подавший в отставку, перед тем как оставить руководящий кабинет?

— Да разве об этом говорят по телефону! — отвечал он. — Вот если бы мы взяли пол-литру, да не одну, тогда бы я, может, и рассказал...

Я сказал, что журналисты редакции сожалеют о его уходе, и это была чистая правда... Мне показалось — он был тронут моим звонком.

Вместо А. Б. Аубакирова председателем Павлодарского горисполкома избран А. В. Рюмкин — его первый заместитель. Не худший, надо сказать, вариант: Рюмкин хорошо знает городское хозяйство, он труженик и не лезет в политику.

Абсурд наших дней. В совхоз “Алексеевский” Баянаульского района завезли соль из Белоруссии. Между тем наша область сама снабжает солью чуть ли не полстраны.

Хоть и дороговато (15 рублей), но купил в магазине книжку Дмитрия Панина “Лубянка — Экибастуз”. Её автор отбывал часть своего срока в Экибастузе вместе с А. И. Солженицыным и даже стал прототипом одного из главных героев романа “В круге первом”. Начал читать.

5 февраля

Публикуем политическое заявление ЦК КПСС о текущем моменте и задачах партии, в котором пленум ЦК КПСС призывает коммунистов и всех граждан высказаться на референдуме за сохранение СССР.

В этом же номере тассовская заметка: “Премьер опровергает”. Суть: у правительства нет никаких планов дальнейшего изъятия из оборота денежных купюр или замораживания вкладов на сберкнижках.

Но народ этому заявлению не очень верит.

6 февраля

Предприимчивые ребята из комитета комсомола “Экибастузугля” договорились с некоей фирмой из Вашингтона о создании в Экибастузе службы по

найму местной рабочей силы и её трудоустройству за рубежом. Желающих попытать счастья за океаном немало, но пока что удача не улыбнулась ни одному.

Теперь, в довершение к начатому, пытливые комсомольские умы родили ещё одну новинку — международную службу знакомств. Условия “вязки”: от отечественной претендентки на контакт с потенциальным заокеанским знакомцем всего-то и требуется — фото и список требований к будущему партнёру.

Булат Ахметов дал по этому поводу ироническую заметку, которую мы публикуем.

Что почём на “чёрном рынке”? Новая “Волга” — 120 тысяч рублей, такие же “Жигули” — 70 тысяч, “Москвич” — 45 тысяч... Помимо прочего, это означает то, что у некоторых наших сограждан есть такие деньги на их покупку.

8 февраля

М. С. Горбачёв агитирует по телевидению за сохранение СССР. Мы перепечатываем его речь.

Объединение “Экибастузуголь” выпустило акции на два миллиона рублей (по 50, 100, 250 и 1000 рублей).

Приобрести их имеют право только работники объединения и на сумму не более десяти тысяч рублей.

Акционерам гарантировано шесть процентов годовых (для сравнения: в сберкассах — максимум три процента), плюс дивиденды от прибыли вложенных в оборот их личных денег. Те, кто не станут требовать обратно вложенных средств минимум в течение трёх лет, к тому же получают право на приобретение дефицита.

Отличный рассказ Людмилы Гришиной в сегодняшнем номере. Всё хорошо: язык, атмосфера её школьной жизни, живые, неходульные герои. Ей бы писать и писать... Но она пишет нечасто — может, потому и получается хорошо...

9 февраля

Теперь уже и КГБ включился в борьбу за наведение порядка в торговле продовольствием и другими дефицитами. Дали нам справку — по итогам “комплекса проверочных мероприятий”.

Вот лишь некоторые факты... На базе “Казбакалейторга” обнаружено 60 тонн чая, в том числе 25 импортного, а также полтонны растворимого кофе. Почему не продавали? Боялись, что поставок их в ближайшее время не будет, и держали “на всякий случай”.

Облуправление хлебопродуктов при посредничестве кооператива “Пульс” отправило в Омскую область почти 80 тонн муки, получив взамен три новые “Волги” — для начальника облуправления, директоров элеватора и комбината хлебопродуктов. В то же самое время недопоставлено по утверждённым фондам свыше 2800 тонн муки нашему же облпотребсоюзу.

Хорошие новости: с 10 до 15 штук в месяц увеличена норма отпуска яиц по талонам, и с 400 до 500 граммов — норма отпуска по ним же макаронных изделий.

Сегодня были три знаковых звонка. Первый — приятный: В. Ф. Герасименко — теперь уже бывший зампред облисполкома — поблагодарил за то, что мы не забыли в своём отчёте с недавней сессии облсовета их с Е. Г. Азаровым, сказали о них доброе слово.

Второй звонок — скорее, неприятный — с тракторного завода. Не назвавший себя человек, наоборот, выражал недовольство нашим отчётом — той его частью, где речь шла об ультиматуме тракторостроителей, хотя мы их не критиковали, а просто сообщали о факте — как таковом.

Ещё позвонил Б. В. Исаев. Он был на пленуме ЦК КПСС, где много говорилось о прессе. Досталось всем, включая даже “Правду”. Единственная газета, которой партия довольна — “Советская Россия”. Некоторые же издания, говорили участники пленума, и вовсе творят чёрт знает что.

— Ну, к нам-то это не относится, — возразил я.

— Я о нашей газете не говорю, речь — о ситуации в целом.

Ещё он сказал, что на пленуме нашла поддержку принципиальная позиция товарища Кравченко, возглавившего ЦТ и подвергающегося беспощадной травле со всех сторон. Впрочем, он вчера сам с экрана достойно ответил своим оппонентам.

Словом, мне дана была вполне определённая политическая установка и — надо заметить — профессионально упакованная; не напрямую, а опосредованно.

Я ответил, что всё понял, и тут же перевёл разговор на письмо депутатов: мол, пытаемся их переубедить, но они остались при своём мнении и к тому же резко настроены против него.

— Ну вот, ещё и знать меня не знают, а уже против, — сказал он и добавил, что нет необходимости публиковать их заявление, ведь причины, по которым они ушли с сессии, в нашей заметке уже изложены. Тем самым мне ещё раз ясно дали понять: у партийной газеты должна быть партийная позиция.

Почтовики обиделись на две наших публикации, а особенно на комментарий, написанный Ю. А. Ковхаевым. Прислали письмо-ультиматум, требуя полностью опубликовать их ответ — и без всяких комментариев. Пишут: если мы и впредь будем публиковать о них подобное, то они не станут доставлять такие номера подписчикам. И предлагают нам поискать других партнёров, которые взяли бы за распространение нашей газеты.

Продолжение в следующем номере.

Иосиф БРЕЙДО

“Как хорошо в июле в Боровом...”

Моим друзьям

За сорок лет сместились русла рек,
над морем высохшим гуляет ветер,
разрушилась страна, сменился век,
ушли из дома выросшие дети.
И мы не так, наверное, живём,
достаточно причин для беспокойства,
но всё-таки друг друга узнаём
по признакам невидимого свойства:
есть нечто, что притягивает нас
друг к другу, и оно неуловимо.
Мы снова вместе, словно в первый раз,
и оттого легко невыносимо.

Танцует женщина в ночи,
и словно бы встаёт пред нами
колеблемый огонь свечи
иль в такт мерцающее пламя.
Она не здесь — за облаками
летит над брэнною землёй,
и восходящие потоки
подвластны только ей одной.

**Иосиф
Вульфович
БРЕЙДО**

родился в 1947 году в Киргизии на берегу озера Иссык-Куль. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1974 г. постоянно живёт в Караганде. Работает в государственном техническом университете заведующим кафедрой автоматизации производственных процессов, доктор технических наук, профессор. Автор поэтических книг “Метки и осколки бытия...” (2002), “Наворожу, гадалка, нам...” (2004), “Дорожная молитва” (2006), публикуется в журналах “Простор” и “Нива”, в республиканских и областных газетах.

Как солнце всходит на востоке,
и жизни сладостные токи
пронизывают мир вокруг,
когда она всем телом плавно
ведёт мелодию, и звук
становится ненужным явно,
и в этом смысл, быть может, главный.

Старый дом

Ты помнишь, мама, старый дом,
в котором мы когда-то жили,
построенный в саманном стиле, —
он первым был моим дворцом.
В нетопленном, холодном зале
всю зиму яблоки лежали,
и я запомнил с детских пор,
как пахнет в январе апорт.
Светила лампа в полнакала,
ты, спать нас уложив, читала,
а я во сне летел, ликуя,
легко скользя над Иссык-Кулем.
Я через много лет потом
увидел домик в двадцать метров,
открытый всем тянь-шаньским ветрам...
Ты помнишь, мама, старый дом?

Гора Кармель

Въезд в Хайфу — между морем и горою,
на шумной привокзальной площади замри
и погляди на склоны пред собою:
там древний дух горы над городом царит,
объединяя их одной судьбою.

Дома к скале прижали плотно спины
и сами стали продолжением горы,
по лестницам, добравшись до вершины,
где вызвал дождь пророк Илья в разгар жары,
вниз посмотри на море и долины.

Подножье в белой пене от прибоя,
а рядом — крыши пробивают облака,
в прорехах видно небо голубое,
и, кажется, Кармель качается слегка,
синхронно с набегающей волною.

И небо, и вода приемлют равно
огромный каменный корабль, наполоам
принадлежащий двум стихиям главным.
Он навсегда из дальних странствий к берегам
вернулся и пришвартовался плавно.

Десятый день, но не видать конца,
восточный ветер обжигает лица,
выстуживая души и сердца.
И застывают слёзы на ресницах
сосульками, а снежная пыльца
сверкает, ослепляя. Холода,
не греет солнце. На губах застыли
слова чужие. Промолчи, о да,
ты скажешь всё, когда растает, или —
в разгар весны. Поговорим тогда.

Боровое

Скрываясь от обыденных забот,
сбегаю в Боровое каждый год,
чтобы дышать неделю в унисон
с листвой и хвоей смешанных лесов,
чтоб смыть водой озёрной жизни грязь
и спрятаться в тени, не шевелясь,
и ощутить как плавно, не спеша
от хлама очищается душа,
как льётся на неё лесной бальзам,
когда проходишь по грибным местам,
чтоб часто вспоминать зимой о том,
как хорошо в июле в Боровом,
и день любой из этих вот семи
в душе струной своей весь год звенит
до следующей встречи с Боровым,
оазисом озёрным и лесным.

Когда подносит плавно рамку он к губам,
сдувая осторожно радужную плёнку,
светло и радостно в душе поёт труба,
а мысли сами улетают вслед, вдогонку
за переливчатыми гроздьями шаров,
легко плывущих в окружающем пространстве
и разрушаемых по прихоти ветров,
но вновь рождаемых, и в этом постоянстве
есть смысл глубокий непрерывных перемен
и эфемерности гармонии недолгой
на фоне жизни, предлагающей взамен
обыденность труда и прозу чувства долга.
Лететь без всяких обязательств, то быстрее,
порою медленней, притягивая взгляды...
Не потому ли мастер мыльных пузырей
любим народом и ему повсюду рады?

Командир подлодки

С шипеньем из морской пучины
всплывала чёрная громада,
и командир её по чину
не ниже каперанга. Надо
ему законом Архимеда
владеть, но не в границах ванны:
доска для верного ответа —
все мировые океаны.
Расчислить путь атомохода
до точки запуска ракеты
и траекторию полёта
с поправкою на ход планеты,
нырнуть на сотни метров в бездну,
и по полгода не всплывая,
с Нептуном царствовать совместно —
здесь жизнь и служба боевая.
И лет ему не так уж много,
он стал бы точно адмиралом...
коль не ржавели бы убого
сейчас подлодки по причалам.
Сам каперанг давно в отставке
и не грозит заморской суше,
служба в охране на полставки,
но мир не стал добрей и лучше.

Памятники сносят с пьедесталов
И танцуют на костях эпохи
То ли бесы, то ли скоморохи:
Снова время нечисти настало.
Засверкает жизнь ли новой краской,
Коль бывшее вычеркнули гордо,
Ведь в крови горит огонь бикфордов,
Так и неоконченной Гражданской.
Вновь стреляют в прошлое упрямо
И могилы разрывают бойко.
Фарс всегда кончается здесь драмой,
Господи, грешны ли мы настолько...

После бурана — утром тишина,
снег первозданно чист. Глотнёшь, смакуя,
морозный воздух, свежая волна
оставит на губах вкус поцелуя.
И хочется дышать до хрипоты
флюидами пока неуловимой
весны. Ещё желания просты,
и потому всё в жизни достижимо.

Покуда не затоптаны снега,
нет на сугробах чёрного налёта,
пружиниста походка и легка,
и ощущаешь холодок полёта.

Когда-то в отрочестве нежном
казалось просто страшным сном
остаться как в аду кремешном
навечно в городе пустом,
где в тихом переулке — дом,
и где процессы бытия
текли размеренно и сонно,
и звали дальние края
до одурения, до стога,
и не было иных резонов.
Жаль, не хватило сил и воли,
не получилось, не сошлось,
но призрак ущемлённой доли
судьбу сломал как будто кость,
коверкая и вкривь и вкось.
Жизнь, словно в зале ожидания,
на чемоданах и узлах
прошла в несбывшихся мечтаньях
о не пришедших поездах,
безбытно, нервно, впопыхах.

Когда в порыве самозванства
Я лёг на склоне, под сосной,
Став частью этого пространства,
Его гармонии лесной,
В нём, растворившись без остатка,
Заснул, расслабленный, в траве,
По мне пополз с хозяйской хваткой
Один нахальный муравей.
Он процарапал путь по коже...
И я проснулся, боже мой,
Куда спешить, когда чуть позже
Я стану этой же травой.

Проводы

Вот уже на исходе
август — месяц разлук,
к ним привычен я вроде,
если б только не внук.

Есть для грусти причина:
улетает домой
семилетний мужчина
с рюкзачком за спиной.

Впереди, за морями,
встречи радостной шум,
возвращается к маме
семилетний шалун.

Обернулся прощально,
проходя турникет,
и слезинка печально
поползла по щеке.

Суть разлук ощущая,
долго он на ходу
всё махал, твёрдо зная,
что здесь любят и ждут.

Слова, слова: то звонкий звук,
То звук печальный...
В чередовании стёртых букв
Весь смысл случайный.
Вконец зализаны слова,
До блеска,
Переиначит их молва,
Милы иль резки.
Известны нам давно вдвоём
Все сочетанья,
Давай с тобою перейдём
Мы на молчанье.
Его оттенки глубоки,
Разнообразны,
От неродившейся строки
До мысли ясной.

Январь. На улицах буран,
промёрзший ледяной автобус,
но мысленно вращая глобус,
я выбираю ту из стран,
где воздух напоён дурманом
цветов и лёгкого вина,
и шепчет ласково волна,
стекая в лоно океана.
Там в полдень белый теплоход
отходит плавно от причала,
и нет конца, и нет начала,
есть только гладь бессмертных вод.
На верхней палубе, в тени
сидишь и думаешь о вечном —
вот так спокойно и беспечно
прожить бы остальные дни,

до возвращенья в ту из стран,
где промерзает даже глобус,
в разбитый ледяной автобус,
в январь. На улице буран...

Скрывалось плавно солнце за холмами.
Стих ветер. Тишина. На зеркало воды
легло дорожкой золотое пламя
к другому берегу — пристанищу мечты.
Там хорошо: темнеющие рощи,
дразня, манят к себе в прохладу и покой,
где нет проблем, а если есть, то проще
небрежно и легко на них махнуть рукой.
Заснуть на берегу в тени сосновой,
чтобы теплом скользящего луча
потом быть пробуждённым к жизни новой
и жажду утолить водою из ручья.
Ещё есть шанс, но держат узы прочно...
Не выдержал один, сам чёрт ему не брат,
и он поплыл уверенно и точно
по узкой солнечной дорожке на закат.

Ушла зима, опустошив до дна,
но радуется, что в близком круге живы.
Я жадно у открытого окна
ловлю мотивы
так долго ожидаемой весны
с её привычным сочетаньем звуков,
в которых нет эффектов новизны,
что режут ухо.
Простые ноты: шелестит листва,
мяукает на дереве котёнок,
метлою дворник, шевеля едва,
метёт спросонок.
Вновь белоснежно яблоня цветёт,
а ветерок беспечный, но упрямый
срывает цвет и бьёт о переплёт
оконной рамы.
И, опасаясь резких перемен,
без всяких доказательств, верю слепо,
что ничего не надо мне взамен
весны и неба.

Средь крупных классов,
Шумных групп один есть тихий класс,
Немногие в него войдут,
не опуская глаз.

Успех здесь просто редкий гость,
да и его не ждут,
Живут, наверное, как все,
но лишь прямой идут.
Здесь всё равно, какой сумел
занять ты в жизни ряд,
И наплевать, каких достиг
ты званий и наград,
Но в пору долгих неудач
не отвернут лица,
Не оттолкнут, откроют дверь
и иногда сердца.
Есть класс порядочных людей
и в этот тихий класс
Войти бы и в конце пути,
не опуская глаз.

Печальна участь Буриданова осла,
Он умер с голода, он выбирать устал,
Ослицу же находчивость спасла —
Она щипала с каждого куста.

В любви нуждается душа,
Но в жизни долгой
Привычки свою власть вершат
И чувство долга.

Коль путь открыт и есть поддержка,
ферзём себя считает пешка.
Самоуверенная дура,
но ведь права — за ней фигура.

От встречи яростного пламени и льда
На свет является лишь грязная вода.

От Ноя и до наших дней
тот стал никем, кто был ничей.

Когда покажется однажды:
Прекрасен мир вокруг и светел,
Ушли и осени, и зимы,
Нет чувства голода и жажды,
Желания все исполнимы...
Подумай, на каком ты свете?

Врём бодро, с наслаждением,
запутавшись в обмане,
ты ж ищешь откровения —
оно во мгле, в тумане.
Как строгая комиссия,
назначенная Богом,
исполнишь свою миссию,
но подожди немного.
Безжалостную истину,
что прячется под спудом,
откроешь, но воистину,
вокруг всем станет худо:
скончаются великие
бессмертные легенды,
провалятся безликие
секретные агенты,
и больше от рождения
никто солгать не сможет,
и ложью во спасение
не оправдаться тоже;
от горького сомнения
разрушатся устои,
не выдержат падения
и звёзды, и герои,
слепящее сияние
разверзнет пропасть бездны,
а истины искания
вновь станут бесполезны.

Как укрепляются моральные устои,
Когда слабеет плоть и прочее такое!

Потеря шевелюры, памяти и зрения —
Еще не всё, что вызывает уважение.

Стремишься всюду быть первее первого,
Правее правого, левее левого.

Любовь ПАШКОВА

110-летию Мухтара Ауэзова

“Отражение кочевой цивилизации”

Одно из главных событий, происходящих в культурной жизни страны, — это создание нового перевода на русский язык романа Мухтара Ауэзова “Путь Абая”, которое доверено писателю с мировым именем Анатолию КИМУ. Два с половиной года назад Анатолий Ким вернулся на родину — в Казахстан, где по предложению Ассоциации корейцев Казахста-

на начал реформирование Корейского музыкально-драматического театра. И уже около года Анатолий Андреевич занимается эпохальным трудом — переводом романа, в котором неожиданно для себя сделал интересные открытия.

На одном из интернетовских сайтов прочла: Анатолий Ким — тот редкий писатель, о котором позволительно говорить высоким слогом. И действительно, о нём в превосходной степени продолжают говорить не только в связи с известными произведениями советского периода — повестями “Лотос”, “Луковое поле”, романами “Белка” (получившим в 2005 году премию “Ясная Поляна”) и “Отец-Лес”, но и нового времени — повестью “Стена”, метароманом “Остров Ионы”. “Мистик, верный реализму”, — характеризует суть его творчества Тимур Зульфикаров и называет “скалолазом, который упорно карабкается ввысь”.

Хотя первая книга Анатолия Кима вышла довольно поздно, когда ему было уже 37, за последующие тридцать лет в литературе он сделал то, что удаётся редкому писателю: достиг всемирной известности, избежал чинов, сумел сохранить литературный и человеческий авторитет на всём русскоязычном постсоветском пространстве. Более того, два Союза — писателей России и российских писателей, непримиримо расколовшиеся, зовут Кима третейским судьёй в самых сложных спорных ситуациях. Другое дело, что он редко на это соглашается.

За последние пятнадцать лет, ознаменовавшихся утратой общего культурного, литературного пространства, Анатолий Андреевич Ким продолжал бывать в Казахстане, с которым все эти годы его связывали творческие

интересы. Он переводил прозу Оралхана Бокеева, которого считает романтиком казахской литературы сродни Кнуту Гамсуну, “Балладу забытых лет” Абиша Кекилбаева, опубликованную в журнале “Простор”, повести и рассказы Толена Абдикова, роман “Последний долг” Абдижамила Нурпеисова. В связи с последней работой Павел Басинский писал в “Литературной газете”: “Хорошо, что Анатолий Ким перевёл на русский язык итоговый роман Нурпеисова “Последний долг”. Если бы он не сделал это, я бы не имел возможности прочесть превосходную вещь, которая возвращает тебя к лучшим традициям русской — да-да! — классики”.

Особая страница “казахстаники” Анатолия Кима — любимый не только у нас художественный фильм “Сестра моя Люся” режиссёра Ермека Шинарбаева. Сам Шинарбаев об этом вспоминал в одном из интервью: “Анатолий Андреевич тогда уже был очень знаменит, и за ним буквально охотились режиссёры, чтобы получить сценарии. Потому что среди писателей он очень выделялся своей изысканностью, “высоколобостью”, что ли. Он был из числа не популярных, а глубоких мастеров... И он был просто удивлён, что к нему приехал “пацан” из далёкого Казахстана, только что окончивший киноинститут, с полной уверенностью, что получит свой сценарий”. И всё-таки Ермек Шинарбаев своего добился к вящей славе самих авторов и всего казахстанского кино. Сейчас на “Казахфильме” завершается работа над фильмом по рассказу М. Ауэзова “Сиротская доля”, снимаемом по сценарию Кима.

Анатолий Ким родился под Чимкентом, в селе Сергиевке, до девяти лет рос в Уштобе. Собравшись переезжать на родину, он посетил свои родные места, где по его признанию, “знает в лицо каждого жука и муравья”, ведь он их видел с высоты детского роста. Он вдохнул памятный запах Степи, прежде чем засесть за перевод романа Мухтара Ауэзова, вобравший в себя её широкое эпическое дыхание. Он работает по десять часов в сутки, ведь в этом году исполняется 110 лет со дня рождения великого писателя-эпика, и переводчик хочет, чтобы первая книга “Пути Абая” вышла уже к 28 сентября. И на это интервью Анатолий Андреевич Ким согласился только потому, что захотел поделиться открытиями, которые он сделал для себя в известном нам всем романе. С этого и началась наша беседа.

Почему казахи счёт не любят

— Роман Мухтара Ауэзова “Путь Абая” в мировой критике принято считать социальным, на худой конец — биографическим, историческим. Советское литературоведение вообще сводило его к классовой борьбе, — говорит А. А. Ким. — Но по сути — это единственный в мире роман о кочевой цивилизации. Тысячелетиями длилась она на земле и вот, можно сказать, на излёте, нашла своё воплощение в великом романе. Признаки кочевой цивилизации, ставшие частью казахской ментальности, мы и открываем в романе. И первое — особый тип творческого человека, создающего культурных ценностей, выработанный ею. Кочевники были вынуждены подчиняться циклам природы, они круглый год ходили за солнцем — с летнего джайляу на осеннее, затем на зимовку. Поэтому у них не оказалось ни музеев, ни театров, ни библиотек. Но всё это в их культуре рождалось непосредственно в глубине жизни, все культурные ценности — будь то

музыка, поэзия, прикладное искусство — рождались внутри народа. Каждый человек был библиотекой, каждый человек был музейщиком.

— **В каждой юрте создавались произведения прикладного искусства...**

— Выработался тип творческого человека, чьей основой была импровизация, кто постоянно был в состоянии создания произведений. Мы видим это на примере того, как стихи приходили к Абаю. А когда в импровизации рождается сразу и мелодия, и исполнение — это вообще уникальное явление в мировом искусстве. Выработался особый тип народа, в котором творчество живо в каждом человеке. Сначала я удивлялся, читая в романе, как на выступление акынов, жирау стекались со всей округи пастухи, чабаны, табунщики. Есть ли тут художественная правда, думал я, когда усталая бабушка с внуком на спине прямо летит на этот айтыс, будто без него жизни для неё нет?

— **Но ведь и сейчас посмотрите, какие залы собирает айтыс, на него тоже съезжаются со всей округи. А призы какие победителю!**

— Да, и я с восторгом смотрю по телевизору на лица людей, приходящих послушать айтыс. Искусство импровизации высоко ценится самим народом, понимается всеми людьми. Происходит момент самый важный в любом творческом процессе. Только вместе с обратной реакцией на произведение происходит замыкание процесса творчества. Без обратной отдачи художник не может считать своё произведение завершённым. Почему многие художники, даже гениальные, не находя признания современников, так тяжело это переживали? Они чувствовали незавершённость творчества. Через этот роман я понял совершенно уникальную природу поэтического-музыкального творчества кочевой цивилизации. Конкретно казахов.

Много есть в романе замечательных признаков особенности этой цивилизации. Например, я заметил, что казахи не замечали различий дня и ночи. И западное, и восточное сознание ассоциирует ночь с призраками, разной нечистой силой, поэтому нам, кроме того что спать хочется, ещё и страшно. У казахов оживление жизни к вечеру, к ночи. Казах, например, ночью встаёт и отправляется в путь. Ночью совершались перекочёвки. Днём они ставили юрты и кормили скот. То есть, у них нет никакого предвзятого отношения к ночи.

— **То есть получается два равноценных светила — солнце и луна?**

— Люди, живущие в циклах природы, составляют с природой единое целое. А ночь ведь часть природной жизни. И всё это отразилось в романе. Я удивляюсь — как это так — половина всего действия происходит ночью. Это было для меня большим открытием. Я понял всю эту космогоническую философию их жизни, она для меня стала естественной. Но ведь надо ещё донести, сделать её понятной на русском языке представителям иных цивилизаций, художественно оправдать. Ещё меня удивляет приблизительность счёта в романе. Вот у Абая родился ребёнок, а ему было всего 17 лет, он растерян, ничего не понимает, он убежал из дому. И — пишет Ауэзов — его дома не было два-три дня. Так два или три? Потом приехал бай в гости в сопровождении нукеров. Группа 10-15 человек. В дороге они были 5-7 часов. Или: бедный кочевник должен иметь 30-40 овец, чтобы прокормить семью. Почему такая приблизительность в счёте? И я сделал открытие —

кочевники не рационалистичны, они исходят не от счёта, а от общего впечатления, представления того, что должно быть у человека. Так же у них общее представление о течении времени, а не конкретное, то есть бухгалтерия, цифирь для кочевника была неактуальна.

— **А вспомним красочное описание в романе калыма — все эти верблюды, лошади, овцы, штуки ткани, слитки серебра...**

— Я всё время пытался определить, сколько же лошадей, верблюдов положено платить в калым. И сам Ауэзов сбивался. Сначала сообщает: в 6 лет просватал Кунанбай Абая. Сказано: много отправлено скота. Приближается время поездки за невестой — отправляется новая партия скота. Потом Кунанбай тоже получает ответный дар. Самый важный элемент в калыме — слиток серебра с копыто стригунка. Сват присылает слиток с овечье копыто, плюс заказывает той на 1000 человек. Пытаться на чистоган перевести — невозможно. Всё это оценивается импрессионистски, в общем ощущении — достаточно или недостаточно. А не бухгалтерией. Это опять-таки их жизнь в природе, где тоже нет строгой ясности, всякий раз всё по-другому. Если в один год весна тёплая, дружная, то в другой, в марте — джут и всё гибнет. Все ценности реальные исчислялись эмпирически. И этого вы не найдёте ни в одной из литератур мира. И Мухтар Ауэзов был единственным и последним писателем, отразившим жизнь и культуру кочевой цивилизации. Это уникальное явление в мировой литературе.

— **Мурат Мухтарович Ауэзов, видимо, не случайно занимается философией и культурологией кочевой цивилизации, это продолжение пути?**

— Господи, когда я ему сказал, что сделал для себя такие открытия, он меня просто расцеловал. Да, Мурат Ауэзов продолжает и мировую миссию, и творческий путь своего великого отца. Философия и культурология кочевой, “конной” цивилизации у Мурата Мухтаровича — не конёк, но мощный аргумент, унаследованный от отца.

— **А он сам видел это в романе?**

— Не знаю, мы раньше об этом не говорили. Я слышал несколько его выступлений, где он говорил о цивилизации конников. Но когда я ему стал говорить, почему я считаю, что, прежде всего, это роман о кочевой цивилизации, он просто пришёл в большой восторг. Ведь таких подоплёк романских ни у одного писателя во всём мире нет. Представьте, прошли эти эпохи саков, скифов, татаро-монголов. Ни одна не оставила своих отражений. И только Ауэзов... И это не история, не этнография, это живая работа. Его персонажи — они все живые.

— **Знаете, вот эту сцену — казнь Кодара и его невестки я не могу читать без слёз. Это одна из самых трагических сцен в мировой литературе.**

— Да, Абай подъезжает, когда могучего Кодара не смогли повесить на живой виселице, сооружённой из верблюда, и стали сбрасывать по приказанию Кунанбая со скалы. Он летит, и Абай видит, как развешиваются полы его чапана, словно крылья... Это страшно — и прекрасно. Как в подлинной античной трагедии.

— **Прямо мистика...**

— Нет, я заметил, что в романе Ауэзова нет мистики, в отличие от западной, славянской или даже современной латиноамериканской литературы. Даже в реалистическом романе Толстого “Война и мир”, который

я читаю параллельно с переводом, чтобы набраться эпического дыхания, мы встречаем её элементы, например, сон Андрея. Или сон Анны в романе “Анна Каренина”, помните этого копошащегося в углу с железом мужика? В “Севастопольских рассказах” — предсмертный поток сознания. Здесь читаю — только одно место, где Абай, уже женатый, вспоминает свою первую любовь, когда к нему во сне пришла Тогжан, как живая, и поёт песню. Он просыпается и слышит эту песню.

— **Её поёт Айгерим...**

— Он высказывает с другом из юрты: “Ты слышишь, она поёт?.. А я только что видел её во сне”. Единственный момент сверхъестественного. В остальном реализм, где всё объясняется, все причинно-следственные связи прослеживаются. Удивительно. Очень реалистическая энциклопедия народной жизни. И такой художественной силы. И больше всего меня поражает интерес к искусству, к айтысам, жирау, я не думал, что интерес такой вот — всеохватный. Нет никого, кто не был им пропитан. Бабушка Зере, мать Абая — Улжан начинают пересказывать эпос, лирические стихи — оказывается, они всё помнят! Сначала я не поверил Ауэзову. Но художественная правда — это та правда, которую художник может доказать в своём творчестве. И он мне доказал, что это так, что бабушка помнит эпiku, а мама — лирику. Люди являлись живыми библиотеками. Не надо было им учиться на филфаках, чтобы запомнить свою собственную литературу. Вся жизнь была такая, и эта особенность природы и атмосферы искусства, в которую втянуты все — тоже особенность кочевой цивилизации.

Эта цивилизация ушла, а потомки остались. И они всё несут в себе. Я бываю часто на всяких застольях и вижу: кто-то начинает говорить тост. Плохо понимаю, но смотрю на лица и по лицам знаю, о чём говорит этот человек — такое внимательное слушание. Искусство слова — оно касается всего народа. Я подстрочник читал и думал: надо же, какой-то пастух и так говорит. Но, поняв эту особенность народа, я уже не боялся возвеличить его устную речь. Мне только оставалось найти естественность звучания на русском языке.

— **Есть ещё какие-то особенности романа, упущенные в старом переводе, которые вы сейчас восстанавливаете?**

— Как я уже сказал, в старых переводах отнеслись к этому роману как социальному, где во главу угла ставилась борьба классов: баи угнетают бедных джатаков. Междоусобные войны, отношения русских властей и местных правителей, борьба бедного с богатыми, ну и чисто биографический роман. Из этих рамок выламывалось очень сильно всё, что касалось непосредственно стихии и деталей народной жизни. Сколько я через подстрочники восстановил картин тоев, сколько там отгульных кобылиц было зарезано и сколько валухов, ягнят. Всё это тщательно выписано, и всё это представляет интерес. Ещё интересна персонификация в романе, здесь каждый персонаж имеет имя, даже если он появился на мгновение. В этом выражается степное отношение к каждому конкретному человеку, в отличие от западных цивилизаций с их индивидуалистическим отчуждением, или тоталитарных, где человек — всего лишь винтик. В степи каждый человек был нужен в общей родовой жизни.

— **Мне кажется, это поименование ещё и держит окружающее пространство. Людей мало, а пространства много. Человек**

назван — значит, как бы на этом месте “застолблён”. И всё вокруг него уже организовано.

— Да, у казахов так: встречаются двое — надо узнать, как зовут, кто ты, откуда. Ещё трудность была — всё действие происходит либо в юртах, где никакого движения нет, либо верхом на конях, где сплошное движение. Например, напряжённый разговор идёт, но было сказано, что они поскакали во весь опор. Для казахов это ничего не значит, они привыкли, что все эти дела так и происходили, а я перевожу, мне нужна достоверность на русском языке. Поэтому мне приходится иногда их “притормаживать” в движении, коней придерживать. Пока я нашёл эту систему, ушло много сил. Я переводил другие романы известных казахских писателей, но они привязаны к своему времени. А такое универсальное отражение кочевой цивилизации я нашёл только у Ауэзова. Для меня это поучительная работа и очень трудная. Я же не эпик, я философский лирик. И я всерьёз думал: надорвусь. Но сейчас дело остаётся только за временем. Самое тяжёлое было набрать, определить словесную стихию, лексический уровень, словарный запас на русском языке. Но всё равно иногда думаю: как я могу с этим справиться?

Позвала любовь

— Анатолий Андреевич, а как всё получилось — сначала вы появились в Казахстане, и возникла идея перевода, или сначала идея, а потом приехали вы?

— Как всё получилось? Переводя раньше хороших писателей — Кекилбаева, Нурпеисова, я думал про “Путь Абая” Мухтара Ауэзова. Но я никогда не думал, чтобы переводить. Ведь уже существует перевод, я его читал — в детстве, потом не раз заглядывал. И даже как-то подумал: я бы мог переводить эту вещь, наверное. Наверное! Я ещё не знал, что это такое. Ну, подумал — и всё. Потом приехал сюда. Встретился с Муратом Мухтаровичем, обрадовались. Мы давно уже дружили, виделись редко. Потом получилось так, что заказали книгу о Мухтаре Ауэзове серии ЖЗЛ Анастасьеву. Николай Аркадьевич, прочитав роман, первым вслух сказал то, о чём другие думали: перевод желал лучшего. А кто бы мог перевести? И он называл меня. А я уже здесь. Так всё и получилось. Наверное — судьба!

— Вы обрадовались такому совпадению?

— Очень серьёзный был препятствующий момент, я уже говорил, — природа творческая у нас разная — он эпик, а я лирик-философ. Мистик. С частым хождением в потусторонний мир. Последняя моя вещь — мистический роман “Остров Ионы”. Сначала я писал о жизни. Потом задумался: непонятно, зачем жить, если существует смерть. Стал думать о смерти и писать. Потом понял: смерти нет. Есть бессмертие. Я стал писать о бессмертии. Именно через “з”, здесь несколько иной смысл, если подумать.

— Вы полагаете, у людей сейчас есть время задумываться о таких вещах?

— О таких вещах не просто задумываются в свободное время. От них, из-за этих проклятых вечных вопросов, — люди живут и умирают.

— А не страшно было оторваться от привычной литературной среды? Уехать в провинцию?

— От русской литературы никогда не оторвёшься, если ты однажды пришёл в неё. От литературной среды — она здесь есть. Вот я пять лет прожил в Корее — там было очень тяжело. Те русские писатели, которые

уезжали в эмиграцию, они прожили мучительную несчастную жизнь. Сейчас их прах возвращают в Россию, но что толку. А я из России не уехал, — я приехал в Казахстан, чтобы пожить в отцовском доме. Ведь для меня Казахстан — это отечество, здесь я родился. А Россия — это мать, вскормившая своим культурным молоком мой дух, всё моё творчество.

— **Вы тогда, по возвращении из Кореи, рассказывали, что вернулись исключительно из-за языка. А вы ведь там преподавали в университете, были окружены таким почитанием — и не остались...**

— Для русского писателя языковая среда — воздух, которым он только и может дышать. Я русский писатель корейского происхождения. Моя родина — русский язык. Это моя духовная родина. А там с утра до вечера звучала корейская речь. Я чувствовал себя плохо. А здесь мне пока единственно чего не хватает — моей Мещёры. Нигде нет такого глубокого языка, который я нашёл в Мещёре. Прежде чем появился мой язык литературный, я объездил всю центральную Россию, путешествовал месяцами. И теперь, когда ко мне наши ребяташки, пишущие на русском, обращаются за советом, я говорю: тот, кто пишет на русском языке — должен прикоснуться к истокам живого слова. Надо чаще бывать в России. Подолгу жить в её провинциях, предпочтительно в среднерусских, северных.

— **Говорят, что свой дом на Мещёре вы построили сами?**

— Это я только с виду писатель, белоручка, а на самом деле всё могу делать своими руками. Приехав в Москву с Сахалина, я, помимо того, что окончил художественное училище, работал строителем, три года служил в армии. И Литературный институт окончил заочно.

— **А что за история, Анатолий Андреевич, была с дачей в Переделкине, говорят, вам её давали, а вы не взяли? В это даже плохо верится.**

— Я первую не взял, а вторую взял.

— **Вы богатый человек — дом в Мещёре, дача в Переделкине. А первую дачу почему не взяли?**

— Во-первых, у меня была дача в Мещёре. Я её обустроивал, все средства брошены были туда. Но вторая и главная причина: у меня есть друг Владимир Личутин, замечательный прозаик архангельский. Он жил в однокомнатной квартире, у него была жена, двое детей, тёща, кот Васька и собака-лайка. Их было шестеро в однокомнатной квартире, и никто им ничего не хотел давать.

— **Вы говорили, что вам предлагали в Алматы стать редактором журнала “Простор”?**

— Мне предложили, я день подумал, и честно отказался. Те, кто предлагал, говорили, нам ваше имя нужно, работать не будете. Но если я возьмусь, я обязательно буду работать. Иначе я не могу. А сейчас я всецело занят работой над переводом “Пути Абая”.

— **Под ваше имя, может, действительно начались бы какие-то перемены. Может быть, журнал стал, наконец, гонорарным?**

— Я не умею деньги добывать, ни для себя, ни для других. А то что сейчас не платятся гонорары, жаль — это сказывается на общем состоянии литературы. Это плохо и для журналов, и для авторов. Профессиональный автор должен за свою работу получать деньги. Если он её отдаёт бесплатно, он или не ценит свою работу, или выходит из тиража. Мне в Америке, в Китае предлагали мои книги перевести, чтобы издать

бесплатно, я отказался. А для журнала это плохо, потому что настоящий профессионал не пойдёт в ваш журнал. Зачем он ему?

— Имеет ли какое-то отношение к вашему решению переехать в Казахстан Ассоциация корейцев Казахстана? Я слышала, что вы хлопочете о создании школы-студии при корейском театре?

— Вообще-то я в Алматы приехал к своей невесте, а второе — причина была. Я, может быть, и не приехал, я, может, невесту туда бы забрал. Но меня пригласила Ассоциация реформировать работу театра, предложить новые идеи для дальнейшей его деятельности. Театр вместе со всеми пережил тяжёлые времена, большинство актёров ушло — в бизнес, луковые дела — во что угодно. На нищенскую актёрскую зарплату невозможно было жить. От обиды невозможно. А корейцы народ прагматичный, предприимчивый, неунывающий. Везде могут найти себя. Остались самые преданные, самые старые. А молодёжи нет. И я предложил конкретную программу. Надо самим для себя готовить актёров. Для этого создать школу-студию по аналогии российских театров: МХАТа, Малого, Вахтанговского. Тем более, корейским актёрам надо ещё выучить язык, никакой театральный институт не будет этим заниматься. Второе — надо поправить реальное положение театра, чтобы он мало зависел от субсидирования государства. Я придумал очень простую программу. Сейчас везде в мире, и в России увлекаются мюзиклами для больших площадок. И я написал либретто мюзикла. А у нас есть возможность гастролой. Наша казахстанская ассоциация имеет очень хорошие связи с корейской ассоциацией в США, где проживает 2 миллиона корейцев, с японской, китайской. Ну и сама Южная Корея, а может, и Северная. Если мы музыку сделаем качественную, да повезём туда, да покажем только нашим диаспорам, понимаете, мы заработаем. Мы двуязычный спектакль сделаем — ведь многие корейцы теперь плохо понимают родной язык. Ситуация билингвизма, конечно, осложнит, но и обогатит артистический арсенал. Учебные репетиции будут идти на материале мюзикла. То есть одновременно будет идти учёба и готовиться спектакль. Мы уже набрали студентов.

— Об объединении двух Корей есть у вас чисто человеческая мечта?

— Зачем мечта? Это произойдёт. Разве вечно так будет? Это фатально.

— Вы рассказывали мне, что когда были в Корее, вам нашли вашу родословную, и вы оказались из монархической династии?

— Я просто-напросто из королевского рода в эпоху Силла... Эпоха закончилась ровно тысячу лет назад и продолжалась ровно тысячу лет.

— Вот что значит древняя цивилизация, где время измеряется тысячелетиями. Теперь понятны ваши мотивы бессмертия. А Кимы всегда были властителями?

— У Кимов очень много родов. Фамилия одна — много родов.

— А вы владеете корейским языком?

— Наречием “корё мари”.

— У нас в Казахстане в научный обиход введено понятие маргинальности — для писателей не русского происхождения, пишущих на русском. В эту категорию, попал, например, Олжас Сулейменов. Но если писатель в своих произведениях несёт национальный дух, разве он маргинал? И о ваших книгах критики пишут, что вы открыли миру корейцев. Вы ощущаете себя маргиналом?

— Это неправильное представление. Маргинал — человек без корней. А я очень надеюсь, что в моих произведениях живут тысячелетия,

о которых вы говорили. Писатель принадлежит литературе, литература принадлежит языку, язык принадлежит общечеловеческому духу. Настоящий писатель стоит на этих трёх началах, и он не маргинал — не изгой и не человек окраины, на каком бы языке он ни писал.

— А каким вы видите современное развитие Казахстана, его культуры в сравнении с другими постсоветскими странами?

— Я думал о стремительном взлёте Казахстана за эти пятнадцать лет... Что такое пятнадцать лет? Ведь это мизерное время. Но смотрите, как он взлетел и в своей экономике, и в глазах мировой общечеловеческости, и в культуре. Можно сказать, что после развала Советского Союза он на первом месте, идёт даже впереди России по темпу, по масштабности развития. Конечно, тому очень много причин объективных. Но мне одна причина ясна — это политика в области межнациональных отношений. Посмотрите, все кто отделились, — прибалты, Молдова, Украина начали с того, что стали у себя гнать инородцев. И что они получили? Они получили раздрай в обществе. В сопредельных азиатских республиках — Узбекистане, Киргизии, Таджикистане нет стабильности. И только в Казахстане не только никого из “инородцев” не тронули, но всех поддержали как равных. Вот это отношение к национальным конгломератам — одна из главных причин успеха. Ведь успех создаётся не только материальными ресурсами, которые заложены в земле. Не только удачными бизнес-проектами, инвестициями и т. д. Успех заложен в дружном единении усилий — народной поддержкой, отсутствием конфликтов. И это создаётся тогда, когда национальные конгломераты не репрессировываются, не угнетаются, не принижаются. Это единственная страна — Казахстан, где политика единения всех религий в общей духовной жизни страны — поддерживается властью, стала реальной политикой главы государства. Казахстан проводит съезды лидеров мировых религий, построил в своей столице Дворец мира и согласия, собрал Ассамблею народов Казахстана, роль которой всё усиливается.

— И разве не должны в такой ситуации литературные журналы поддерживать политику президента, заниматься воспитанием духовной культуры в обществе? Но вот вышел первый номер журнала “Простор” уже без Валерия Михайлова, и в нём пропала рубрика “Духовное наследие”. Говорят, за неё главного редактора и сняли.

— Конечно, если в стране идёт такая осознанная политика в поддержку духовности каждого народа, то журналу духовность не только не противоречит, но к месту. Пускай православные христиане, католики, протестанты и атеисты узнают об исламе, о суфизме, тенгрианстве, Заратустре. Эти начала в своём духосознании содержат народы, живущие в этой стране, и пусть другие народы узнают о самом ценном в их жизни. Я человек православный, моя жена католичка, нам эти проблемы близки. А так как русский язык является универсальным для республики, то в русском журнале должны быть такие материалы, такая рубрика.

— Анатолий Андреевич, я читала, что православие вы приняли в 1976 году, вашим крёстным был Иннокентий Смоктуновский. Видимо, он занимает особое место в вашей судьбе?

— Так получилось, что Иннокентий Михайлович стал моим крёстным не только в православии, но и в литературе. Благодаря его поддержке я был впервые опубликован в ленинградском журнале “Аврора”...

— **Вы известны в Казахстане не только своими книгами, переводами казахских писателей, но и культовым фильмом “Сестра моя Люся”, снятым молодым Ермеком Шинарбаевым. Видимо, в его основе — реальные события вашего казахстанского детства?**

— Я, может, потому и написал этот сценарий, что действительно воспоминания детства, это самое дорогое у любого человека, — оставалось ещё не реализованным в моём творчестве. Я в детстве болел малярией, я в детстве гулял вдоль канала. Моя сестра Люся бегала по базару и кричала: “Кому воды со льдом?”. Всё это вещи реальные, как и деревенский страшила-горшечник, который жил на краю села. Всё это было.

— **Шинарбаев рассказывал, как он возил фильм в Европу, и там зрители плакали.**

— Над ним плакали во Франции, в Германии. А также “холодные” латыши, эстонцы, литовцы, которым я показывал фильм. В период нагнетания вражды к русским был в Риге объединённый съезд писателей, куда пригласили меня. Там нашлось много моих поклонников, переводчиков и т. д. Они относили меня к неконформистам, удивлялись: как вам удалось напечатать “Луковое поле”? Как вам удалось напечатать “Белку”? И вот в перерыве между утренним и вечерним заседанием состоялся показ. Сначала шло их документальное кино, потом мой фильм: дети побежали по полю за рисовыми колосками, увидели на дороге мёртвую ласточку... Тишина, никакой реакции. Но если с документальных фильмов вставали, уходили, то здесь не уходили. Закончился фильм, свет зажгли, молчание, и вдруг такие овации. Ба! Смотрю, глаза у многих влажные. Да что там, я сам над ним плакал. Очень талантливый режиссёр.

— **А на какой стадии ваш фильм с Рымбеком Альпиевым по мотивам рассказов Ауэзова?**

— В основе сценария рассказ “Сиротская доля” с элементами “Серого Лютого”. Я взял характер этого волка. В рассказе упоминается, что Кушикпай, предок одного из главных героев, погиб на дороге. И там, где лежало его тело, обнаружены огромные волчьи следы, а тело пропало. Картина называется “Час волка”. Фильм уже снят, смонтирован, накладывают звук.

— **А были у вас со времени приезда в Казахстан какие-то замечательные открытия в казахстанской литературе, искусстве?**

— Я думаю, что в Казахстане есть очень интересный русский писатель корейского происхождения — Александр Кан, я с интересом жду каждую его новую книгу. Мне довелось открывать выставку акварелей Станислава Ли. Я знал его как хорошего поэта, переводчика древнекорейской поэзии. И вдруг такие акварели! Я имею профессиональное художественное образование, неплохо рисую, но акварельной живописью, которую люблю, пока ещё не овладел в совершенстве... И был буквально потрясён тем, чего он достиг в этой сложнейшей технике. Недавно мне довелось побывать в частной художественной галерее Семёна Хана. Он открыл мне замечательного живописца Валтера Никкарева. Это живопись на уровне раннего Кончаловского, колористическая природа её как у Константина Коровина, Машкова. Поразительно! Ни акварели Стаса, ни живопись Валтера не имеют ничего общего с арт-бизнесом, конъюнктурой, рынком. Это искусство, которым жива человеческая душа. И этим оно бесценно.

г. Алматы.

Нина СКАЛКОВСКАЯ-ПЛАТОНОВА

На Ишиме родина моя...

Если бы мне надо было назвать главную приметку времени, в которое мне выпало родиться и жить, я бы сказала, что это любовь к художественной литературе, которая была тогда кровно востребована. Вот и в нашей семье трепетно относились к печатному слову, особенно к книгам, классике. Долгими зимними вечерами мы с сестрёнкой Клавой, забравшись на просторную русскую печь, слушали завораживающие детское воображение сказки Пушкина, “Капитанскую дочку”, “Дубровского”, поэму “Цыгане”. Из таинственной темноты избы выхватывался круг света от горящего фитиля керосиновой лампы “молния” — роскоши 30-х годов. Лампа стояла между нами и мамой, которая, склонясь, читала нам вслух эти удивительные произведения. Мама, окончившая в детстве с золотой медалью церковно-приходскую школу, несколько месяцев проучившаяся в реальном училище Петропавловска (оттуда забрал её дед, некому было на пашне работать), слыла в селе самой грамотной.

Северный Казахстан, в том числе и наша Явленка, наводнён был ссыльными. В двадцатые-тридцатые годы это были выходцы из дворян, купцов, разночинцев, в сороковые — немцы, поляки, эвакуированные русские. Большинство ссыльных были культурными, грамотными людьми. Если их куда-то пересылали по этапу, то книги, свой основной багаж, они обычно оставляли моей маме. Ясно помню, что у нас вся кладовка была

**Нина
Павловна
СКАЛКОВСКАЯ-
ПЛАТОНОВА**

родилась 11 сентября 1927 года в Северном Казахстане. Закончила факультет журналистики КазГУ, кандидат педагогических наук, доцент, критик, публицист, переводчик на русский язык художественных произведений казахских писателей, основные переводы — “Золотые кони просыпаются” И. Есенберлина, “Серый аист” Т. Ахтанова, “Зов” К. Жумадилова, “В степном городке” Б. Аманшина, “Казахские народные сказки” (академическое издание, т. 3) и др. Большинство пе-

реводов было издано в Алма-Ате и в Москве. Сказки переиздавались в Венгрии, Польше, Чехословакии.

Член Союза писателей СССР и Казахстана с 1970 г. Награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, юбилейными медалями, знаком “Ветеран Великой Отечественной войны”.

Живёт в Алматы.

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет Нину Павловну с замечательным юбилеем и желает ей долгого здоровья на многие годы, счастья, новых успехов в творческой деятельности!

забита плетёнными из соломы чемоданами с произведениями Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко, А. Грибоедова, Джека Лондона, научно-познавательной литературой о природе, животном мире. Это были в отличных кожаных переплётах, с тиснением сытинские издания — на лощёной бумаге, с вклейками цветных ярких иллюстраций. С великим любопытством первооткрывателей мы, деревенские ребята, раскапывали в заброшенных дворах раскулаченных крестьян тайники, тоже с книгами ссыльных, нашли там однажды граммофон с пластинками Шаляпина.

Русские, как мои дедушка и бабушка с обеих сторон, были переселены из центральной России в Казахстан в конце XIX века. В Северном Казахстане приехавшие чаще всего селились вдоль рек. Мою малую родину — село Явленку, которое в 1979 году отметило столетие, выстроили русские переселенцы на крутом правом берегу Ишима. Противоположный берег утопал в заливных лугах. Здесь, наверху, распахивали землю под пашню, там, на лугах, пасли скот казахские аулы. Так и помню: на “том” берегу среди трав — казахский аул Талапкер, а наш дом — в берёзовой роще, за которой колосилась пшеница.

Эти два разных и вместе с тем тесно взаимопроникающих мира моих земляков объединял Ишим. О нём очень поэтично и метко сказала в своё время моя землячка поэтесса Амина Шалабаева:

*В твоей волне та песнь,
что пела мать!
Не у тебя ль отец мой
доброте учился?
Есиль, Есиль, ты вечен, как Земля...*

(перевод В. Шестерикова)

В быстрых, прохладных жёлто-зелёных водах реки вместе купалась ребятня с “того” и “этого” берега. Сквозь визг и хохот то и дело слышались выкрики слов и фраз то на русском, то на казахском языках. Ишим в жаркую летнюю пору на поворотах можно было перейти вброд. Купались до посинения, потом “солили” друг друга речным песком, вытесняя “противника”, уж тут чья возьмёт... По одному покидали “поле боя”, одевались наскоро, зуб на зуб не попадал от холода. Чуть отогревшись, как ни в чём не бывало, мы всей гурьбой перебирались или к “нашему” крутому яру собирать чёрную смородину, ежевику, или к “тому” берегу, где на прогретых солнцем полянах краснела дикая клубника.

Весною Ишим разливался на несколько километров в ширину, заливая все низины. После спада воды в озерах вдоволь ловили нехитрыми снастями рыбу, луговые травы косили на корм скоту. Позднее я написала:

*Много лет мне снится кормилица-река:
То рыбацкой песней в звонких берегах,
То покосом жарким в заливных лугах.*

.....

*А ещё мне снится отчая изба —
В ней истоки песни, в ней моя судьба!*

Нет, поэтом, в профессиональном смысле слова, я не стала, но поэзия жила и бродила в моей душе всегда.

В лютые зимние морозы, когда режущий ветер застывал комом в гортани, уже ближе к ночи, в нашем окне раздавался резкий стук кнутовищем. Отец мой, Павел Георгиевич, стремительно шёл открывать тесовые ворота, и в наш крытый обширный двор впускался сначала гурт скота, а за ним входили закутанные в тулупы и кожаные бешметы люди, с огромными меховыми малахаями или треухами на голове, в конце коша — две-три упряжки лошадей, тащивших сани-розвальни. Всё белым-бело, запорошено снегом, лиц не разглядеть, на усах блестят длинные сосульки льда.

Небольшой наш дом наполнялся оживлённой речью, шутками и сдержанным смехом, будто и не было позади многокилометрового пути по высоким сугробам снега. Нежданные гости — тамыры отца гнали скот на Кызылжарский (Петропавловский) рынок или на мясокомбинат. У нас нередко гостили друзья папы по рыбалке, сенокосу, охоте из ближних, а то и дальних аулов, приезжали в наш райцентр по делам, выправить необходимые документы.

С самого раннего детства с благодарностью вспоминаю дедушку Камзу, который частенько и подолгу гостил у нас. Он учил меня счёту и первым казахским словам, пел под домбру длинные сказания, а потом, как умел, со всей искренностью пояснял, что это о влюблённых Козы-Корпеше и Баян-Сулу, которые захоронены вон под тем холмом, что синее вдали. Это было в конце 30-х, а чуть раньше, в 29-м, за свой “крытый с тесовыми воротами двор” да дом со ставнями, за двух породистых лошадей и двух коров мои трудолюбивые и смекалистые родители поплатились горько. Шла коллективизация. Скот конфисковали, семье объявили “бойкот”: закрыли наглухо и забили гвоздями ставни, ворота, никто не должен был к нам ходить, а мы не должны общаться с внешним миром в течение недели. Уже спустя много лет, в подвале под домом обнаруживались то закопанные надёжно спички, то соль, то бутыл с водой. Это мама в страхе упрятала всё на горький случай, если “бойкот” продлит. В доме, во дворе, огороде разместили колхозную бригаду. Отец, участник японской и империалистической войн, на колхозных собраниях смело возражал вершителям крестьянских судеб — своим соседям, не имевшим ни кола ни двора. Помаялись местные активисты и, объявив отца “неисправимым единоличником”, исключили из колхоза. Спустя время он работал плотником на строительстве нашей первой в те времена средней школы, потом сколотил рыболовецкую артель при местном промкомбинате.

Мимо нашего дома шла накатанная столбовая дорога в Петропавловск. По ней в 30-е годы летом в открытых полупорках, зимой на быках и лошадях, впряжённых в сани, в город увозили “врагов народа”. Первыми забрали почти всех преподавателей и студентов соседнего сельскохозяйственного техникума. Именно из опытного племенного хозяйства этого техникума самые смекалистые местные крестьяне приобретали породистых телят и жеребят. Техникум был основан ещё до революции дворянином Иваном Кулаковым, получившим образование в Москве. Большинство преподавателей также были москвичи, чаще всего ссыльные, такие, как братья Свешниковы, семья Троицких. Эту же участь разделили и приехавшие в наши края их родственники — местный художник, два фотографа. Конечно, такие “враги народа” не могли воспитать иначе семнадцативосьмилетних юношей и девушек, как себе подобными.

Помню, как ночью забрали и увезли в город двух соседских стариков, в вину им поставили, что они бывшие георгиевские кавалеры царской армии.

Отец, боясь преследований и наветов, на несколько лет “исчез”: он по солдатской сноровке выкопал под яром Ишима, километров за 20 от людского глаза, землянку и скитался в зарослях поймы реки, промышляя питание. Помню ночью осторожный стук в окно. Мама выбегает на цыпочках за двери. Утром у нас праздник — на столе жареная рыба, а то и дичь, в корзине — смородина, ежевика. Отец среди ночи, тайком, приходил из “тагоя”^{*}.

Вскоре пришла война. Всё по той же дороге, всё в тех же открытых кузовах грузовых машин, мимо нашего дома уезжали и уезжали на фронт добровольцы — жители окрестных сёл. Добровольцами на войну ушёл почти весь десятый, тогда выпускной класс нашей школы и её директор Пётр Иванович Демьянов. Возвратились немногие. В первые дни войны где-то под Брестом сложили головы два моих родных брата — Алексей и Николай.

В школу вместо ушедших на фронт пришли работать новые учителя — ссыльные немцы из Москвы, Ленинграда, Поволжья. Среди них было несколько докторов наук, академик с мировым именем П. А. Кульман. Мы, ребяташки, сразу смекнули, что новые учителя не владеют школьной методикой, а то и программой, и вели себя не самым безупречным образом. Однако истинные учёные, они стремились привить нам интерес к подлинной науке, к научному поиску. Станислав Вильгельмович Кениг, наш классный руководитель и преподаватель немецкого языка, лишь в исключительных случаях говорил с нами по-русски. Даже в поездках в лес за дровами для школы мы говорили на немецком. Вечером он брал скрипочку, расставлял нас по голосам и мы горланили на немецком русские патристические песни, такие, как “Широка страна моя родная”.

После 8-го класса меня вызвали к директору и сказали: “С утра будешь ходить в школу, а после обеда — работать в редакции районной газеты, вечером — диктором местного радио. Материалы будешь готовить сама, советоваться и на подпись носить их к секретарю райкома Петрову. Ты справишься, некому больше этим заниматься. Всех взяли на фронт”. Надо так надо. Шла война, и мы рано выросли и были чрезвычайно ответственными.

1942 г. Наша семья. В центре, сзади, стою я, мне 15 лет. Начала трудиться в районной газете и диктором местного радио, работу совмещала с ученьем в школе.

Первый ряд: отец, в центре — младшая сестрёнка Клава, мама. Стоят: сноха Нина, моя старшая сестра Анна Павловна — преподаватель истории.

^{*}Тагой — местное название зарослей ивняка (тала) в пойме Ишима.

Так и пошло: ночью с керосиновым марлевым фитильком в бутылочке из-под лекарств готовлю уроки, с утра — в школу, днём — в редакции, вечером — в радиоузел. Летом и осенью до глубокой суровой зимы, как и все подростки села, убирала зерновые на полях: косили, скирдовали, веяли, грузили... Пшеницу сверхобильного урожая предвоенных двух лет всю войну из нашей глубинки солдаты вывозили на американских грузовиках “Студебеккерах”. Под их колёсами день и ночь сплошным гулом гудела наша дорога.

После войны, в августе 1945 года, поехала я учиться в Алма-Ату. Ехало нас несколько выпускников явленной школы, кто в медицинский, кто в педагогический, я — в КазГУ, конечно же, на журфак. Сами собой тогда сложились строки:

*Девчонки колхозного села,
Как далеко от школьного порога
Дорога за собой нас увела...*

А дорога-то оказалась ой какой не простой... Родители усадили нас с кустарными деревянными чемоданами и самодельными сумками всё в такой же открытый кузов попутного грузовика, а дорогу нашего чернозёмного края размыли осенние дожди. Застрявшую полуторку, наш транспорт, мы всю ночь до утра безнадежно пытались вытолкнуть из промоины. На рассвете сердобольная тётушка взвалила наши чемоданы и узлы на возок сена, который по целине, вдоль дороги, натужно тянула впряжённая в телегу корова — типичная “тягловая сила” тех лет. Приехали на железнодорожную станцию Петропавловска. С трудом взяли билеты до Алма-Аты, через Новосибирск. Что там было! Железнодорожные пути станции забиты составами с боевой техникой, войсками, к билетным кассам не пробиться — всё в движении, всем не до нас. Открывался Восточный фронт, начиналась война с Японией...

И мы, выпускники средних школ Северо-Казахстанской, Карагандинской и других северных областей, заполнив все огромные площади полуподвального, трёхъярусного помещения железнодорожного новосибирского вокзала, просидели там беспомощно почти месяц. Съедены дорожные сухари, таяли скудные родительские деньжонки... Наконец такой же сердобольный, как та тётушка с коровой, проводник, видно, давно приметивший нас, собрал с каждого по 25 рублей, помню, стоимость билета до Алма-Аты, и с трудом втиснул в свой переполненный вагон поезда Новосибирск — Алма-Ата.

Когда поздним вечером мы высадились со своими облегчёнными чемоданами в столице, город показался нам раем: тишина, тепло, мерцали низкие, яркие звёзды южного неба. Нас отмыла дезостанция в горячей бане, вещи продезинфицировали. Но... вступительные экзамены в вузах закончились. Мне, благодаря характеристике из газеты, в один день устроили все экзамены. Не “сдавался” только “немец” Ефим Шварцман — не хотел на меня времени терять: “Платонова, если даже поставлю “удовлетворительно” — у вас всё равно проходной балл!”. И это в то время, когда у меня в аттестате “отлично”! Взяла я его “штурмом” — заговорила на немецком... Спасибо моему школьному учителю, Станиславу Вильгельмовичу, за его занудливый, но добросовестный труд. “Ausgezeichnet” было обеспечено.

На первый курс журфака в тот памятный 1945-1946 учебный год приняли нас шестьдесят пять девчонок и несколько парней, не призванных в армию из-за их безнадежной инвалидности. Мальчиков мы, можно сказать, вообще не видели. В нашей школе многих шестиклассников в войну забрали в ФЗО (фабрично-заводское обучение), откуда они не вернулись; многие просто погибли от голода и холода, а тех, кто чуть постарше, та же участь постигла в шахтах Караганды, Телькубасса, в девятом классе последних ребят забрали в военные училища. И тут, в университетской аудитории, снова — «тоска зеленая». На лекциях между текстами конспектов я строчила:

*Где же ты, моя юность, — солнечное лето?
На лесной поляне заплутала где-то...*

И вот в начале третьего курса ураганом ворвались в наше девичье царство двадцать два демобилизованных фронтовика. Это были оставшиеся после войны бывшие выпускники средних школ, которые с семнадцати до двадцати двух-двадцати трёх лет только бежали, стреляли, рыли окопы, ходили в разведку, жили одним стремлением — победить. И победили! И вот они среди нас — в прострелянных пилотках и шинелях, с планшетами и кобурой на ремне. Анекдотчик и весельчак Фёдор Осадчик красовался в ярко-красных лакированных трофейных сапогах. Из-за своей неординарности и неукротимой энергии он вскоре загремел на строительство Беломорско-Балтийского канала. Недавно при встрече Фёдор Яковлевич поделился, что предали его «наши», кто не служил в армии и не воевал. Фамилии не называю.

**Июнь 1945 г. Германия.
Леонид Васильевич Скалковский
со своим фронтовым другом.**

Фронтовики, освободившие от фашизма Европу, повидавшие жизнь и смерть, и заграницу, старше нас по возрасту, были теперь рядом, в общежитии, в аудитории, на танцах. Среди них были талантливые ребята, впоследствии ставшие известными журналистами, прозаиками, поэтами. Выделялись Леонид Кривощёков, который вскоре перевёлся в Литературный институт при Союзе писателей СССР, Леонид Васильевич Скалковский, будущий

мой муж. В составе полковой разведки, а затем командиром пулемётного взвода он прошёл под огнём свой боевой путь от Ковеля до Берлина, штурмовал Рейхстаг. 12 марта 1948 года Скалковский пришёл ко мне на первое свидание с такими неотразимыми стихами:

*Не поймёшь — и белая, и рыжая,
С голубым отливом детских глаз...
Ты такая, словно встал на лыжи я
И лечу за город в ранний час!*

*Пустяки, что на трамплинах падаю,
Ни один тут падал кувырком.
И открылась даль, маня и радуя,
Вся-то в белом, рыжем, голубом!*

И... снова победа! Победа — за молодостью, романтикой, за взлётом духовности и... жаждой любви — светлой, на всю жизнь.

На лекциях теперь рядом с девчонками строчил конспекты бывший лётчик Морис Шамис — Морис Симашко, автор прекрасных прозаических произведений: “Повести Чёрных песков”, “Повести Красных песков”, “Мамлюки” и других, будущий отличный переводчик исторических произведений казахского писателя Ильяса Есенберлина. В это же время на нашем курсе появился Анатолий Иванов — будущий автор известного романа-трилогии “Тени исчезают в полдень”. Всех веселил, будоражил живой, подвижный, как ртуть, Володя Шустиков, впоследствии доктор психологических наук, главный редактор всесоюзного научного журнала “Психология”. Тогда девчонки по секрету шептали друг другу: “Он был лейтенантом внешней разведки”. Подтверждал этот “секрет” тот факт, что Володя с нашей немкой-преподавателем свободно говорил по-немецки, причём то на швабском, то на саксонском наречиях. Учился теперь с нами и Олег Акулов, очень солидный, намного старше всех, впоследствии спецкор журнала “Советский Союз” в англоязычных странах. Намного старше нас был и Пётр Штабнов, будущий собкор газеты “Правда” по Казахстану. Среди нового пополнения было много и других интересных, талантливых парней.

В университете нас учили ещё не возвратившиеся в Москву и Ленинград эвакуированные доктора наук, профессора и доценты. Историю Казахстана отлично читал известный учёный, последователь востоковеда Льва Николаевича Гумилёва академик Шахматов, журналистику вёл один из основателей газеты “Правда” доцент Акулов. Были и другие отличные преподаватели.

Редакторские будни и праздники

С первого курса университета я писала рецензии, очерки, печаталась в республиканских газетах “Ленинская смена” и “Казахстанская правда”, а затем и в журнале “Советский Казахстан” (орган Союза писателей Казахстана). С середины 50-х и до 70-х годов на страницах “Простора” публиковались мои рецензии и очерки о В. Ванюшине, И. Есенберлине, Ф. Егорове, Б. Момыш-улы, А. Алдане-Семёнове, Г. Мусрепове и о других талантливых казахстанских писателях.

В Москве устраивались Декады казахской литературы. В 1958 году туда увезли и мои документально-художественные очерки о жизни и творчестве Абая, М. Ауэзова, И. Джансугурова, Джамбула, Б. Майлина, С. Сейфуллина, С. Торайгырова. Всего семь книжек-буклетов по 1,5 печатных листа каждая. Эти издания давно библиографическая редкость. Уже в то

время их искали и преподаватели, и студенты, по ним читали лекции и делали доклады, подобной литературы не доставало. Позднее, конечно, появились солидные исследования жизни и творчества этих основоположников казахской художественной литературы. Но благодаря этим первым трудам меня заметили. Ко мне обратился профессор Б. Кенжебаев с просьбой перевести на русский язык монографию “Султанмахмут Торайгыров”. После выхода книги ко мне стали обращаться с подобной просьбой многие казахские авторы.

Конечно же, действенной школой подготовки к самостоятельной творческой работе, кроме исторических и чисто жизненных обстоятельств, была моя работа в издательстве в качестве редактора над произведениями таких талантливых мастеров художественного слова, как М. Ауэзов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, С. Муканов, И. Есенберлин, А. Алимжанов, Б. Момыш-улы, русских писателей — Д. Снегина, И. Шухова, В. Ванюшина, Ф. Егорова, С. Маркова, С. Никитина, моего земляка Б. Петрова и многих других.

С Мухтаром Омархановичем Ауэзовым я познакомилась заочно в начале 50-х годов, когда, будучи начинающим редактором “Вестника АН КазССР”, обратилась к ответсекретарю журнала с недоуменным вопросом: почему статьи Мухтара Ауэзова вот уже второй год лежат без движения, пылятся в нашем редакционном шкафу?

Секретарём был Степан Григорьевич Медведев — сосланный из Москвы в Алма-Ату бывший личный пресс-секретарь не то Каменева, не то Зиновьева, теперь точно уже и не помню. Он мог с ходу диктовать “на машинку” передовицы журнала, обобщающие статьи по общественным наукам. Наш Степан, как мы его называли, оказывается, выжидал момент, когда можно будет напечатать “не совсем благонадёжного” автора. Труды Мухтара Омархановича появились в журнале, пройдя официальную цензуру и осмысливание со всех сторон всё тем же нашим “стреляным” Степаном и умнейшим человеком, главным редактором журнала, академиком Нигметом Тналиевичем Сауранбаевым. Правда, не все, некоторые оставались всё в том же шкафчике и в те времена напечатаны не были.

Мы, редакторы, бегали в Главлито с каждой статьёй, с каждым очередным выпуском журнала. Особенно рьяно цензоры следили за талантливыми авторами. Труды учёного с мировым именем, одного из основоположников биофизики как науки А. Л. Чижевского, которые мне было поручено готовить к печати, проходили не только цензуру Главлито, но и, видимо, проверялись до появления в портфеле редакции.

А. Л. Чижевского привозили к нам из Карлага сопровождавшие его молчаливые люди в гражданском, как тень стоявшие за спиной Александра Леонидовича. Худощавый, со светлыми, подстриженными ёжиком волосами и светлыми глазами, он был всегда подтянут, обязательно одет в глаженный костюм и свежую сорочку. Однажды, чуть нагнувшись ко мне через стол (он никогда не присаживался), учёный радостно сообщил: “Эта статья — результат моей новой работы. Мне дали лабораторию, разрешили исследования”. Разговор шёл о знаменитой теории влияния на всё живое отрицательных ионов. Эта теория легла затем в основу многочисленных лечебных приборов учёного, в частности, люстры Чижевского и других. Если труды учёного даже и публиковались, то обычно очень обширный список литературы, на которую ссылался

автор, Степан предусмотрительно прятал в заветный редакционный шкафчик. Это были длинные, на несколько страниц, списки публикаций Чижевского в Нью-Йорке и Лондоне. К цензорам они не попадали. В основном из-за этих зарубежных публикаций и угодил в Карлаг выдающийся учёный. Навсегда врезался в память цензор Главлита Настуев. Сам ссыльный крымский татарин, он боялся всего и был беспощаден ко всему ценному. Подняв вверх указательный палец, прищулив один глаз, он заявлял: “А вот косвенная, но... государственная тайна”, и пускал в ход знаменитый цензорский красный карандаш, вычёркивая любые конкретные данные. Чаще всего это касалось трудов Каныша Имантаевича Сатпаева, которые мне выпало на долю готовить к публикации в те годы.

Шёл 1953 год. Меня “сократили”. Собственно, расплатилась я за свою “объяснительную записку” парторгу академии, в которой писала, почему дружу с редактором издательства Майей Брояловской, отец которой был репрессирован как “враг народа”. Их семья тоже была сослана в наше село. Мы с Майей работали вместе в войну дикторами радио, затем учились в КазГУ. В объяснительной я ручалась, что она “политически благонадежна”.

Меня долго нигде не принимали на работу, но затем я была зачислена редактором издательства художественной литературы КазССР, впоследствии — “Жазушы”. И вот здесь, в издательстве, спустя более десятка лет, как я бегала к цензору со статьями Мухтара Омархановича, меня вызвал к себе главный редактор Дихан Абилов и сказал, что поручает мне редактировать очень объёмный и ценный по содержанию труд М. Ауэзова “Литературные воспоминания”. С Мухтаром Омархановичем работать было легко. “Все Ваши правки только улучшили текст”, — говорил он, улыбаясь мягко и обаятельно, словно боялся вспугнуть меня, почувствовав несколько мою робость перед его могучим талантом и признанным величием. И вдруг, книга ещё была не сдана, Мухтар Омарханович и говорит, что ему надо срочно в Москву, что это ненадолго, “самое большее на неделю”. А через некоторое время мне позвонила из Москвы друг и помощник Ауэзова во многих литературных и житейских делах русская писательница-литературовед Зоя Кедрина и сообщила печальную весть: “Мухтар умер во время операции”.

Я шла на работу, а слёзы катились по щекам — ушел из жизни Человек с большой буквы, великий писатель и учёный. Книгу готовила к изданию уже одна, без её автора...

Мне везло на встречи, на сотрудничество с выдающимися людьми. Однажды в редакцию с первой в своей жизни рукописью пришёл чрезвычайно симпатичный и чрезвычайно застенчивый молодой человек. Это был Ануар Алимжанов, впоследствии ставший признанным и в Казахстане, и за рубежом писателем, первым секретарём правления Союза писателей, видным общественным деятелем. Основная часть произведений А. Алимжанова вышла под моей редакцией. Среди них самая первая проба пера — “Белый друг, жёлтый друг, чёрный друг”. Это художественно-поэтический отчёт начинающего мастера слова о Международном фестивале молодёжи, на котором Ануар был делегатом. Затем мы с автором работали над изданием книги “Когда встречаются друзья”, а также других его произведений.

Самое удивительное и самобытное в литературном стиле А. Алимжанова то, что он нередко писал прозу отточенным белым стихом, писал на русском. В редакцию он довольно часто приходил не один, а со своим другом поэтом Олжасом Сулейменовым. Молодые, задорные, шутливые, они вносили оживление в редакционную строгую атмосферу, смеялись, от души подшучивали друг над другом и надо мною, почти их ровесницей. Но к моей правке Ануар относился со всей ответственностью, нужное слово, фразу находил быстро и точно. Он был бесконечно близок к людям вообще, располагал к себе собеседника. С нашей редакцией он дружил. Был такой случай: после выхода повести “Сувенир из Отрара” Ануар в обеденный перерыв притащил нам огромный торт и попросил приготовить чай. А мы просто растерялись: подобное строго запрещалось дирекцией издательства. С предосторожностью выставили в дверях редакции сторожевого, чтобы предупредил в случае опасности...

Ещё один штрих его характера. Возвращаясь я как-то со своими дочерью и сыном с катка Медео и где-то на повороте дороги к бывшему совхозу “Горный гигант” вижу накренившийся грузовик, рядом вывалившиеся плитки мрамора... Шофёр машины и Ануар стоят расстроенные:

— Позвонил, чтобы прислали тягач и рабочих. Это строительство доконает меня... — сетовал писатель.

Именно Ануар Алимжанов и Ильяс Есенберлин, будучи секретарями правления Союза писателей, все силы отдавали строительству Дома творчества, где позднее с удовольствием работали и отдыхали писатели не только Казахстана, но и других республик бывшего Союза.

С творчеством Олжаса Сулейменова впервые меня познакомила его юная красавица жена Рита. Она доверительно принесла мне в редакцию “посмотреть” рукопись стихов тогда мало известного поэта, её мужа-студента. При этом Рита сказала, что считает стихи талантливыми, но их почему-то боятся печатать, видимо, “не понимают”. Стихи, действительно, были чрезвычайно оригинальными, своеобразными, новыми для восприятия. Экспрессивный образ и мысль в сжатой, как пружина, строфе пульсировали живо, трепетно и ярко.

Директором издательства был в то время мудрейший человек, писатель и учёный Мухамеджан Каратаев. Прямо к нему я и повела Риту. Мы передали Мухамеджану Каратаевичу рукопись, сказали своё мнение. Через какое-то время, к радости и восхищению читателей, появился сборник стихов большого, талантливого поэта Олжаса Сулейменова. Не берусь утверждать, что это была первая публикация, но что одна из первых — точно. Время стёрло из памяти этот эпизод, напомнила его мне недавно приехавшая в Алматы жена поэта Маргарита (по печальному событию — хоронили её мать, которая, оказывается, скромно жила по соседству с семьёй моего сына).

Так долго трудясь издательским редактором, я, вольно или невольно, была знакома со многими известными писателями. Работая с Дмитрием Фёдоровичем Снегиным над его избранными произведениями, основу которых составляла знаменитая снегинская трилогия “В городе Верном”, я училась мудрой сдержанности, такту. Снегин был человеком импозантной внешности — и рост, и прямой чёткий профиль, и орлиный взгляд. К тому же это был интеллигентный и волевой человек. С моей редакторской правкой, которую новое время требовало внести в ранее написанные

произведения, Дмитрий Фёдорович чаще соглашался, иногда предлагал свой вариант. Признанием плодотворности нашего сотрудничества был тот факт, что для работы над рукописью своего нового романа “Флаг над Рейхстагом” Снегин попросил руководство назначить редактором меня. В ходе работы заглавие романа автором было изменено, и произведение вышло в свет под названием “Парламентёр выходит из Рейхстага”.

Не помню точно: или Дмитрий Фёдорович приболел, или был чрезвычайно загружен работой, но он “изменил” своей строгой дисциплине и позвонил в редакцию с просьбой, “если не затруднит”, приехать мне, редактору, с подписанными листами корректуры к нему домой. Была весна. Встретил меня писатель у ворот цветущего сада, в глубине которого стоял кирпичный особняк. К дому вела аллея из кустов карликовой китайской вишни, по струящимся ветвям которой будто стекала до самой земли бушующая кипень белых цветов. Позднее я, как-то при встрече, напомнила писателю об этой восхитившей меня красоте.

“К сожалению, южная красавица-вишня вымерзла холодной зимой, я заменил её на сливу”, — ответил Дмитрий Фёдорович. И рассказал: “Первая моя профессия — агроном. В молодости, до войны, я писал, но не прозу, как сейчас, а стихи, выпустил несколько поэтических сборников”.

На пороге дома нас встретила приветливая, симпатичная женщина с удивительно выразительными прекрасными карими глазами и пышной волнистой стрижкой.

— Знакомьтесь, это моя супруга Александра Яковлевна, мой самый близкий друг и помощник во всех начинаниях, — с улыбкой сказал Дмитрий Фёдорович. Когда он просмотрел и подписал в свет листы корректуры, Александра Яковлевна пригласила нас к чаю, оценить её авторское творение — варенье из сливы.

Помню, как поразил нас, ещё не оперившихся достатком молодых редакторов, писатель. Он принёс в редакцию дорожный чемодан, набитый до отказа плитками шоколада, ассорти, разными дорогими конфетами. На наше изумление Дмитрий Фёдорович весело, по-ребячьи произнёс: “Угощайтесь, это всё для вас! Я получил гонорар за “Избранное”!

После войны было всеобщее очищающее ощущение, что самое трудное позади. Люди были открыты, и, как могли, стремились друг другу творить радость и добро. Мы, молодые и, уверена, очень красивые, — я, Зоя Попова-Кривощёкова, Нина Муханова, Лидия Золотова, Мекан Жумагулов и большой русский писатель Дмитрий Снегин за чаем шутили, пели. Тогда было принято петь, душа просила песни и простора. Вот с тех самых пор Дмитрий Фёдорович и звал меня шутя “чудная певунья”.

Именно Снегин первым вселил в меня надежду на собственное творчество и, так сказать, направил в профессиональную литературу. Ещё в 1952 году, когда он был главным редактором альманаха “Советский Казахстан”, меня попросили написать рецензию на произведения русского писателя Ефима Пермитина. При рассмотрении рукописи на редсовете Дмитрий Фёдорович сказал: “У Нины Скалковской чувствуются потенциальные творческие силы”. После публикации её отметили как одну из лучших в ежегодном обзоре журнала “Новый мир”, с которым тогда считались.

Чрезвычайно интересно было работать с Габитом Мусреповым, Габиденом Мустафиным, Сабитом Мукановым — классиками казахской

литературы. Никто иной, как Сабит Муканов, в 1969 году рекомендовал меня на секретариате правления Союза писателей Казахстана в члены Союза. Мои литературные пристрастия к этому времени определились — в основном я занималась переводами художественной прозы с казахского языка на русский. И, как переводчику, стоявшему в творчестве на стыке двух литератур, двух культур, мне требовалась для вступления в Союз и рекомендация русского писателя. Её дал Василий Федорович Ванюшин.

С Иваном Петровичем Шуховым я была знакома не только по уже известному роману “Ненависть”, но и по его работе в годы войны редактором газеты в Пресновском, соседнем с нашим, районе. Мне, ученице 9 класса, которой поручили выпуск газеты, было трудно сориентироваться, что и как писать, вот я и “подглядывала”, как делает районку мой знаменитый земляк, талантливый писатель. Это было с 1942 по 1945 год. А теперь, в шестидесятые, мне пришлось быть редактором его избранных произведений. Фоном действия героев был мой родной край — Приишимье. Это и радовало, и увлекало.

Могу с полным правом сказать, что с Иваном Петровичем мы были и сотрудниками, и земляками, и друзьями. Шухов любил навещать свой родовой пресновский дом, где, как он говорил, ему лучше всего работалось. Однажды, по возвращении в Алму-Ату из очередной такой поездки, Иван Петрович подаёт мне аккуратный, из синего шёлка, зашнурованный кисет. “Это вам, Нина, привет из родного края!”. Заинтригованная, я осторожно развязала шнурок — и на меня пахло ароматом голубой низкорослой полыни, окуривающей воздух наших приишимских степей. Этот дар я храню до сих пор.

Как будто рядом вижу я сегодня каждого из писателей, с кем работала редактором над их произведениями, потому что выпустить в свет книгу объёмом в несколько сотен страниц, а тем более собрание сочинений, не просто, надо порою бок о бок посидеть с человеком не один месяц, а иногда годы. Долгим было сотрудничество с легендарным воином, прекрасным писателем и интересным человеком Баурджаном Момыш-улы. После совместной работы над его книгой “Генерал Панфилов” мы, можно сказать, подружились. К этому времени на Кубе перевели на испанский язык повесть А. Бека “Волоколамское шоссе”. Кубинцев покорили и восхитили героизм и обаяние главного героя произведения — Баурджана Момыш-улы. Ещё больше обрадовались они, узнав, что герой — реальный человек, живёт в Казахстане, в Алма-Ате, сам пишет талантливые книги. Кубинские писатели через правительство пригласили Баурджана почётным гостем для встречи с его многочисленными почитателями.

По возвращении с Острова Свободы Баурджан пригласил нас, редакторов русской редакции, домой, в гости, чтобы поделиться переполнявшим его впечатлительную натуру увиденным и услышанным в заморской стране. Этот мужественный героический человек с искренним простодушием и детским восхищением сообщал нам:

— Видели бы вы, как там почитают женщину! К женщинам и детям на Кубе исключительно уважительное отношение.

Или:

— Вы думаете, что перевозят туда буквально образующие воздушный мост советские самолёты? Мне показали на складах горы банок молочной сгущёнки и мясной тушёнки. Не сомневаюсь, везут под этим покровом и ещё что-то, чего не показывают.

— Угощали меня, конечно, не тушёной, а кровавыми, из свежайшей телятины, бифштексами и уймой всяческой зелени. Да-а... непривычно для нашего человека, а они едят с удовольствием. Кубинцы — народ открытый, приветливый и очень эмоциональный...

Затем Баурджан провёл нас в свой рабочий кабинет, где на столе рядом с рукописями были разложены привезённые сувениры, а на ковре, висевшем на стене, красовалось многочисленное именное боевое оружие полковника Момыш-улы.

Вот такой долгой, кропотливой, довольно сложной и в то же время интересной и поучительной была моя дорога к главному делу моей литературной жизни — художественному переводу.

Оставаясь “за кадром”

С 1960 по 1972 год Союз писателей Казахстана для нуждающихся в улучшении жилищных условий или вовсе не имеющих жилья труженников пера выстроил три четырёхэтажных жилых дома. В самом первом, что на углу улиц Солодовникова и Жарокова (тогда 9-я линия), получили квартиры (в собственность, бесплатно!) Анатолий Ананьев, Хизмет Абдуллин, Шамиль Мухамеджанов, Иван Щеголихин, Тахави Ахтанов и другие писатели.

1995 г. У дочери Ирины в гостях на её дне рождения: Ирина — доцент КазПИ им. Абая, внучка Татьяна — студентка. Леонид Васильевич, сын Владимир — кандидат наук, физик, математик.

Мои прелестные любимые внученьки: старшая Ольга, затем Анастасия, младшая Владислава.

В отличную, даже по современным меркам, квартиру вселилась и наша семья: я, мой муж — известный поэт Леонид Васильевич Скалковский, одиннадцатилетняя дочь Ирина и шестилетний сын Владимир. Всем получившим под общей кровлей жильё было под тридцать или чуть больше. Мы, так сказать, расправили крылья, почувствовали о себе заботу, осознали свою значимость и назначение. И, в меру сил и способностей, а большинство — в меру истинного таланта — трудились. Дружба была искренней, нередко вместе отмечали, тогда советские, праздники. И вместе трудились.

Как-то заходят к нам “на огонёк” наши соседи — Тахави Ахтанов и его жена Галя. В руках Тахави свежизданная в “Жазушы” книга “Серый аист”.

— Нина, пришёл просить тебя перевести мою

новую повесть, кажется, получилась хорошей. Здесь о судьбе русской девушки-врача, направленной на работу в далёкий аул, где все говорят только по-казахски. Тебе это будет понятным и интересным.

— Тахави, мне для работы тоже нужен подстрочный перевод, как твоей героине из книги!

— Да ты же понимаешь казахский!

— Понимать-то понимаю, к сожалению, далеко не всё. Даже что знала раньше, начинала забывать — вы же все со мной говорите по-русски: и бывшие сокурсники, и вы, соседи, коллеги...

Во время работы над художественным переводом произведения какого-либо писателя я неизменно сначала тщательно знакомилась с оригиналом, шло, так сказать, сематическое, лексическое знакомство. При этом улавливался общий смысл содержания, своеобразие авторского стиля. Конечно, пользовалась казахско-русскими и русско-казахскими словарями. (Лучшим считаю несколько лет назад изданный “Толковый словарь казахского языка” К. Бекетаева). Только потом я обращаюсь к подстрочному (дословному) переводу казахского текста на русский.

Подстрочники делали чаще всего высокообразованные лингвисты-казахи, отлично владеющие родным и русским языками, люди грамотные в самом широком смысле этого слова. Одним из таких был, например, Азат Сулеев, окончивший филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Его подстрочники были лучшими из лучших, и Азат, видимо, по чисто субъективным каким-то причинам не переступил черту между техническим и художественным переводами. Известно, что одно время существовала даже специальная редакция по отбору достойных для перевода произведений и подготовке их подстрочников под руководством Мурата Мухтаровича Ауэзова.

Именно Азат Сулеев выполнил подстрочный (дословный, технический) перевод повести Тахави Ахтанова “Серый аист”. В моём художественном переводе повесть выдержала четыре издания: сначала в издательстве “Жазушы”, затем во всесоюзном литературно-художественном журнале “Дружба народов” (Москва, 1963), и, поочерёдно, в московских издательствах — “Советский писатель” и “Художественная литература”.

Художественный перевод — дело исключительно творческое. Здесь и любовь к слову, языку, и кропотливое, добросовестное исследование текста, конъюнктуры, контекста, стилистической, языковой палитры автора оригинала — зачастую признанного, талантливого писателя. Больше всего во время работы над художественными переводами творений моих братьев — писателей-казахов я руководствовалась знаниями истории Родины, конкретного края, судьбы народа, знанием традиций, национальных обычаев, этики, эстетики, культуры.

Аромат бескрайних казахских степей, величие гор и рек, мудрость народа я стремилась передать читателю в переведённых мною на русский произведениях казахского народного творчества — сказках, юморесках, анекдотах. Академическое издание трёхтомника “Казахские сказки” (составитель и спецредактор — известный востоковед-фольклорист профессор М. Сидельников) вышло в кожаном переплёте, солидного формата, с вклейками на мелованной бумаге красочных иллюстраций, талантливо выполненных выдающимися художниками Евгением

Сидоркиным, Юрием Мингазитиновым, Сахи Романовым. Всех их теперь нет уже с нами, но все они остались живой легендой отечественной художественной графики. Значительное количество сказок этого издания фантастического, волшебного и юмористического жанров переведено было мною.

Издание было объёмным, над переводами сказок трудилось несколько переводчиков, в частности, очень талантливый Евгений Малюга, когда-то сосланный в Алма-Ату из Москвы. На Лейпцигской международной книжной ярмарке в Германии издание получило призовое место и памятную медаль. Именно тексты из этих трёх томов сегодня переиздаются миллионными тиражами, расплодившимися карликовыми издательствами без указания переводчика, конечно же, чтобы избежать уплаты гонораров от своих немалых доходов. Вместе с тем большинство из моих переводов по рекомендации казахского отделения ВААП (Всесоюзного агентства авторских прав) в своё время было издано в Чехословакии, Венгрии и Польше — везде, где есть казахская и русская диаспоры. Не в пример местным издательствам иностранцы гонорары выплатили.

С любопытством и азартом первооткрывателя «вгрызалась» в тексты уйгурского юмора во время их перевода на русский. Подстрочники сборника «Уйгурские юморески» были тщательно выполнены Муратом Хамраевым — собирателем и ценителем родного уйгурского фольклора, доктором филологических наук. Его перу принадлежит предисловие к сборнику.

Мурат был моим учеником, когда я после окончания университета работала учителем в средней школе № 58 города Алма-Аты. Был такой казус. В девятом классе Мурат вдруг исчез из дома, не появлялся он и в школе. Родители его знали, что я не только учитель, но и основной ценитель первых стихов Мурата, и во время поиска беглеца за советом обратились ко мне. Обнаружился Мурат сам, когда в Москве стал на комсомольский учёт и с милицией был сопровождён домой под присмотр строжайшего своего дедушки.

Особой гордостью считаю свой перевод романа талантливого писателя — классика казахской литературы, учёного-исследователя национальной истории Родины Ильяса Есенберлина «Золотые кони просыпаются» (на казахском языке «Аманат», русское название дано самим автором). Во время моей работы над текстом романа Ильяс оценивал и взвешивал каждое переведённое на русский слово, фразу, эпизод, образ. Известно, что писатель одинаково хорошо владел двумя языками, и первое время писал на русском, перейдя впоследствии на родной.

В своей работе над его романом я продвигалась не так скоро, как требовал издательский график и как бы хотелось автору. Высока была мера ответственности. Текст был намного объёмнее и сложнее моих предыдущих работ, изобилует присущими казахскому народу пословицами, поговорками, меткими образными выражениями. Приходилось или искать идентичное в русском, или переводить очень точно метко сказанное.

— Что это ты вот здесь пишешь? Как тот японец, который слова русской песни «И кто его знает, чего он моргает», перевёл: «Никто не знает, что у него с глазом!». Здесь идиома, она дословно не переводится. Ищи в русском, на то ты и переводчик! — горячился Ильяс.

Наконец перевод романа был одобрен автором и художественным советом издательства и вышел в свет сначала в “Жазушы” (1981), затем в “Советском писателе” (Москва, 1983). У меня хранится экземпляр романа с дарственной надписью: “Русской дочери казахского народа”. Так кратко и точно мог сказать только Ильяс.

А наше творческое знакомство началось с публикации моей отрицательной рецензии на качество перевода одного из первых его произведений “Песня о человеке”. Переводчиком был талантливый и яркий поэт Андрей Семёнов. По моему глубокому убеждению, чем самобытнее писатель, тем труднее ему следовать своеобразию творческой лаборатории другого мастера слова. Переводчик обязан передать для иноязычного читателя не просто смысл, но и стиль, первозданные краски и оттенки оригинала. Переводчик стоит особняком в цехе тружеников пера. Он и художник слова, образа и фразы, и дотошный исследователь не только того, что написано в оригинале, но и времени, которое воссоздаётся и в которое пишется произведение. “Соавтор”, как иногда называют переводчика, остаётся “за кадром”: его имя и фамилия редко выносятся на обложку, чаще — на титульный лист, в содержание, читателю часто невдомёк, кто перевёл для него так полюбившуюся книгу.

Захватывающим и увлекательным был для меня процесс перевода произведений мастера историко-психологической прозы Кабдеша Жумадилова. Роман “Зов” и небольшую повесть “Пролетают гуси” о возвращении в годы сталинизма беженцев-казахов из Китая на Родину, в Казахстан, с интересом прочли многие из моих студентов-филфаковцев. Они по-доброму удивлялись, что это их преподаватель перевела с казахского на русский произведения, содержание которых было для них интересным и волнующим. К этому времени я защитила кандидатскую и работала доцентом кафедры педагогики.

Учиться, чтоб учить

В пединститут меня привело врождённое любопытство к многообразию, многоликости жизни и человеческих проявлений, стремление к самоутверждению. Я шла, окрылённая мыслью: воздействие истинного учителя сродни воздействию истинно художественного произведения. Он также должен нести знание, заряд творческого взлёта и высочайшего гуманизма. Почти три десятка лет моего усердного труда редактором и переводчиком, видимо, исчерпали лимит моего интереса к этой работе, к тому же всё чаще просили перевести произведения, которые были лишь тусклым, а то и кривым отражением жизни. А ещё меня всегда интриговало: что там, за чопорным осознанием собственной значимости вузовского преподавателя?

Среди новых коллег было немало достойных, интересных людей, специалистов, без оглядки преданных своей профессии. Однако весь институт будто только и ждал появления грамотного редактора.

— Вы не могли бы отредактировать материалы моей будущей монографии? — первым заявил на меня свои права ректор. — Я пишу диссертацию, помогите в её литературной правке, — просил проректор. — Пожалуйста, отредактируйте рукопись моей статьи... брошюры... книги... диссертации, — просило сразу несколько преподавателей, аспирантов, докторантов.

Меня назначили ответственным секретарём редакции сборников научных трудов профессорско-преподавательского состава института, как тогда говорили — “на общественных началах”, т. е. бесплатно. Эту неблагодарную лямку я тянула в КазПИ более 20 лет. Платили лишь за учебную нагрузку, которой у меня было всего более тысячи часов в год. И опять моё всегдашнее рвение: чтобы отточить чтение лекций, я замещала всех заболевших преподавателей кафедры. Нагрузка выросла почти вдвое, платили же только за “ставку”.

По проблеме собственного исследования мною опубликовано в сборниках научных трудов Министерства просвещения Казахстана более пятидесяти статей, монография “Формирование активной жизненной позиции будущего учителя” (“Мектеп”, 1988). Много работала с аспирантами, докторантами — редактором, рецензентом, оппонентом.

Как член редколлегии многотиражной газеты института “Педагог”, я увидела необходимость организовать курсы студенческих корреспондентов. На них охотно и безвозмездно вели занятия приглашённые мною мои друзья по учёбе на журфаке КазГУ: профессора Амандосов, Дмитриевский, Матвиенко, Куканов, Крикунов и другие, а также практические работники “Казахстанской правды”, других газет. Отбоя не было от студентов, желающих посещать эти курсы, зачётом была публикация в “Педагоге”, в других газетах, “курсантам” выдавался диплом. В это же время я водила в детские дома Алматы сводные макаренковские студенческие отряды. Результаты были потрясающие. Но... но однажды у меня, наконец, вырвалось:

— Григорий Абрамович, что-то я стала уставать от такого объёма работы...

Наш бессменный в течение не одного десятилетия заведующий кафедрой — умнейший и милейший человек, педагог от Бога, профессор Уманов отшутился:

— Чего же вы хотите, Нина Павловна, инициатива всегда наказуема.

Да, выбор сделан был мною лично. И, видимо, не случайно косили на меня глазом мои строгие академические коллеги: многие студенты-филфаковцы, которых я с пристрастием учила грамотно, творчески и профессионально писать курсовые и дипломные работы, сценарии многочисленных воспитательных мероприятий, быть организаторами и режиссёрами, сегодня с успехом трудятся, увы, не в школе (по профилю вуза), а в газетах, на радио и телевидении. Всем известны имена журналистов, бывших филфаковцев, Владимира Рериха, Аркадия Арцишевского, Татьяны Дельцовой, Андрея Зубова, Валентины Ванкевич (Моисеевой), Константина Иванова и многих других. Не считаю, что здесь сказалось только моё влияние. На факультете творчески и самобытно трудились в это же время такие талантливые учёные-писатели, как Александр Жовтис, Виктор Бадиков и другие. До сих пор все, кто учился в то время в КазПИ, восхищённо вспоминают “поэтические пятницы” Александра Лазаревича.

Неожиданно для себя я обнаружила, что некоторые студенты-филфаковцы русского да и русско-казахского отделений совершенно незнакомы с казахстанской, особенно казахской, литературой. И не удивительно: казахская литература читалась будущим учителям средней школы — русистам в объёме спецкурса, 10 часов. Я провела анкетирование и узнала,

что студенты не отличают Габита от Габидена, к тому же, были такие ответы: “Прочитала “12 стульев”, автора не помню”. Результаты своих ошеломляющих “открытий” я доложила на конференции профессорско-преподавательского состава. Работать стало, мягко говоря, неуютно. Я вспомнила, что мне под семьдесят, и как добровольно пришла на вузовскую работу, так добровольно и ушла. На этом моя журналистская диверсия в вузовскую подготовку будущего учителя закончилась.

Но продолжают выходить переведённые мною книги. В 1993 году в издательстве “Жалын” вышла в авторизованном переводе на русский историческая повесть Берхаира Аманшина “В степном городке” о судьбе выдающегося общественного деятеля земли казахской — Бахытжане Каратаеве, о его жизни, любви, о репрессиях сталинского времени. Издательство “Жалын” время от времени переиздаёт в моём переводе и казахские сказки, но на очень плохой бумаге, с иллюстрациями удивительно беспомощных художников. Видимо, для хорошего издания надо искать спонсоров.

И всё чаще вспоминаю я сейчас, как в прежние годы с казахстанскими писателями часто ездили мы на встречи с читателями. Выступали со своими произведениями в сельских клубах, в поле, на заводах, шахтах, рудниках. Помню, в Кокчетавской области на полевом стане поэта Владимира Гундарева, ну и нас с Марфугой Айтхожиной, встречал слаженный, многозвучный, многоголосый сельский хор его песней “Деревенька моя”.

— Идите, идите скорее сюда, — кричала своим друзьям заведующая клубом в посёлке Светлое, — живые писатели приехали!

— Разве вас усопшие навещают? — пошутил Михаил Балыкин.

— Что вы, что вы, мы всё только классиков в школе изучали, а их же давно нет в живых!

Да... вот Кадыру Мурзалиеву, действительно, суждено быть классиком. После чтения им стихов на казахском, я читала их на русском в переводе московской поэтессы Татьяны Кузовлевой. Успех был потрясающим. В конце поездки Кадыр подарил мне свой сборник с надписью: “Нине Скалковской — дочери двух культур: русской и казахской”.

С поэтессой Аминой Шалабаевой, прозаиком Сергеем Никитиным я с удовольствием ездила по нашей общей с ними малой родине — Северному Казахстану.

*Тебя, о Родина, всем сердцем я люблю
И песню благодарности пою,
Земля отцов, ну как ты хороша,
Как широка, светла твоя душа.*

Эти несколько патетические, но искренние стихи Амины заканчивались не менее искренне:

*Моей ты стала правдой и судьбой,
Я дочь твоя, в долгу перед тобой.*

Мы в совхозе-миллионере “Рублёвском”, что под Петропавловском. Директор, Герой Социалистического Труда — немец, слушатели — русские, немцы. Амина читает стихи на казахском, низко кланяется слушателям. Раздаются дружные аплодисменты. Но мы понимаем, что не все здесь

знают казахский, нужен перевод. Прямо в гостинице Петропавловска, с помощью Амины, я и перевела на русский вышеприведённые строки её стихов. В дальнейшем после Амины я читала эти стихи на русском, в своём переводе.

С Рублёвкой у меня связаны особые воспоминания. Где-то в начале 30-х годов решили местные крестьяне построить здесь коммуны. И потянулись в Рублёвку все, кто мечтал о лучшей доле. Наш сосед Роман Бетехтин забил гвоздями ставни своей избушки, впряг в тележку единственную корову, усадил на вещички малых детей, и сами с женой пошли за возком в поисках счастья. Через три года, впряжённый сам в эту же тележку, Роман возвращался в родную деревню, в свою избёнку. За ним пешим ходом тянулись уныло жена и подростки. Коммуна развалилась. А вот в конце шестидесятых Рублёвка была целинным совхозом-миллионером.

Творчество Амины Шалабаевой сегодня мало известно, но это очень талантливая поэтесса своего времени. В родной мне Явленке её поэму “Тебе, сестра, посвящаю” в моём переводе, затаив дыхание, слушали несколько сотен бывших учащихся школы, где я училась, многочисленные мои тётушки, двоюродные, троюродные сёстры, племянники и племянницы. Село за столетие своего существования всё породнилось — кто сват, кто брат. Встреча и радовала, и волновала, но всё напоминало военное время, из которого и я сама вышла. Мужчин почти не было. Горький крест тридцать с лишним лет назад отгремевшей войны лежал на лицах многочисленных вдов, детей, выросших без отцов. И как же им были понятны строки поэзии Амины:

*Вот пришла желанная пора,
Воины с победой возвращались!
Ты ждала... Как ты, сестра, ждала.
Но чудес на свете не свершалось,
Не вернулся милый твой с войны,
Лишь упрямо дети подрастают,
У сынов уже свои сыны!*

Данью памяти сверстников своей юности считаю очерки о североказахстанцах, кокчетавцах, актюбинцах, южноказахстанцах, джамбульцах и кзылординцах в двухтомнике “Казахстанцы — Герои Советского Союза”. О восточноказахстанцах и алматинцах писали Фёдор Моргун и моя бывшая сокурсница Нина Калита-Журавлёва.

Звание Героя присваивали Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые подвиги. Но, совершив их, солдаты чаще всего оставались в этой земле навечно. Писать было сложно, сведения, которыми мы располагали, умещались на, казалось, чудом сохранившемся в архивах клочке тетрадного листочка. Скупая, коротенькая, как жизнь ребят, биография и заявление с просьбой перед боем считать комсомольцем или коммунистом. Мы изучали газетные материалы, в основном “Боевые листки” войсковой части. Боевой путь части, исход боёв отслеживался по монументальным томам вышедшей к тому времени “Истории Великой Отечественной войны”, много давала переписка с родными.

**Друзья: прозаик Калмухан Исабаев
и поэт Леонид Скалковский.**

За военные годы я имею медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, знак “Ветеран Великой Отечественной войны” и ещё несколько юбилейных наград, полученных в Дни Победы. В этот святой для нас день мы, друзья по литературному труду и по жизни, обычно собираемся вместе и вспоминаем. Вспоминаем ушедшее непростое время, свою жизнь, друзей, потери и победы. Леонид Васильевич Скалковский — кавалер ордена Александра Невского — вспомнит, как на Зееловских высотах при взятии Берлина был выбит весь комсостав полка, и он, младший лейтенант, взял командование на себя, и как прошли они под шквальным огнём к Рейхстагу. Поделится мыслями о своих интереснейших встречах и беседах с Мухтаром Омархановичем Ауэзовым. Калмухан Исабаев расскажет о том, как он прошёл пешком трассу будущего канала Иртыш — Караганда, о чём и написал книгу очерков. Расскажет, как недавно ездил открывать в Берлине улицу — “Абайштрассе”. Я поделюсь с друзьями своей сокровенной мечтой о том, что появятся отличные переводы новых талантливых произведений молодых писателей Казахстана.

Жизнь идёт, жизнь зовёт нас.

Алматы, 2004 г.-2007 г.

Юрий ПОПОВ,
краевед, почётный гражданин
Каркаралинского района
Карагандинской области

Вечное притяжение Сары-Арки

1. Павел Васильев на Кояндинской ярмарке

В 70-80 годы двадцатого века на страницах журналов и книг получили второе рождение стихотворения Павла Николаевича Васильева (1909—1937), русского поэта, рождённого на казахстанской земле. Интересный поэт, в котором, казалось, соприкоснулись два материка, Европа и Азия, Павел Васильев — певец евразийского мира. Вспомним строки из стихотворения “Ярмарка в Кояндах”:

*Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы,
И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару...
... В этот день поёт тяжелей
Лошадиный горячий пах, —
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Кояндах!..*

А вот ещё одно стихотворение, тоже написанное в Москве в тридцатые годы XX века:

*Я помню шумные ноздри скачек
У жеребцов из-под Коянды,
Некованых
Горевых
И горячих,
Глаза зажигающих
Кострами беды,
Прекрасных,
Июльскими травами сытых,
С витыми ручьями нечёсанных грив...
Они танцевали на задних копытах
И рвали губу, удила закусив.*

Строки пульсируют, бьются друг о друга, чтобы, в конце концов, стать гимном щедрости природы, непрерывного течения жизни...

Здесь самое время сказать несколько слов о Кояндинской ярмарке, с 1848 года ставшей заметным торговым центром Российской империи в степях Центрального Казахстана. На ярмарку съезжались жители и торговые люди Сибири, Поволжья, Урала, Средней Азии, Китая. Обороты ярмарки достигали 5-7 миллионов рублей. На продажу выставлялись 200 тыс. голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз. И, конечно, ярмарка

была местом развлечений для 10 тыс. ежедневных её посетителей. Соревновались акыны, акробаты, борцы, жокеи.

Регулярная торговля на ярмарке была прервана в период Гражданской войны и возобновилась только в 1923 году. С этого времени ярмарка действовала не только как торговый, но и как культурный центр степи. Появилась кинопередвижка, печатался “Ярмарочный вестник”, ставились спектакли на казахском языке, регулярно выступали акыны, певцы-импровизаторы, музыканты. Ярмарочный комитет практиковал проведение на степном празднике конных состязаний. Байга открывалась скачками на дальнее расстояние, в которых обычно участвовали сто юных всадников на лучших казахских лошадях.

Число 100 упоминается в хронике ярмарки. Повторяется оно и в стихотворении Павла Васильева. Это случайное совпадение заставляет по-особому вглядываться во впечатляющие васильевские строки.

Как известно, стихотворение “Ярмарка в Кояндах” появилось в февральской книжке журнала “Новый мир” за 1930 год. Что послужило толчком для его создания поэтом? Судя по публикациям, литературоведы, исследователи творчества П. Н. Васильева подобным вопросом не задавались. Возможно, катализатором послужило посещение поэтом Павлодара в 1928 или в 1929 годах. А вдруг Павел подростком посещал знаменитую ярмарку Центрального Казахстана? Семья Васильевых жила в Павлодаре до 1926 года, а потом выехала в Омск.

Чтобы найти ответ на свой вопрос, я занялся поиском людей, знавших Павла Васильева в годы детства и юности.

Первым откликнулся из Москвы журналист Георгий Фёдорович Пшеницын:

“С 1921 по 1926 годы — до окончания в Павлодаре школы II ступени — мы с Павлом, по существу, не расставались: учились вместе, дружили, и в своё свободное время он почти не отрывался от орбиты нашей семьи. Летом 1926 года Павел уехал из Павлодара и в Коянды уже попасть не мог. А до 1926 года он туда не ездил — во всяком случае, не могу припомнить такого факта. Яркие впечатления остались у Павла от рассказов деда по матери — выходца из старинной казацкой семьи, который немало живописал Павлу свои многочисленные торговые поездки. Могу только предполагать, что эти рассказы деда, расцвеченные фантазией поэта, и послужили основой для заинтересовавшего Вас стихотворения...”

Ключ к дальнейшим поискам я получил от того же Георгия Фёдоровича. В одной из поздравительных открыток он сделал приписку:

“Попробуйте обратиться к моей сестре Ираиде Фёдоровне. Она считается специалистом по юношеским годам поэта. Я же убеждён, что поездка в Коянды — поэтическая фантазия”.

Авторитет Ираиды Фёдоровны среди исследователей жизненного и творческого пути Павла Васильева высок. Она — подруга детства поэта. Более 60-ти лет хранит рукописный дневник Васильева за 1923 год. Записи сделаны во время путешествия на пароходе вверх по Иртышу до озера Зайсан и далее на лошадях в глубь Алтая. Ираида Фёдоровна сберегла автограф одного из ранних стихотворений поэта “Как этот год, ещё пройдут года...”. И. Ф. Пшеницына написала воспоминания о П. Н. Васильеве “Каким я его помню” (газета “Ленинская смена”, 27 декабря 1967 года).

И вот вчитываюсь в чёткие, уверенной рукой написанные строки Ираиды Фёдоровны, которые свидетельствуют о внимательном, серьёзном отношении автора к затрагиваемому вопросу.

“Родственников или близких знакомых в Каркаралинске у Васильевых не было. За годы жизни в Павлодаре я не помню, чтобы Павел Васильев мог поехать на ярмарку в Коянды (а это 1919—1926 годы), так как он непременно отразил бы это в красочных рассказах нам, его друзьям. Павел Васильев не мог быть в 1929 году в Кояндах на ярмарке, так как прислал мне письмо с Дальнего Востока, а оттуда поехал в Новосибирск. В 1929 году Павел в Павлодаре не был, он приезжал в 1928 году с Николаем Титовым и приходил к нам. А главное, в 1929 году в Казахстане широкой волной происходило раскулачивание кулаков и баев, реквизировали скот, так что было не до ярмарки.

Могу предложить Вам свою версию. Известно, что, кроме Павлодара, в детские годы Павла семья Васильева жила в Атбасаре и Петропавловске. Когда Павел стал учиться вместе с братом в школе, он часто бывал у нас. Он очень любил лошадей и не раз принимался рассказывать о том, каких красивых лошадей он видел в Атбасаре. Атбасар в переводе на русский язык — конский базар. Там он мог набраться впечатлений, да и рассказы взрослых о знаменитой Кояндинской ярмарке помогли...”.

Целиком разделяю мнение Ираиды Фёдоровны о том, что не всему из напечатанного о Павле Васильеве можно верить. Годы его жизни (1928—1929) наполнены романтикой путешествий по Сибири, Дальнему Востоку. В круговерти скитаний малодостоверным выглядит утверждение, что поэт мог посетить в этот период Кояндинскую ярмарку. По свидетельству поэта Сергея Поделкова, именно осенью 1929 года Павел Васильев на короткое время посещал Павлодар. Обнадёживающий факт! Но зачем, по какой причине нужна была эта поездка Васильеву? Почему о ней не знает, не помнит Ираида Фёдоровна? Догадок может быть множество. Но неожиданно сведения С. Поделкова получили подтверждение.

Почта доставила мне очередное письмо из Алма-Аты, где живёт ещё один школьный товарищ П. Н. Васильева. Ответил заслуженный лесовод Казахской ССР, кандидат сельскохозяйственных наук Сергей Николаевич Успенский:

“Со своим другом Павлом Васильевым я расстался в 1926 году. Павел уехал в Омск, а я — на учёбу в Боровской лесной техникум. В мае 1929 года, после окончания техникума, был назначен в Баянаульское лесничество помощником лесничего. В этом же 1929 году, дело было ранней осенью, проездом из Павлодара на Кояндинскую ярмарку в Баянаул заезжал Павел. Он узнал от моих родителей в Павлодаре о месте моего пребывания. К сожалению, наша встреча не состоялась по той причине, что я не был предупреждён и выбыл из Баянаула в отдалённые дачи на отвод лесосек. По возвращении мне вручили записку Павла, который был огорчён таким стечением обстоятельств. Не меньше был огорчён и я. Павел сообщал, что едет на Кояндинскую ярмарку познакомиться с ней воочию. Из Кояндов Павел в Баянаул не заезжал. Не состоялась наша встреча и в последующие годы (1933—1936), когда, обучаясь в Брянском лесотехническом институте, ездил на каникулы в Павлодар через Москву. Павла застать дома не удавалось, он бывал в отъезде. Встречаясь в Омске с матерью Павла Глафирой Матвеевной, я получал от неё информации. О жизни Павла, его успехах и неудачах... А в Баянаул вместе с Павлом приезжал ещё какой-то писатель или поэт, но фамилию его я позабыл...”.

Вот такие противоречивые сведения, в которых можно обнаружить, впрочем, и родственные, дополняющие друг друга детали, стали результатом закончившегося поиска.

Строки-воспоминания заставили ещё раз внимательно вчитаться в стихотворения и поэмы Павла Васильева. Читаешь и наяву ощущаешь, что васильевский стих питали родная земля и ветры буйной эпохи. В единую цепь объединяются историческое прошлое и пафос происходящих в стране перемен. Чувствуется, что всё услышанное (а может быть, и увиденное!) о ярмарке оставило глубокий след в жизни поэта. Коянды и Каркаралы Васильев упоминает не однажды в поэмах “Лето” и “Соляной бунт”, в стихотворении “Охота с беркутом”. Не забыт и Баянаул, воспетый в февралю 1930 года в стихотворении “Товарищ Джурбай”. Присутствие в творчестве Васильева этих наименований роднит недалеко расположенные друг от друга географические пункты Сары-Арки.

Васильев хорошо знал быт казахского народа, ценил его песенное искусство, записывал сюжеты казахских песен. Некоторые из них он облёк в форму русского свободного стиха. В сборнике переводов “Песни киргиз-казахов”, вышедшем в свет в 1932 году, Васильев поместил “Песню о Ленине”, “Находку на Бухтарме”, “Песню о Серке”, “Пыль”. В последнем стихотворении повествуется о казахском бедняке Амре Айтакове, путешествующем на верблюде в поисках Караганды. Появление шахтёрского города в поэзии Васильева весьма примечательно и заставляет нас ещё раз задуматься над маршрутом поэта (если только он был) по Сары-Арке в 1929 году.

В этот период в Каркаралинске, по архивным данным (Карагандинский областной государственный архив, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 37), работало агентство “Автотранспорт”, перевозившее пассажиров и грузы. Известно, что Васильев повторно в 1929 году Павлодар не посещал. Значит, остаются Семипалатинск или Акмолинск, откуда он мог выехать в Омск, к родителям. Логика подсказывает, что путь вёл поэта в Акмолинск, в который уже пришла ветка железной дороги. В таком случае, тропа странствий обязательно проходила мимо развивающихся карагандинских угольных копей.

Раскрывая книги Павла Васильева, мы переносимся далеко назад и прикасаемся к временам “грандиозной ломки и невиданных перемен” в стране. Поэт пишет о Турксибе, рыбаках Каспия, о новостройках Павлодара и Семипалатинска, коллективизации и изменении жизненного уклада степного края.

*Земля набухает, гудит и томится
Несобранной силой косматых снопов.
Зелёные стрелы взошедшей пшеницы
Проколют глазницы пустых черепов.
Так ждёт и готовится степь к перемене.
В песках, залежавшись, вскипает руда, —
И слушают чутко Советы селений,
Как ржут у предгорий, сливаясь, стада.*

(Васильев П. “Киргизия”, в сборнике “Стихотворения и поэмы”,
Алма-Ата, “Жазушы”, 1984, с. 37.)

Ниточка поиска продолжала между тем удлиняться. Кояндинский маршрут Павла Васильева дарил новые встречи, новые письма. Из Рязани написала дочь поэта Наталья Павловна. История создания стихотворения “Ярмарка в Кояндах” ей оказалась неизвестной, но сохранившиеся письма отца позволили ей сообщить о других, более поздних поездках поэта по Казахстану:

“В 1930 году летом отец написал маме письмо из Кзыл-Орды. Оно так и начинается: “Я в Кзыл-Орде...”. В письме он пишет, что собирается на Арал, на Балхаш, на Иссык-Куль. Удалось ли ему это? Я не знаю. Дальше писем об этом нет. В 1931 году он ездил на Арал, прямо в поезде он написал маме стихи с предисловием: “Вот стихи, посвящённые тебе. Написал в поезде, когда ехал на Арал...”. Это из моего архива, он единственный в Союзе, где есть автографы Павла Васильева”.

И ещё один волнующий момент поиска. Узнал адрес родного брата поэта — Виктора Николаевича Васильева. Он прислал из Омска фотографии родителей, газетную публикацию об отце Николае Корниловиче, по навету недоброжелателей репрессированного в 1940 году “за антисоветскую агитацию” (“Омская правда”, 1988, 23 июля).

Судьбы отца и сына Павла в конце жизненного пути оказались схожими — оба трагически погибли по необоснованным обвинениям. На главный вопрос моего письма — посещение Павлом Васильевым берегов озера Карасор, говорливой Кояндинской ярмарки — Виктор Николаевич был краток:

“Был ли Павел в Кояндах — я не знаю. Но если написана “Ярмарка в Кояндах” — значит, был брат там. Иначе как же? А вот отец с дедом были на какой-то ярмарке и купили там лошадь Карьку. Что касается стихотворения “Ярмарка в Кояндах”, то это прекрасное стихотворение. В Москве один из крупных поэтов сказал мне: “Никто, никогда в русской и советской поэзии ничего подобного не написал”. Совсем недавно, с 10 по 12 сентября 1988 года, я находился в Павлодаре. Состоялись торжества по случаю установления мемориальной доски на нашем доме по улице Чернышевского, 121: “Здесь, в этом доме, с 1919 по 1926 год жил советский поэт Павел Васильев”. Работает в Павлодаре и городская библиотека имени Павла Васильева, табличку с его именем носят дома одной из городских улиц...”.

Высказала свою точку зрения и Елена Александровна Вялова-Васильева, вдова поэта. Елена Александровна истоки “Ярмарки в Кояндах” видит уходящими в ранние годы поэта:

“Павел много рассказывал о своём детстве. Передаю то, что слышала от него. Дед его Корнил Ильич был неудержимым рассказчиком и сказочником. Большой любитель всевозможных забав и утех. Человек весёлый, общительный, добрый. Не пропускал общественных сборищ людей, объезжал базары, ярмарки вплоть до кулачных боёв, в которых принимал горячее участие. На эти увеселения брал своего любимца Павла. Думаю, что они не миновали и этой известной ярмарки.

Со стороны родных — Павел рос впечатлительным ребёнком, остро воспринимающим всё происходящее вокруг него. “Ярмарка в Кояндах” написана слишком реалистично, а реализм — это свойство всего творчества поэта...”.

Елена Александровна стала тем человеком, которому удалось подтвердить сообщение С. Н. Успенского о поездке Павла Васильева в Каркаралинские степи.

“Здесь, в Москве, — сообщала она, — живёт бывший житель Павлодара, драматург Суров Анатолий Александрович. Разговаривала с ним по телефону. Он учился в школе вместе с Павлом и на Кояндинской ярмарке бывал с ним. Напишите ему, он многое может рассказать о Павле Васильеве”.

Связаться с А. А. Суровым мне не пришлось, он умер в декабре 1987 года. Переписка с Еленой Александровной продолжалась до её кончины.

Она была отзывчива, очень скромна. Как-то упомянула в письме, что карагандинские места ей знакомы. Здесь она провела военные и послевоенные годы. Отбывала срок в Карагандинском лагере как “член семьи изменника Родины” Павла Васильева. В коротких записях Елена Александровна скупо вспоминает:

“Когда началась война, то все северные лагеря срочно эвакуировали. Это лагеря Кандалакша, Кондопога, Себежа, где я работала на бумажном комбинате. Лагеря эвакуировали по вполне понятной причине — подходил немец. В этапе мы были месяца полтора. Куда нас ни привозили — нигде не принимали. Лагеря были переполнены. Привезли на станцию Карабас. Держали там неделю-другую в жутких условиях. Нашему этапу — это 200 человек (все ЧСИР) — мест в бараке не было. Разместили между бараками на голой земле. Потом нас переправили на Центральный хутор. Это километров 20 от Долинки. Отсюда под конвоем распределили по животноводческим точкам — Жаман-Жол, Кулайгир, Гранитный, Ялта, Карашоки, Карабулат (ныне это территория Мичуринского района). Работали чабанами, принимали окот, готовили глину для самана — месили ногами. Работала учётчиком на овцеферме, все мы там переболели страшной болезнью — бруцеллёзом. Круг людей, с которыми я встречалась, был ограничен...”

В 1948 году нас объявили вольнонаёмными, и я поехала в Караганду. После всяких мытарств удалось устроиться в Актасе. Работала нормировщиком на шахте 105, а потом на автобазе. В 1956 году выехала в Москву...”

В разное время на карагандинской земле произошло скрещение судеб супругов Васильевых. Места, которые вдохновили поэта на создание ярких, самобытных стихов, стали для его жены краем жестоких испытаний.

Елена Александровна искренне любила и чтילה своего мужа до последних дней жизни. Рассказывая о своих мытарствах в Карлаге, она то и дело обращалась к имени дорогого человека. В строках её воспоминаний запечатлены поистине удивительные, иногда из области невозможного, события.

“Снегири”, с посвящением мне, написаны в тюрьме. Вот история создания стихотворения. В Москве в 1956 году в доме журналиста А. Гарри встретилась с одним человеком. Он отрекомендовался следователем Ильюшенко И. И. и добавил — бывший следователь, вёл дела работников искусств, художников, поэтов. И вот что он рассказал.

Вызывал Павла на допрос лишь для того, чтобы дать ему отдохнуть от кошмара в камере. Илья Игнатьевич занимался своими делами, а Павел сидел как бы в забытии. Однажды попросил у него бумагу и начал писать. Ильюшенко запомнил одно стихотворение “Снегири”. Павел ждал высылки на Север. Об этом говорит стихотворение от первой до последней строчки”.

Станислав Евгеньевич Черных — архивный работник Усть-Каменогорска. Автор книги о ряде известных исследователей Казахстана. Так же, как и я, имеет свидетельство С. Н. Успенского о приезде поэта в Баянаул осенью 1929 года. Черных предполагает, что возможным спутником Васильева был Ефим Николаевич Пермитин, главный редактор журнала “Охотник и рыбак Сибири”. С. Е. Черных является сторонником версии о

пребывании поэта на ярмарке именно в 1929 году. В заключение своего письма исследователь из Усть-Каменогорска сообщил:

“Собраны архивные свидетельства, его дневник и письма, большое количество воспоминаний о нём, фотографий, газетных публикаций. Первая часть книги о детских, отроческих и первых годах юности поэта (1919—1926) уже написана, опубликованы и “Воспоминания”. (“Воспоминания о Павле Васильеве”, Алма-Ата, 1989, 304 с.).

Будут ли известны все детали далёкой поездки Павла Васильева в Коянды, на ярмарку? Отыщутся ли новые свидетельства? На это хочется надеяться в будущем.

Жизнерадостная “Ярмарка в Кояндах” обязательно включается в каждый вновь издаваемый сборник стихов Павла Васильева. В его творческой жизни это стихотворение стало своеобразным рубежом поэтической зрелости. Как пишет литературовед А. Михайлов, “в “Ярмарке” уже бьётся, пульсирует, грозитя пламенем вспыхнуть молодая страсть, метаморфическое бушевание золотой овсяной пурги предвещает бурю”.

Поэт и прозаик А. И. Алдан-Семёнов памяти выдающегося мастера слова посвятил стихотворение “О Павле Васильеве”. В нём он сравнивает жизнелюбивую поэзию Васильева с вольными каркаралинскими орлами, которые продолжают парить над приветливой землёй Сары-Арки. Так же вечно будут жить стихи большого поэта, доставляя чувство радости новым поколениям, новым ценителям его творчества.

P.S. Процитированные письма в настоящее время хранятся в моём личном фонде в Карагандинском областном государственном архиве (ф. 1487).

2. Сын датчанина и англичанки в отрогах Чингизтау

Человек с такими корнями — этнограф Фёдор Артурович Фиельstrup — родился в Петербурге в 1889 году. Прожил всего 44 года, успев достичь определённой научной славы. В 1933 году в Ленинграде Ф. А. Фиельstrup был арестован по делу “Российской национальной партии” и во время следствия погиб от несчастного случая. Полвека спустя его имя вновь явилось из мглы забвения¹.

В среде специалистов Ф. А. Фиельstrup известен как участник многочисленных экспедиций этнографического характера. Своё первое путешествие он совершил будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, куда он поступил в 1908 году. В качестве переводчика сопровождал американских исследователей на Кавказ и в Монголию в 1913 году. В апреле 1914 года отправился в Южную Америку изучать индейские племена; за свою работу отмечен серебряной медалью Императорского Русского Географического общества.

После окончания университета в 1916 году Ф. А. Фиельструп — сотрудник музея антропологии и этнографии, Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран (КИПС) АН СССР, Русского музея. Почти ежегодно до 1933 года выезжал на полевые исследования в Казахстан, Крым, Киргизию, Кавказ; собрал обширный материал по этнографии тюркоязычных народов, который частично был опубликован ещё при его жизни². Из последних публикаций необходимо отметить его труд “Из обрядовой жизни киргизов начала XX века” (М, “Наука”, 2002, 300 с.).

Пребывание Ф. А. Фиельструпа в Казахстане в 1926 и 1927 годах связано с его участием, как сотрудника КИПС и этнографического отдела Русского музея в работах Казахстанской экспедиции АН СССР. Экспедиция была создана Особым комитетом по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) при АН СССР по решению правительства Казахской АССР. Планировалось комплексное изучение края, в том числе хозяйства, быта и традиций казахов. В составе экспедиции был учреждён антропологический отряд, который разделялся на два подотряда: этнографический и медико-антропологический. Первым подразделением руководил Ф. А. Фиельструп. Под его началом в 1927 году подотряд преодолел тысячекилометровый маршрут от Павлодара через Коянды, Сергиополь, Талды-Курган до Алма-Аты. Работа началась 22 июня в Павлодаре и завершилась 10 сентября в Алма-Ате³.

Автор переписывался с доктором исторических наук Балкис Халиловой Кармышевой, сотрудницей института этнологии и антропологии РАН. Из переписки стала ясна методика работы исследователя. Ф. А. Фиельструп выделял разделы по землепользованию, скотоводству, охоте, типам и обстановке летних и зимних жилищ, духовной культуре и пр. Собранные данные заполнили три полевых тетради. Параллельно велись записи в отдельном дневнике, где фиксировались имена корреспондентов и примечательные события. И если полевые тетради исследователя в той или иной степени введены в научный оборот, то дневники совершенно неизвестны современным учёным. Имена тех, кто открывал для Ф. А. Фиельструпа народные сокровищницы, остаются закрытыми для широкой публики.

В процессе переписки с Б. Х. Кармышевой у автора появилось желание проследить судьбы казахстанцев, с которыми судьба свела Ф. А. Фиельструпа летом 1927 года. Присланные Б. Х. Кармышевой выписки из дневников Ф. А. Фиельструпа с 22 июня по 31 июля фиксируют некоторые встречи ленинградского этнографа в степях Центрального Казахстана.

Если следовать поисковой логике, подкрепляя её доступными фактами, обнаружится, что Ф. А. Фиельструпа по ходу маршрута ждали встречи с очень известными в Казахстане людьми. Почему именно Сары-Арку одарил этнограф своим исследовательским вниманием? Не сыграли ли здесь главную роль казахская студенческая диаспора, с которой он общался в Ленинграде? Из этого круга привожу фамилии двух будущих академиков — писателя М. О. Ауэзова и археолога А. Ж. Маргулана. Знаком был Ф. А. Фиельструп и с сотрудником Казахстанской экспедиции АН СССР А. Н. Букейхановым. Следует отметить, все трое названных — уроженцы Сары-Арки, её верные почитатели и знатоки Павлодарского, Каркаралинского и Семипалатинского уездов. Именно отсюда, из степей, попадавших

в орбиту административного и культурного влияния Омска, в различные музеи Российской империи доставлялись экспонаты быта казахского народа. Обратимся к дневникам Ф. А. Фиельструпа.

22 июня, среда. Утром прибыли в Павлодар. Здесь купили ходок и наняли лошадей до Баян-Аула.

Так путешественники оказались в самом центре расселения казахов рода Суюндюк, обитавших возле горного хребта Баян-Аул. Казахские семейства рода Суюндюк были жителями Аккелинской, Баян-Аульской, Далбинской, Акбеттауской, Кызылтауской, Атагозинской, Кармолинской и Шакшанской волостей Павлодарского уезда. Летом степняки кочевали в долинах рек Уленты, Шидерты и Ащису, на зимовку становились в ущельях гор Баян-Аул, Кызылтау и Калмак-Кырган. Ряд волостей возглавляли управители из семейства полковника султана Мусы Чорманова. Среди них Мустафа Чорманов, Аужан Чорманов, Билял Мусин Чорманов, Баттал Мустафин Чорманов, Шахизинда Чорманов и другие, о каждом из них сохранились в подшивках омских газет скупые казённые сведения. Ко времени прибытия в Сары-Арку Ф. А. Фиельструпа некоторых из них уже не было в живых.

К сожалению, совсем незадолго до приезда Фиельструпа покинул этот мир и яркий представитель своего рода Садвокас Мусин Чорманов (1849—1927), с которым, предположительно, обязательно захотел бы встретиться ленинградский гость.

Садвокас Чорманов — участник коронационных торжеств Александра III в Москве в 1883 году и участник встречи цесаревича Николая в Омске.

15 июля 1891 года в 12-ти верстах от Омска в специально устроенном казахском ауле встречали Цесаревича Николая Александровича. Старейшие султаны Степи — Чингиз Валиханов (Акмолинская область), Ислам Алиханов (Семипалатинская область) и Султан Найманханов (Семиреченская область) — преподнесли наследнику серебряное блюдо с золочёной чашей, наполненной кумысом, с крышкой в виде верхней части юрты (шанырак). Из других даров отметим подношения от рода Суюндюк. Садвокас Мусин Чорманов (Аккелинская волость) удивил седлом “сиванского образца с серебряными украшениями”, его земляк Хусаин Боштаев — кожаным поясом и сумкой для денег (ксе).

В 1904 году в связи с событиями на Дальнем Востоке казахи Аккелинской и Баян-Аульской волостей в числе 10 человек передали на нужды военного ведомства по одной строевой лошади. Император одобрил поступок: “искренне благодарю всех за выраженные чувства и пожертвования”. 23 июня 1904 года Степной генерал-губернатор для всеобщего сведения издаёт приказ с выражением благодарности степным патриотам. Перечислю их имена: Садвокас Мусин Чорманов, Ахмет-Жусип Мусин Чорманов, Ахмет-Кабир Мусин Чорманов, Шахизинда Исин Чорманов, Жармухамед Билялов Чорманов, Мухаммед-Рахим Шахизинда Чорманов, Жамал Аужанов Чорманов, Нариман Амиров, Аширбек Жумабеков и Бекжан Жортогулов⁴.

Садвокас Чорманов неоднократно входил в число гласных и приносящих заседателей Павлодарского уезда. В списках заседателей он упоминается как штабс-офицерский сын, потомственный дворянин. Среднее образование Садвокас Чорманов получил в Омской гимназии и, следовательно, “грамоту разумел”.

25 мая 1905 года Степной генерал-губернатор утвердил Садвокаса Чорманова в должности почётного блюстителя Аккелинской русско-киргизской аульной школы. Стараниями Чормановых для школы было выстроено деревянное одноэтажное здание. Находилось оно в ауле № 1, старшиной которого много лет был Имантай Сатпаев — отец академика Каныша Сатпаева. Над школой шефствовали также Жармухамед, Жанмухамед и Нурмухамед Биляловы, Магаз Жамиев, Садык Батталов и другие родственники Садвокаса. Здание школы автор увидел в 1965 году — с пустыми окнами, без дверей — на широкой улице посёлка Тендык, выросшего на месте аула № 1. Примечательно, что при нехватке топлива местные жители не разобрали на дрова этот открытый всем ветрам музейный экспонат.

Садвокас Мусин Чорманов активно сотрудничал с некоторыми газетами, издававшимися в то время. Только в Особых прибавлениях к “Акмолинским областным ведомостям” я насчитал около тридцати корреспонденций Чорманова. Он сообщает о быте степняков, погоде, торговле, о ярмарках. Садвокас Чорманов писал, что не переводится барымта, но растёт грамотность, влияние мулл, развиваются ремёсла, ближе стало земледелие. Для хлебопашцев он и открыл в 1890 году мельницу. Некоторые заметки посвящены приёмам охоты с беркутом, способам истребления волков. В 1907 году в Казани вышла книга С. Чорманова “Аншы” (“Охотник”).

Однако, и без Садвокаса Чорманова у Ф. А. Фиельструпа не было недостатка в добровольных корреспондентах.

28 июня. Вторник. Привал в посёлке. Приехали дети Кабыша и Жами Чормановых — братьев умершего Садвокаса Чорманова. Остановились ночевать у придорожного аула Сарычеку.

29 июня, среда. К закату солнца приехали на Караколь. Поставили палатку в небольшой группе юрт отца Нукуша (Нуркуша) Чорманова.

Примечание: Озеро Караколь расположено в восточной части Карагандинской области. Сохранилась фотография, сделанная Ф. А. Фиельструпом на Караколе. Указано, что это семья Зинды Чорманова в юрте на фоне тускииза, казахи рода Каржас. На фотографии 7 человек, один из них — Уали Каримович Исин, 1925 г. р., впоследствии житель Караганды. Вот его рассказ, записанный автором, о судьбах людей, запечатлённых на редкостной фотографии:

“Я сижу на руках у бабушки Майды. Рядом с ней дедушка Шахизинда, остальные четверо — это сыновья деда. Слева направо: мой отец Карим, его братья Баки, Али и Рафик. Все мы потомки Чормана, сына Кушика, но фамилии у нас разные. В 1928 году после конфискации стали кто Исины (по деду), кто Кушиковы (по прадеду)”.

Уали Каримович показал мне документы о конфискации имущества Чормановых. Шахизинда, 65 лет, дворянин, белая кость, с семьёй из пяти душ имел 1148 голов скота. Скот, а также деревянный дом, 3 юрты, сенокосилка, 7 повозок и другое имущество конфискованы. У Карима конфисковано 348 голов скота, у Жами, сына Мусы Чорманова, 506 голов, у Нукуша, сына Биляла, внука Мусы, — 152 головы скота.

Кстати, Нукуш был грамотным человеком, окончил городское училище и был переводчиком у Ф. А. Фиельструпа.

Чормановых из родных мест выслали в Актюбинск. Затем они перебрались в Сибирь, где спасались от голода многие казахи. Шахизинда умер в ауле Карабас Марьяновского района Омской области.

Мой рассказчик, Уали Каримович, в 1940 году научился работать на тракторе. С 1942 по 1947 годы был на фронте и служил в армии. Позже с отцом и матерью переехал в Караганду, работал шахтёром на шахте № 37. Начиная проходчиком, а закончил в 1990 году уже ствольным.

Из тех Чормановых, что упоминаются в дневнике Ф. А. Фиельструпа, Жами умер в ссылке в Актюбинске. Нукуш, Карим, Баки, Али и Рафик окончили свои дни в Караганде.

30 июня, четверг. Посещение кибитки покойного Садвокаса с соболезнованиями. Там познакомился с председателем исполкома Семипалатинского уезда Мухтаром, уроженцем этого аула, энергичным партийцем, который прибыл сюда по земельным делам.

Примечание: Здесь упоминается Мухтар Саматов (1894—1938). Русское образование получил в Омске, где вместе с С. Сейфуллиным создал молодёжную организацию “Бирлик” (“Единство”). Член Омского комитета партии “Алаш-Орда”. В 1921–1937 гг. работал наркомом продовольствия КАССР, директором Казгосиздата, председателем Семипалатинского губисполкома (а не уезда, как записал Ф. А. Фиельструп). Член КПСС с 1920 года, делегат ряда краевых партийных конференций, II и III съезда Советов Казахстана, член президиума ЦИК Казахской ССР. Расстрелян как “враг народа”, реабилитирован.

2 июля, суббота. Сороковины со дня смерти Садвокаса отмечаются на 39-й день. Родственники приехали издалека, привели трёх лошадей на заклание и привезли кумыс.

Примечание: Судя по этой записи, дата смерти Садвокаса Чорманова приходится на 23 мая 1927 года.

4 июля, понедельник. Купил у Нукуша лошадей. Записал кое-что у Асфандияра.

Примечание: Асфандияр Эмирович Чорманов (1894—1971). Получил образование в Баян-Ауле, Семипалатинске и Омске, по специальности агроном. В начале 1920-х годов работал в Каркаралинском уездном земельном управлении, преподавал в Каркаралинском педагогическом техникуме. Затем переведён в Павлодар. Из Павлодара в связи с начавшимися гонениями на старых специалистов выехал в Новосибирск, где устроился на работу в научно-исследовательский институт. Здесь в 1935 году был арестован и три года провёл в тюрьме. В 1938 году высылка в Канский район Красноярского края на 5 лет. После войны переехал в Алма-Ату, где долгое время был занят работой в Казгоссемфонде. По отзывам современников — обаятельный человек очень красивой внешности.

Сведения сообщила автору Магмура Асфандиярова в 1993 году.

5 июля, вторник. Поехали дальше с Нукушем.

6 июля, среда. Направились в Шоптиколь. Начало службы Катая, конюха. В степи беспокойно: бедняки, поддерживаемые новыми властями, хотели под зимовки занять летние пастбища, а состоятельные боялись, что начнётся бескормица, тем более что травы были плохи. По дороге на Шоптиколь плутали.

Примечание: Профессор КарГУ имени Е. А. Букетова Дюсетай Аймагамбетович Шаймуханов в 1947–1948 годах учительствовал в Семиз-Бугы и Ульге, в беседе со мной заметил:

“Ты сообщаешь, возчиком Фиельструпа был Катай, но фамилию не разгадал. Тут я тебе помогу. Человека звали Катай Жалаков. Он много лет работал на руднике Семиз-Бугы. Там и надо искать его следы. В поселке Ботакара здравствует племянница Катая”.

А вот что рассказала племянница Катая Жалакова:

“Жалаковых в Семиз-Бугы было четверо братьев: Есен, Касимбек, Катай и Кумшек. Все они трудились на руднике. Жизнь Катая завершилась в 1956 году в результате несчастного случая, когда он попал под бульдозер. Возможно, Катай кому-то и рассказывал о своей поездке с учёным, но до меня эта весть не дошла.

7 июля, четверг. Минутная остановка в Торткулаке (вероятно, речь идёт о Торткуле, известном как отделение совхоза им. Бабаева. — Ю. П.). Потом основательно плутали.

8 июля, пятница. Попалось деревянное здание, называемое медресе. Там зимовал некий ишан. Ныне он был на летовке. Приехали в Шоптиколь. Там указали ближайшую дорогу в Коктас. В Коктасе хорошо проработали в жаркое время дня, а потом поехали в Шатан, намереваясь остановиться у известного ишана Жумаша — основателя медресе. Шатан — огромная площадь степей у подножья гор Семиз-Бугы, покрытая множеством аулов. В одном из аулов мы нашли ишана в гостях, приняли участие в пиришестве, устроенном для него в маленькой кибитке. Ночевали у ишана. Он произвёл не очень приятное впечатление. К тому же неумный. И информатором оказался плохим. Гораздо лучшее впечатление произвёл его сын.

Примечание: Судя по записям за 5-8 июля, экспедиция от Караколя через степи Бухар-Жирауского района Карагандинской области устремилась к озеру Карасор, на берегу которого действовала Кояндинская ярмарка. Из-за плохого знания дороги экспедиция несколько отклонилась к востоку и оказалась вблизи почтового тракта Каркаралинск — Павлодар (урочище Шоптиколь).

9 июля, суббота. Выехали рано. Ехали, оглябая Семиз-Бугы с юга. В 11 утра остановились переждать жару в одном из многочисленных аулов на реке Ащису. Поехали в соседний аул повидаться со стариком 93-х лет, бывший певец, но информатор он был неважный, в основном говорил о себе. Он был в лейб-гвардии Крымского полка, участвовал в завоевании Туркестана. Вернувшись от старика и напившись чая, отправились дальше к обширной летовке в районе могилы Барака. По дороге встретили много едущих в Коянды. Неподалёку в одном ауле (в виду озера Карасор) поставили палатку, наметили аул, где провести 3-4 дня, и там заночевали.

Примечание: Карасор — самое большое озеро Сары-Арки. Площадь 154 кв. км, длина 43,5 км, длина береговой линии 103 км, объём воды 160,0 млн. куб. м. Озеро обладает запасами лечебных грязей. В составе воды высокое содержание йода, фтора, брома и бора.

А вот над личностью 93-летнего старика пришлось поломать голову! Интуитивно чувствовалась близость разгадки, и скрывалась она за фразой об участии аксакала в походе царских войск в Среднюю Азию. Правда, и здесь был один неясный момент. В XIX веке неродовитые казахи не призывались в войска, но и солгать старый человек не мог. Значит, было что-то необыкновенное, исключительное в судьбе старого певца. Стал перебирать имена знаменитых людей здешних мест и вычислил-таки безыменного старика.

Ф. А. Фиельструп беседовал с казахским композитором, певцом и акыном Мусой Байжанулы из рода Айдабол. Он был известен в народе ещё и как Жаяу Муса (пеший Муса). Последние годы жил в родной Далбинской волости, где в 1929 году был похоронен в урочище Акшоки Баянаульского района. Родился певец в 1835 году, и на момент встречи с Ф. А. Фиельstrupом ему действительно шел 93-й год. Принимал участие в походе генерала Черняева против Кокандского ханства. Жизнь Мусы богата разными событиями. Он самостоятельно выучился русскому языку ещё в 1851 году в Петропавловске. В Омске два года учился в Азиатской школе. Был знаком с газетами, издаваемыми в Петербурге, Москве, Казани, Оренбурге. В 1860 году приговорён к ссылке на 12 лет, которая по просьбе поэта заменена службой в армии. Был зачислен в отряд поручика Султангазы Валиханова, двоюродного брата

Чокана Валиханова. В составе этого отряда участвовал в подавлении польского восстания. В 1863 году был в Риге и Вильно. Автор многих песен, таких, как "Аксиса", "Шолпан", "Баянаул", "Суяндык", "Каршыга", "Улытау" и других. Рукописи Жаяу Мусы найдены в архивах Омска, Санкт-Петербурга, Казани, Алма-Аты. Нотные записи его песен и кюев сделаны А. В. Затаевичем, А. К. Жубановым, Б. Г. Ерзаковичем. Песни Жаяу Мусы исполняли казахские певцы К. Бабаков, К. Байжанов, А. Кашаубаев, К. Лекеров, Е. Серкебаев, К. Байбосынов. Образ певца воссоздан в ряде книг, среди которых выделяется труд З. Коспакова "Жаяу Муса Байжанов", изданный в 1974 году в Москве.

Муса Байжанов до революции делал попытки публикации своих произведений, но удавалось не всё. Вот один из отзывов на представленные в редакцию стихи:

"Присланные киргизом Павлодарского уезда Мусой Байжановым стихи не могут быть напечатаны. Если Байжанов доставит в редакцию предлагаемые им биографии Аблай-хана и Олжабая и сведения по обычному праву киргиз, то эти материалы, как составляющие прямой интерес для киргиз, будут приняты с благодарностью".

10 июля, воскресенье. Утром, сложив все пожитки в палатке, оставили их хозяину на хранение, а сами поехали на ярмарку в Коянды. Место нашей стоянки — такыр Тастыбай. Хозяин нам сопутствовал. Громадная площадь ярмарки теперь уже совсем пуста: все лавки и склады складываются, упаковываются, разъезжаются. Многих нужных предметов уже нет. После долгих поисков нашли подковы, поставили крюк с вальком на ходке и вернулись в аул до заката. От ярмарки это было 10-12 вёрст.

Примечание: Кояндинская ярмарка входила в число пяти наиболее крупных торговых центров Казахстана. В 1927 году оборот ярмарки составил 1 млн. 620,9 тыс. рублей, продано было 61445 голов овец. Участвовали представители частных предприятий и кооперативов из Сибири, Урала, Украины, Москвы, Узбекистана, Китая. Срок действия ярмарки был установлен с 15 июня по 15 июля и строго выполнялся.

11 июля, понедельник. С утра работал (писал, фотографировал), через 6-7 вёрст аул хаджи Баймуха (правильно Баймухамбета, — Ю. П.). Его не было дома, но мы были приняты и вели оживлённые разговоры с большим обществом женщин на темы, им близкие — туалет и дети. Когда ставили палатку, приехал хозяин. Расспросы были осторожные, а потом более дружественные. Хозяин не произвёл на меня впечатления мудрости, как его нам рекомендовали. Любезно предложил беседовать завтра, а сам тут же прибавил, что едет завтра в Коянды по делу.

12 июля, вторник. После недолгих расспросов по программе, хаджи поехал на нашем ходке в Коянды, а нам предоставил пару хороших лошадей под седлом в сопровождении его младшего сына, ученика Каркаралинской учительской семинарии. За день мы совершали объезд ближайших

долин к западу от нашей стоянки и посетили два аула. Один бедняцкий, где я через силу задавал вопросы из-за подозрительного отношения к себе. Сделав снимок с одного жаппа (шалаша), я отправился дальше. В соседней долине искомого хозяина не было дома. Поехали дальше и провели, наконец, много времени у аксакала Якупа, который угощал нас хорошо и рассказывал, отвечая охотно на вопросы. Сделали несколько снимков. Вернулись, когда уже смеркалось. Хаджи уже был дома и после ужина рассказывал нам о своём паломничестве в Мекку.

Примечание: В отношении Каркаралинской учительской семинарии Ф. А. Фиельструп получил неверную информацию. В действительности в Каркаралинске действовал Казахский педагогический техникум, первый выпуск которого состоялся в 1926 году. Сохранился снимок аксакала Якупа Тукушева (Токушева), 56 лет, с сыном Хамитом, 23 лет, и двумя младшими сыновьями.

Среднего из сыновей Фиельструп сфотографировал с белым верблюжонком, особо почитаемого казахами из-за цвета шерсти. Верблюжонок покрыт светлой войлочной попоной, украшенной аппликацией в виде ромбов и треугольников. На шее амулет — повод из пёстрого (чёрный с белым) аркана. Все эти атрибуты имели охранное значение, были защитой от дурного глаза. Как записал Ф. А. Фиельструп, снимки сделаны в урочище Бестакыр подле озера Карасор. Люди относятся к роду Каракесек из племени аргын.

13 июля, среда. С утра, после тяжёлых чаёв и кумыса занялся “экзаменом” хаджи. Мы перешли на приметы и пословицы и из границ этого так и не выбрались. Хаджи многословен, но так и не оставил впечатления большого знатока своей старины. Во вторую половину дня выехали дальше и направились к мавзолею Барака, т. е. к северу и немного к востоку. Мавзолей я сфотографировал. В намеченном ауле хозяин был в отъезде. Принял его сын (служит по рабпросу, а жена его, полутатарка, — в женотделе). Приняли нас хорошо, но дела мне здесь мало. Привели старика — пастуха. Записал от него кое-что по скотоводству.

Примечание: О мавзолее Барака никаких сведений в литературных источниках я не нашёл. Ничего не могли поведать и местные старожилы. Единственную догадку высказал каркаралинский краевед Абиля Ақынов. Он считает, что в мавзолее мог быть похоронен султан Барак из рода Найман, с которым встречался во время своего путешествия по Сары-Арке в 1846 году ссыльный из Польши Адольф Янушкевич. Действительно, имя Барака неоднократно встречается на страницах книги А. Янушкевича “Дневники и письма из путешествий по Казахским степям” (Алма-Ата, 1966 г.). Однако предположение Абиля требует тщательной проверки.

14 июля, четверг. С утра собрались и после утреннего кумыса поехали дальше. “Дороги” в пути было мало. Торкались от аула к аулу ещё не доходя до Магат-хаджи, до которого считалось 25 вёрст. Я обнаружил, что мы находимся в движении уже около 4-х часов. Обнаружил это в одном ауле, куда меня заманила сверкающая вдали отау (свадебная юрта, юрта молодожёнов. — Ю. П.), богато отороченная вышивкой снаружи. Там я сделал три снимка снаружи и внутри и выпил кумыса в большом количестве в пёстром обществе и в большой пёстро и как-то бестолково обставленной кибитке. Вскоре после этого приехали к Магат-хаджи. Он принял нас в косе (маленькая походная юрта, где временно живут рабочие) и где были и другие гости. Потом ушёл и вернулся во время чая. Тут он сразу заявил, что ничего о старине и прочем рассказывать мне не будет, потому что слишком обеспокоен и выбит из колеи как заключением своего

брата, который сидит в Семипалатинской тюрьме, так и вообще поведением и гонениями со стороны коммунистов. Только что перед нами проезжали милиционеры и один русский. Забрали лучших лошадей и уехали. Всё это заставило его нервничать. Я начал уже отчаиваться, но потом всё-таки кое-как дело уладилось, и он обещал вечером, когда вернётся из поездки, дать мне аудиенцию. День провели в угощениях и разговорах, а вечером пару часов мы беседовали.

Примечание: Магату-хаджи Акаеву в 1927 году было под 70 лет. В начале XX века он совершил паломничество в Мекку. Его родовые земли располагались на территории Кувской волости Каркаралинского уезда. Магат со своим братом Хасеном были степными магнатами, одними из авторитетных жителей округа. Незадолго до встречи Магата-хаджи с Ф. А. Фиельструпом Хасен был арестован под предлогом покровительства конокраду Каскашу, вскоре освобождён и выехал в Петропавловск. В 1928 году имущество Магата-хаджи было конфисковано, сам он сослан в Кустанай, где умер в 1929 году. Наиболее полные данные о Магате и Хасене Акаевых сосредоточены в делах КНБ РК в г. Караганде.

15 июля, пятница. Магат-хаджи рано утром уехал на последний ярмарочный день в Коянды, а мы отправились налегке к следующему из намеченных лиц — Мухаметали, также очень почтенному и знающему человеку, но иного характера и склада. Хорошего роста, энергичный, с громким голосом, поэт и увлекающийся в речи. Он принял нас хорошо, угостил, чем мог (он не из богатых) и охотно отвечал на мои расспросы. В обратный путь мы пустились около 8 вечера и приехали в аул Магат-хаджи уже когда стемнело. Мухаметали приехал вместе с нами, и в обществе обоих стариков я рассматривал дальнейший маршрут. Потом беседовали и после полуночи ели мясо и пили кумыс. Спать легли в третьем часу ночи.

Примечание: В дневнике идёт речь о Мухаметали Толыбаеве (Толабаеве, Толубаеве), история жизни которого ещё ждёт своего исследователя.

Знаменитый артист Калибек Куанышбаев на вопрос писателя Н. И. Анова, кто помог найти ему призвание в жизни, ответил:

“Мухамет-Али Толыбаев, житель каркаралинского аула Сарытау. Это был старый и мудрый человек. Аксакала восхищали стихи казахских поэтов. Он с любовью записывал их в толстую книгу... Со слов моей матери он записал песню-плач”.

Известно, что М. Толыбаев пытался сотрудничать и с редакциями периодических изданий.

В 1905 году Мухамет Толыбаев казахами Аксаринской волости был направлен на Кояндинскую ярмарку. Здесь 42 доверенных лица подписали петицию на Высочайшее имя. В петиции шла речь о предоставлении казахам равных прав наряду с другими народами Российской империи.

В 1909 году в ауле М. Толыбаева был писатель М. М. Пришвин. Вполне вероятно, что писатель воспользовался рассказами М. Толыбаева для своих публикаций о путешествии по казахской степи.

Как вспоминают каркаралинские старожилы, Мухаметали был поэтом, импровизатором. Говорил азартно, его с интересом слушали. Хорошо знал произведение Абая. Знал народное ремесло, изготавливал красивые казахские сёдла, конские сбруи с украшениями.

Мухаметали обучил пению и привил любовь к казахским песням своему внуку Мурату Магазулы Толыбаеву. Впоследствии Мурат Толыбаев стал известным певцом, артистом Казахского театра оперы и балета. Исполнял главные партии в операх “Жалбыр”, “Ер-Таргын”, “Дударай”, “Абай” и других. Удостоен почётного звания — заслуженный артист Казахской ССР.

Ф. А. Фиельструп получил от Мухаметали разнообразную информацию, по вопросам кочевания он записал:

Расстояние дневного перехода — вёрст 15. Овцы выходят рано утром, до каравана, и вечером встречаются на ночном привале. Лошади отправляются позже каравана и на ночную стоянку приходят позже каравана. Лошадь требует чистой воды, в то время как овцы и коровы менее взыскательны. Лошадей гонят по прямой дороге, т. к. днём они не пасутся, это относится и к крупному рогатому скоту. Пасутся днём одни овцы, они идут в стороне от дороги, где могут щипать траву в пути...

18 июня 1994 года для меня настал миг большой удачи. На столе письмо от Гульзифы Мухаметгалиевны Толыбаевой — дочери разыскиваемого мною жителя аула Сарытау. Она 1934 г. р., бывший партийно-советский работник, персональный пенсионер республиканского значения. Сведения о своём отце стала собирать давно. Есть и публикации. В пяти номерах газеты “Орталык Казахстан” за 1991 год вышли её эссе “Арман — адам-ка канат” (“Мечта окрыляет человека”), которые навеяны личными впечатлениями от поездки на родину отца в совхоз им. Мартбека Мамраева. Цитирую её слова из письма ко мне:

“До 1932 года кыстау и джайляу Мухаметали находилось в местности Такыргак (Оголённое). С 1932 по 1934 годы отец жил у подножия горы Сырлы — это на расстоянии 6-7 км от центра совхоза им. М. Мамраева. Здесь растёт декоративный кустарник в рост выше человека и красуются берёзки, высаженные рукой Мухаметали. В ауле был артезианский колодец. Кыстау отца сохранялось долго, и только в 1989-1990 годах было разрушено не стихией природы, а человеческой рукой — нужен был стройматериал. Но на верхушке холма оставлены фундаменты зимовки...”⁵.

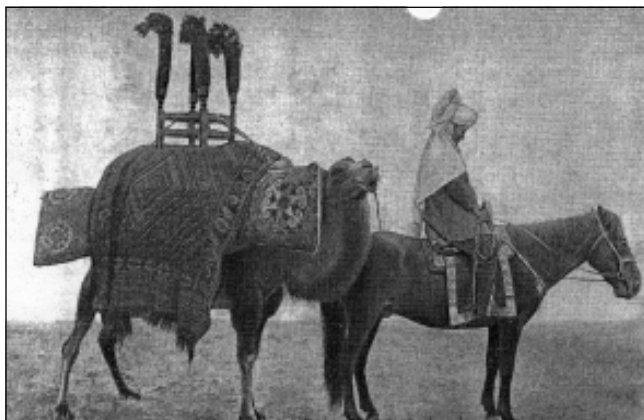
Каждый казах стремится знать своих предков до 7-го колена. Отцом Мухаметали был Толыбай, дед — Кожанай, и далее Едрей, Борибай, Байназар, Кудайберли и Булбул. У Булбула было несколько детей и в их числе острослов Шаншар, от которого через Келитбек-би, Казыбек-би, Бекболат-би, Тленши-би, Альшынбай-би и Бапи появился Мади. Таким образом, Мухаметали и поэт Мади Бапиев были родственниками и жили в одно время.

По переписи 1898 года потомки родовой ветви Кудайберли обитали в пределах Аксаринской волости. В административных границах аула № 2 их насчитывалось 1307, аула № 3 — 1256 человек. В списке аксакалов есть Орташ Кожанайулы, дядя Мухаметали. Но ни самого Мухаметали, ни его отца в списках нет. Это характеризует их как небогатых хозяев, кочевавших с аулом более состоятельного родственника. А вот какого именно, сказать не могу. Необходимо изучение поаульных списков жителей в Центральном архиве РК. В Караганде живёт сейчас Шакер Искакова, внучка Орташа. Учительница по профессии, она была в числе первых депутатов Верховного Совета Казахской ССР. У Кожаная, кроме Толыбая и Орташа, был и третий сын Сатибай. Его внук, Рахимбек Саттибаев, работал в Каркаралинском РОВД.

В 1934 году Мухаметали переехал в Алма-Ату. По инициативе Сакена Сейфуллина и Мухтара Ауэзова в столицу пригласили 5-6 аксакалов, хорошо знающих культуру и историю казахского народа, из различных мест республики. Скончался Мухаметали в возрасте 76 лет внезапно от паралича сердца 30 мая 1936 года в Алма-Ате.

Б. Х. Кармышева обнаружила в записях Ф. А. Фиельструпа отдельную папку с заголовком “Казахи. Кочевание и средства передвижения”. В своей статье “Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы: Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа” она сообщает, как казахи кочевали на верблюдах:

“Кёш (караван) ведёт байбише (хозяйка) верхом на лошади. Байбише в лучшей одежде и в чалме ведёт на поводу верблюда — атана (мерина), самого лучшего. Он нагружен тюками мягкой рухляди, так, что сверху и по бокам образуются ровные четвёругольники. Сверху всё это покрыто красивыми коврами и тускиизами. Поверх все-

го каркара — нечто вроде табуретки, обращённой вверх ножками, на концах которых укреплены перья фазана (кыргауыл). На перекладинах между ножками висят колокольчики. Ножки обёрнуты красивым плюшем. Второй верблюд нагружен “кабеже” с малыми детьми, под которым лежит поперёк спины верблюда шанырак, покрытый ковром. Под шаныраком помещена саба для кумыса. Остальные верблюды также нагружены и украшены. Рядом со своими матерями идут верблюжата...”.

Заметим, что слово “каркара”, по-видимому, составляет основу слова Каркаралы, города, до которого Фиельструп не доехал каких-нибудь 50 вёрст.

16 июля, суббота. С утра после завтрака мы расположились под сенью нашей палатки целой группой и занимались делами так, что время проходило незаметно. Оборвало мой разговор с Магат-хаджи появление двух милиционеров, члена волисполкома и председательницы женотдела. Они проверяли скот, поехали тайком в аулы и пересчитали скот хаджи, а теперь явились с обвинениями в утайке и составили протокол. Это выбило старика из колеи, и мои расспросы обрушились на голову гостя — Мухаметали. Я умаял его и Нукуша, как переводчика. Конец дня, а сделали всё-таки не очень много.

17 июля, воскресенье. Снова поехали в сторону Коянды. С нами выехал Мухаметали, которого хаджи до нашего отъезда не отпустил. Я дал Мухаметали подарок, и он остался доволен. От Коянды указали дорогу в Алматы, и по ней поехали к Чингизтау. В верстах в 4-х от Коянды остановились в одном кыстау у бедняков. Далее по дороге попадались старые могильники, каменные, небольшие, поросшие травой. Были и крупные, обнесённые кольцом из одного ряда камней. Ночевали у только что прикочевавшего аула.

Примечание: Речь идёт, вероятно, о кольцевых, прямоугольных и квадратных оградах, сложенных из больших гранитных плит, поставленных на ребро. Такие гробницы относятся к разным периодам эпохи бронзы и встречаются во многих местах Сары-Арки.

18 июля, понедельник. Утром отправил переводчика в ходке за овсом, но он вернулся ни с чем. В это время я фотографировал юрты, их резные двери. Пил чай, беседовал на своём ломаном языке. Родилась мысль проехать в горы Кент, где мы уже сегодня будем, чтобы познакомиться и побеседовать с мастером по дереву. Выехали в 10 часов. Аулов по пути нет, как нас и предупреждали. Наконец, вдали появилась сопка Серек и у её подножья в нескольких местах аулы. Мы пересекли дорогу из Семипалатинска в Каркаралы и потом, свернув влево, через плечо Сорана, часа в два подъехали к небольшому аулу. Остановились у одного аксакала, с которым был удачный разговор о нашем маршруте. Он прежде был торговым человеком и много ездил и поэтому довольно подробно рассказывал путь в Жетысу. По программе сообщить мог мало. Он сказал: мастер по дереву живёт в верстах 35-40 отсюда. У меня усилилось желание повидать его. Я решил нанять верховых лошадей и, оставив свою пару на отдыхе здесь, съездить в горы. Хозяин дать лошадей не мог и направил к богатому соседу. Тут дело пошло туго. Приняли нас нехотя и очень тянули: расспросы, рассматривание карты и прочее тянулось несколько часов. Не могли согласиться с расстоянием, так как номенклатура карты была плоха, и искали не там, где надо. Оказалось, до пункта вёрст 70. В конце концов, я оставил этот план, и остаток вечера беседовали о скотоводстве и ели барана. Урочище, где стоит этот аул, называется Каракойтас.

Примечание: На карте хорошо просматривается маршрут Ф. А. Фиельструп. Он, в основном, придерживался торгового тракта Каркаралинск — Коянды — Сергиополь, предпочитая посещать подножья высоких сопек, где, как правило, были родники и стояли аулы. Так, вершина Соран имеет высоту 1139 м, Каракойтас — 951 м над уровнем моря.

19 июля, вторник. Утром рано выехали на широкую долину, свернули влево и скоро заехали на грязевое озеро Тузащи. На берегу стояли 2-3 кибитки. Несмотря на прохладу, люди принимали грязевые ванны. Пересекли широкую долину и сделали привал в ауле возле могилы. Люди богатые и радушные. Мы там с пользой провели 2 с половиной часа. Молодой сын ломано говорит по-русски. Очень охотно посвятил меня в тайны молочного хозяйства. Угощали, чем могли. Далее поехали волнистыми невысокими пожелтевшими горками.

20 июля, среда. Нас довели до дороги. Через некоторое время, доехав до развилки, снова сбились, взяли не то направление. Этот день стечением обстоятельств посвящён могильникам. Далее ещё раз сбились и, проехав без дороги по степи, оказались в ауле киреев, в кибитке аксакала Сегизбая. Вечер провели в рассказах по многим вопросам.

21 июля, четверг. После неудачных переговоров о верховых лошадях для поездки в окрестности (аул собирался откочёвывать) в сопровождении проводника поехали на своём ходке по дороге к Такырсу. Проводник, напуганный рассказами о разбойниках, нас покинул. В придорожном ауле встретились с сыном хаджи. Он немного говорил по-русски. Он был на пути в Каркаралинск, но, заинтересовавшись нашими разговорами, вернулся обратно в свой аул. Он приболел. Я ему обещал лекарство. Ночевали в его отау. Записывал. Угощали до сна четырёхжды (кумыс, чай, мясо, кумыс).

21 июля, пятница. С утра принялись за работу с молодым хозяином Смагуловым и большую часть дня не выходили из кибитки. Вечером было много музыки. Играли на домбре. Пели мальчишки, парни, девочки, сидя друг против друга и взявшись за руки, и даже танцевали, приблизительно так, как я видел у киргизов. Сделал три снимка.

23 июля, суббота. Пригласил одного старика, беседовал с ним пару часов. Затем отправились верхом через степь на северо-запад в сопровождении проводника и трёх попутчиков, расплатившись прогонными за добрых лошадей (подо мной иноходец). Ходок едет налегке с багажом и Катаем. Остановка в ауле брата Махата, снимок, осмотр кибиток, кумыс и дальше.

Вторая, более продолжительная, стоянка у могилы, указанной на карте, в ауле балхашских киреев. Ульеобразные могилы часты в Кокдала. После чая и верблюжьего кумыса снова в путь по широкой долине. Влево Кусмурун, за ним Акбастау. К Кзылотау, где волостная канцелярия, немало левее. Мы, трое всадников, направились к горе Аулиетас. Там есть пещера небольших размеров без внешних признаков человеческого обитания. Живут там голуби, стоят жерди с навязанными лоскутами.

Когда стемнело, подъехали к аулу балхашских киреев, где я думал принять Демесина. Нас угостили, как полагается, но на мои планы посмотрели очень отрицательно и категорически возражали против приезда Демесина сюда. Дело дошло даже до резких слов, за которые хозяин потом извинился. Это было на реке Карасу. Письмо ушло с путниками к Демесину, и мы решили утром последовать за ним.

Примечание: Демесин Меирманов — влиятельный аксакал Дагандельской волости Каркаралинского уезда, ранее — волостной управитель и народный судья (бий). До революции открыл в своём ауле школу. Оплачивал обучение пятерым мальчикам из беднейших семейств. Зимовал на северном берегу озера Балхаш, разводил верблюдов..

Кусмурун — 922 м и Акбастау — 858 м, две рядом стоящие сопки в западных предгорьях Чингизтау. Гора Аулиетас (святой камень) имеет высоту 838 м.

24 июля, воскресенье. Утром поехали к Кзылотау, которая стоит на реке Малгельды. Нашли там Демесина, который собирался в это утро уехать, но, получив письмо, задержался.

Кзылотау нечто вроде агитшколы. Тут же находилась и волостная канцелярия. Беседовать здесь было невозможно, и Демесин предложил поехать в ещё не откочевавший аул его брата. Проехали вёрст 15. Когда приехали, аул снимался с места. Пришлось ехать дальше. После осмотра раскрытых кибиток Демесин был нездоров. Мы посидели с ним 3-4 часа. Он устал, и мы сделали перерыв, но, увы, разговоры не возобновились. Пожилая байбише была в отсуствии. Она вернулась к вечеру. Против Демесина она имела зуб, поэтому, узнав о его приезде, она во всеуслышание стала высказывать своё недовольство, говоря, что у нас только русские гости, а лишним казахам, как Демесин, места нет. Он сильно обиделся и собрался уехать. Я его задержал и, поставив палатку, поместил его в ней. Весь вечер был испорчен, моя работа сорвана. От больного и оскорблённого старика я уже не пытался больше ничего получить. Ужин получили в палатке. Нукуш ушёл в кибитку, а я поставил свою кровать в палатке и ночевал со стариком.

Примечание: Кзылотау — красная юрта, культурно-просветительское учреждение в кочевом ауле в 20-е годы. Выполняла одновременно функции клуба, лектория, консультационного пункта по различным вопросам.

25 июля, понедельник. Утром Демесин отправился в путь вслед за своим аулом к Балхашу, не попрощавшись с хозяевами. Половину дня провели в кибитке, разговаривая. Главная хозяйка — человек энергичный и знающий. Пришёл человек, обещавший сделать вчера сыбызгы, и сделал его из обрезка ука. Потом играл на нём и, в конце концов, поехал с нами проводником.

Выпив кумыс в богато обставленной кибитке скрытного и нерадушного архибогача Акылбая (тобыкты), поехали под углом к востоку. Снова через волнистые горы перекачивается ходок, и внизу за морем холмов виден аул. Туда мы направились. Вблизи аула есть ряд древних могильников.

Приняли нас хорошо — молодой хозяин и его друзья оказались словоохотливыми и толковыми, но гостей было много, и расспрашивать методически не пришлось. Вечер был музыкальный, завершившийся обильным барашком.

Примечание: Сыбызгы — казахский народный духовой инструмент, род флейты с 3-4-мя игровыми отверстиями. Длина инструмента 600-650 мм. Изготавливался из камыша или дерева. Сыбызгы был широко распространён среди народных артистов.

26 июля, вторник. Поехали к тобыктинцам и там сменили лошадей, думая ехать прямо к известному Шахкариму. Встречные давали сбивчивые показания о его местопребывании. Ночевали у встречного парня Есимбека Аталыкова.

27 июля, среда. Были в ауле баксы. Смотрел, описал и фотографировал кобыз. Баксы зовут Исламбек. Это горы Чингизтау, урочище Тайузен, казахи рода тобыкты. Исламбек-баксы должен был куда-то уехать, поэтому мы решили ехать к Шахкариму-хаджи. Взяли у аксакала аула новых лошадей с проводником. Наш вчерашний хозяин Есимбек с нами. Шажком ехали долиной. Скалы местами красивы, покрыты ржавым мхом. Снова попали в Шокпартас и нашли старца на летовке. Принял нас ласково, отвёл отау отсутствующего сына, усидчиво провёл с нами вечер, экзаменуясь по моей программе. Он известный историк, поэт и переводчик “Дубровского” на казахский язык. Говорит хорошо по-русски, а понимает ещё лучше, так что разговор шёл с переборами: прямо или через Нукуша.

Примечание: Чингизтау — горный хребет на восточной окраине Сары-Арки, некоторым образом отделяет Карагандинскую область от Семипалатинской. Вытянут в северо-западном направлении на 250 км. Встречаются осиново-берёзовые леса. Долины Чингизтау используются круглогодично в качестве пастбища. Гора Шокпартас имеет отметку 1139 м.

28 июля, четверг. Весь день в работе. Со второй половины дня принялись за описание свадьбы и, разумеется, не кончили сегодня. Удивляюсь терпению хаджи. Приехал его младший сын (Ахат. — **Ю. П.**). Учится в городе. Все они народ рослый, крепкого сложения. Сын, как и отец, сочиняет стихи. У хаджи в 1911 году вышла книга по истории и генеалогии казахов на казахском языке. По ней он справлялся, “что он знал раньше”, по его выражению. Шахкарим Худайбердин — его полное имя и фамилия.

Примечание: Шакарим Кудайбердин (1858—1931) — крупный поэт и мыслитель, воспитывался в семье Абая Кунанбаева. Шакарим с юных лет славился добрыми делами. Уже в возрасте 26 лет он был выбран судебным бием аула № 4 Чингизской волости. 22 сентября 1901 Шакарим был утверждён волостным управителем, награждён Похвальным листом, но скоро “удаляется от должности” из-за пререканий с уездным начальством. Однако по воле своих аульчан на трёхлетие с 1905 по 1907 годы избран заместителем волостного начальника Турагула Ибрагимова. Руководил волостью с 1910 по 1913 годы, досрочно был освобождён от должности по болезни. Впоследствии присяжный судебный заседатель Семипалатинского уезда.

Шакарим Кудайбердин самостоятельно овладел арабским, персидским, турецким и русским языками. Изучал труды западных философов Спенсера, Шопенгауэра, Канта и др. Переводил на казахский язык Л. Толстого, А. Пушкина. В 1905-1906 гг. совершил хадж в Мекку. По некоторым сведениям был в Париже. Автор ряда книг, в том числе “Летописи истории тюрков, киргиз, казахов и их ханств”, изданной в Оренбурге в 1911 году. Эта книга и упоминается в дневнике Ф. А. Фиельструпa. Шакарим был убит без суда и следствия в период коллективизации, реабилитирован в 1959 году⁶.

29 июля, пятница. Утром я ходил на горку снять общий вид аула, рассматривал обстановку, пока не встал и не пришёл к нам хаджи. Потом продолжали работу и только во втором часу ночи её кончили. Я почувствовал: надо ехать, хотя с пользой можно было пробыть здесь и очень долгое время. Дали лошадей, и нас провожал второй сын хаджи, а сам он вежливо подержал стремя при посадке. Дома узнал — баксы справлялся обо мне, послал сообщить о своём возвращении.

30 июля, суббота. Ждал баксы и занимался по аулу. Исламбек приехал днём, и я вторую половину дня расспрашивал старика и ещё двоих. Не очень удовлетворительно. Потом Исламбек поехал за кобызом и вернулся к ночи. После чая был сеанс, длившийся 2-2,5 часа. На ночь он остался здесь...

Примечание: Баксы Исламбек — известный колдун, знахарь, обладал чудесной силой заговаривать болезни, угадывать будущее. Исполнял шаманскую врачевательную песню “Баксы сарыны” (“Мотив баксы”), которую перенял у своего отца — тоже баксы Берикбая. По некоторым данным Исламбек умер в том же 1927 году. В Семипалатинском музее имени Абая есть его фотография и кобыз, на котором он играл.

Казахский кобыз — это двухструнный инструмент, напоминающий прообраз скрипки и виолончели.

31 июля, воскресенье. Утром упаковка, чай. Кое-что Исламбек рассказал дополнительно. Затем кумыс, снимок семьи, и мы поехали снова в ходке к найманам. Нас провожали сын хозяина и Исламбек на короткое расстояние. Все остались довольны денежным вознаграждением. Остановились по дороге сделать снимок. Потом покатили по дороге... Опасности сбиться нет. Проезжаем довольно безлюдными местами. Днём сделали привал в одиноком ауле. Вскоре пересекли речку Баканас, выкупались. Влево тянется гряда Чингизовых гор. Мы проезжаем довольно красивые места, прокатываясь вверх и вниз по горкам. Встречные всадники признали правильность нашего пути. К вечеру добрались до аула, стоящего на самой дороге. До Сергиополя вёрст 70-80...

Закключение. В Сергиополе Ф. А. Фиельструп распрощался со своим верным спутником, переводчиком Нукушем Чормановым, разделявшим с ним все тяготы долгого пятисотвёрстного пути. Через Нукуша шли все переговоры учёного с жителями Сары-Арки и осуществлялась запись этнографических материалов.

Занимаясь поисками следов экспедиции Ф.А. Фиельструпа, я узнал, что сын Нукуша — Руслан — житель Караганды, занимает пост генерального директора областной молочной промышленности. Я попросил Руслана Нуркушевича рассказать об отце.

“Долгие годы опалы сказались на его характере. Он только махал рукой, когда речь заходила о прошлом. Всё растоптали и уничтожили — стоит ли вспоминать поруганное?

Отец, как и все Чормановы, из баянаульского края. Он родился в 1892 году в урочище Шадра. Учился в Семипалатинской учительской семинарии со своим земляком К. И. Сатпаевым, но преподавателем не стал. До революции и после неё избирался в разные общественные органы, такие, как волостное правление и волостной исполком. В 1928 году прошёл через конфискацию имущества. Скитался по Барабинской степи, жил в Омске. В 1948 году прибыл с семьёй в Караганду, где работал на мясокомбинате в Старом городе. Затем семья переехала в село Вольское, впоследствии со-вхоз “Коммунар” Молодёжного района Карагандинской области. Здесь он руководил конторой “Заготскот”. Умер Нукуш Чорманов в 1970 году в Караганде, был похоронен на родовом кладбище Чормановых в Тендыке Баянаульского района Павлодарской области”⁷.

... Что бы ни говорили, многие черты характера и способности передаются из поколения в поколение. Дети Нукуша Чорманова своей настойчивостью победили забвение. Руслан завершил обучение в Алматинском зооветеринарном институте, Алихан — выпускник КарПТИ, потом инженерно-технический работник шахты “Абайская”, Надежда — бухгалтер. Все трое — жители Карагандинской области. И только старшая дочь Нукуша — Камиля — алматинка.

1975-2005 гг.

Караганда — Санкт-Петербург.

Источники:

1. Кармышева Б. Х. 1) Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 20-е годы: Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Выпуск 10, М., 1988, с.38-62. 2) От тропических лесов Амазонии до центральноазиатских степей: Жизненный путь Ф. А. Фиельструпа. // Репрессированные этнографы. Составитель Д. Д. Тумаркин, М., 2002, с.152-163.

2. “Кара космос” Рубрика // Этнография, 1926, № 1-2, с.259-261; Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Материалы ОКИСАР, 1927, выпуск 11, с.78-107; Молочные продукты тюрков-кочевников // Казахи. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. М., 1930, с.263-301.

3. Отчёт о деятельности АН СССР за 1927 год, выпуск 2, Л., 1928, с.128-129.

4. “Семипалатинские областные ведомости”, 1904, № 28.

5. Письмо Г. М. Толыбаевой от 10 июня 1994 г. Личный архив автора.

6. Абай. Энциклопедия (на казахском языке), Алматы, 1995, с.367.

7. Запись беседы с Р. Н. Чормановым от 10 апреля 1994 г. Личный архив автора.

Алексей ПРОЙДАКОВ

Любовь и боль Асета Нургали

Асет Нургали родился в Караганде. Окончил физический факультет КарГУ им. Букетова и отделение живописи художественно-графического факультета КазПИ им. Абая. Принимал участие в выставках молодых художников групп “Эго”, “Шествие” в Доме офицеров, “Белой галерее” Зангара Бейсембинова. Демонстрация его работ была в Государственном музее изобразительных искусств им. А. Кастеева, выставочном зале Союза художников РК (Алматы).

С 1990 года всерьёз занялся художественной фотографией. Его фотоработы публиковались в газетах “Ленинская смена”, “Комсомольская правда” и других.

В настоящее время является членом правления столичного клуба творческой интеллигенции “Вдохновение”.

Духовные искания художника и его иллюстрации к библейским сказаниям — совсем не одно и то же. Только “очеловечивая” мир, он создаёт одухотворённые полотна, которые неизменно притягивают к себе внимание.

Художественную палитру Асета Нургали, сдаётся мне, наполняют глубинным смыслом основные современные верования, иногда его пронзительные полотна вызывают ассоциации с порталом в иное измерение...

Та пресса, которая не оставляет без внимания очередную выставку Асета Нургали, муссирует факты его биографии, вспоминает его титулованных родственников, но не удосуживается заглянуть в потаённое “эго” художника. А ведь именно оно и есть автор его многочисленных картин, от “Солнца” и до “Матери Мира”. Свои картины Асет щедро раздаривает, лишь бы кому-то были в радость. Его работы рассыпаны по частным коллекциям Европы, Китая, Японии. И даже выставки, которые у художника могут быть приравнены к выходу книги у писателя, для Асета всего лишь способ приобщения людей к чистому, светлому и, увы, пока не преобладающему.

Фотоработы, которых у него более 10 тысяч, тоже поминаются часто. Но дело, конечно, не в количестве, а в желании мастера работать, вглядываясь в лица, сравнивая их, ведь нет среди них одного похожего... Я, признаться, не испытываю особого пиетета к профессии фотохудожника. Художник же запечатлевает не просто парящую в небе чайку, но символ непреходящего, не просто пасмурную погоду, но эпизод вечности.

Этапы творчества Асета Нургали — это время, затраченное им на постижение того или иного философского учения. А ударным завершением одного из них стала в горах Зайлийского Алатау картина “Матерь Мира”. Как и всякая программная вещь, она имеет свою предысторию. Ещё в 1989 году Асет постигал учение Кришны. Агни Йога вызвала к жизни серию абстрактных работ: таких, как “Просветление”, “Состояние без ума”. Махариши (Великий мастер) и Шри Чин Мой шли друг за другом и навяляли “охоту к перемене мест”. Наступила пора хождений: Чёрное и Каспийское моря, Кавказ, Сибирь...

Именно тогда Асет полностью отказался от варёной пищи и, по его собственному признанию, “у организма появился огромный дополнительный ресурс”, кстати, позволяющий без особого напряжения проходить в день до 60 км. Спал под открытым небом, питался кореньями и ягодой. Пребывал в состоянии, близком к эйфории.

Шебер Аул возник перед ним подобно миражу. На горное селение, в котором художники и поэты могут свободно жить и творить, просто так не выходят. Наверное, подготовка закончилась и наступил тот вожделенный момент, когда душа обрела равновесие и устойчивость и была готова к восприятию “города мастеров”, подчинённого его установкам и канонам. Но и сам Город, уловив это, допустил Асета в своё лоно. Как выяснилось позже, для сотворения шедевра.

“Матерь Мира” Николая Рериха не явила человечеству свой лик, прикрываясь вуалью, ибо мир ещё не был достаточно подготовлен к его восприятию.

Свою “Матерь Мира” Асет Нургали начал писать в Шебер Ауле. Собственно говоря, ради этого судьба и привела его сюда; ради этого водила по горным склонам и насыщала доброй энергией. Он открыл её лицо, он украсил её голову тысячами лепестков и венчал солнечными лучами.

Только в очищенное сознание готового к духовному подвигу художника мог явиться образ прародительницы всего сущего на Земле.

В Алматы картина была отшлифована и огранена. В начале 2000 года Асет Нургали выставил её для собратьев по духу в Часовне Радости. И это апологетам различных философских течений показалось символичным: Матерь Мира, сошедшая к ним накануне нового тысячелетия. Само провидение указало, что место ей уготовано здесь, где рождаются и прорастают духовные идеи, где сильные укрепляют слабых, где взаимопонимание происходит только на уровне знаний... И Асет принял единственно верное решение, он подарил свою, быть может, лучшую работу — Часовне Радости. И этот дар

обогастил художника, наделив его новыми идеями. Он пишет серии работ “Времена года”, “Времена дня”, где наделяет весну-лето-осень-зиму, утро-день-вечер-ночь женскими лицами. Прекрасными и одухотворёнными.

Подъём чувствовался во всём — не только в содержании картин, наполненных живым теплом и светом, но даже в названии выставок: “Сиянье глаз, полёт души...”, “Симфония весны”.

В 2003 году появляется серия картин, изображающих цветы. По мнению Асета, цветы являются выражением духовного в материальном мире.

Мир художника всегда сложен, противоречив и не бесспорен. Сегодняшний день на Земле как будто корчится от боли, но человечество достойно лучшего. Асет считает, что мы живём в эпоху ломки сознания, после которой наступит время единения интеллектов и душ.

А свою миссию видит в том, чтобы подготовить человека к восприятию нового мира.

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Его Величество Случай

События жизни как морские волны — приливы, отливы. Каждая последующая смыкает, уносит с собой предыдущую, — и снова зыбь. Как будто ничего и не было. Всё было так, как оно есть. По большому счёту, это законы жизни.

Никогда я не гадал и не ведал, что судьба сведёт меня с необычными людьми. Мы общались годами, при случае вспоминали памятные эпизоды своей жизни.

Вначале, как это всегда бывает, слушая эти исповеди, я не придавал им особого значения. Подумаешь, обычные рядовые события. С кем это не бывает. С кем не случается! А если посмотреть на всё это не по-обывательски, а с другой стороны?

Какую роль данные события сыграли в судьбах этих и других людей, а как всё повернулось бы, если бы их не было? Конечно, они произошли бы с другими. Жизнь ведь не остановишь! Но они случились именно с дорогими и очень близкими мне людьми, и посему имеют особую цену и значимость. Тем более, что зенит славы жизни у моих друзей прошёл, а потому рассказы о некоторых эпизодах из их судеб вполне могут привлечь читательское внимание.

Забегая вперёд, поясню, что все описанные ниже события действительно имели место быть, они — не плод досужих фантазий. Но как творческий человек я по-своему размышлял над этими фактами, одним словом, беллетризировал их с позиции сегодняшнего дня. У одних мои интерпретации вызовут недоумение и раздражение, у других — наоборот — определённое любопытство. Сколько людей — столько и мнений. Каждый живёт своими оценками и взглядами на день сегодняшний и минувший. На то и жизнь во всём её разнообразии.

В повседневной жизни мои рассказчики простые и доступные люди. Но я убеждён, что памятные эпизоды их бытия — часть нашей общей истории. И об этом надо писать, ничего не приукрашивая, пока живы очевидцы происходивших событий. Мы общаемся десятилетиями, и каждая новая встреча с каждым из них оставляет отпечаток в душе.

Моисей Михайлович Гольдберг — “ходячая энциклопедия” целины: “от Хрущёва до Горбачёва”, не считая знаменитых генералов, артистов, писателей, композиторов. Однако главные герои его публикаций — простой люд, механизаторы, бригадиры, доярки, чабаны. Действующий журналист со стажем более 60 лет. Фантастика! Одним словом, — мэтр!

Эрвин Францевич Госсен — академик Национальной академии наук РК, видный учёный. Единственный ныне здравствующий лауреат Ленинской премии в области земледелия на всём евразийском пространстве. Великолепный резчик по дереву. Любой сучок, любое корневище под его руками становится предметом искусства, приобретая новую жизнь. Недаром у него редкое хобби: мастер-флорист!

Владимир Романович Гундарев — поэт, прозаик, публицист. Главный редактор республиканского литературного журнала “Нива”, одного из самых читаемых в нашей стране. “Нива” — детище Владимира Романовича, удостоенное международных премий в Нью-Йорке, Лондоне, Париже.

Мехлис Касымович Сулейменов — академик Национальной академии наук РК, лауреат номер один Президентской премии мира и духовного согласия. Политик, автор огромного количества научных и публицистических статей, изданных во многих странах мира. Как заместитель регионального директора ИКАРДА (структура ФАО), с достоинством представляет в Ташкенте нашу республику на мировой арене.

Все они — патриоты Казахстана, возвышают его своими делами.

Особняком стоит **Геральд Арсентьевич Романов** — москвич, профессор. Мой “шеф” по Монголии, где он работал уполномоченным министра сельского хозяйства СССР. Прекрасный гармонист. Участник Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве в 1957 году.

Всех моих друзей объединяют ещё и невыдуманные рассказы, очевидцами и непосредственными участниками которых они были. События, о которых они поведали, порой играли значительную роль не только в их судьбах, но и в жизни многих людей и страны.

Награда нашла “героя”...

Я всегда поражаюсь его оптимизму, энергии, жизнелюбию. Непоседлив, нетерпелив. Всегда за всем успевает, поэтому ему и поручали многие годы ответственные журналистские задания, что вызывало недоброжелательность и зависть некоторых коллег по перу.

Кулинар. Его холодец — шедевр поварского искусства!

Вот уже более шестидесяти лет он беспредельно верен однажды выбранной профессии журналиста. А последние три десятилетия — корреспондент целиноградской районной газеты “Призыв”. Это только благодаря Моисею Михайловичу её тираж растёт год от года. Активно сотрудничает он и с другими периодическими изданиями.

Заядлый театрал. Множество знакомых. Его рассказы, воспоминания, сдобренные искромётным юмором, — живая история эпохи.

Как мне кажется, особые трепетные чувства Моисея Михайловича связаны с целиной. Это и понятно. Его молодость, лучшие годы жизни.

С позиции сегодняшнего дня можно по-разному оценивать это время. Это право каждого! Но то, что освоение целины — событие грандиозное, масштабное, которое полностью изменило наши понятия и взгляды, — это точно!

Для освещения и пропаганды тех, поистине исторических событий, в тогдашний заштатный, захолустный саманно-деревянный Акмолинск (потом Целиноград, а нынче Астану — столицу Казахстана) собиралась вся пишущая братия со всех концов огромной страны, большинство из которой прошло огненно-кровавыми дорогами Великой Отечественной войны.

Многих из них встречал, привечал и провожал добродушный Миша. Приличных гостиниц в те годы в Акмолинске практически не было. Но неприхотливая журналистская братия в особом комфорте и не нуждалась. Главное — был гостеприимный и радушный Миша Гольдберг, в небольшой квартире которого можно было поесть, переночевать, пообщаться за водочкой. Так что через хлебосольный дастархан его семьи прошла целая вереница творческих людей. Как вспоминала супруга Моисея Михайловича Августа Семёновна: “Лепила пельмени — пальцы синели, руки немели!”.

Сейчас Моисей Михайлович один. Осиротел. Шесть лет назад Августа Семёновна скоропостижно скончалась. Как будто чувствовала — всё лето ремонтировала квартиру. А потом никого не мучила и сама не мучилась. “Скорая”

увезла вечером, а к обеду её уже не стало. Нет опоры! Только работа. Не с кем отвести душу, поговорить.

“Нет моей милой, любимой алтайской кержачки!” — сокрушается старый, хромой, седой еврей. “Мойса” — так часто ласково называла его Августа Семёновна.

Каждый год по несколько раз он посещает кладбище, ухаживает за могилой своей драгоценной супруги и не скрывает слёз...

У Моисея Михайловича цепкая профессиональная память журналиста. Все события, очевидцем и участником которых он был, знает детально, до мельчайших подробностей. Имена, фамилии, должности, даты.

Из многих воспоминаний, которыми он делился, из его бесценных кладовых я выбрал одну историю. Весьма поучительную и чрезвычайно интересную, почти анекдотичную.

Конец пятидесятых. Моисей Михайлович — корреспондент КазТАГ — ТАСС (Телеграфное Агентство Советского Союза). Центр всей информации. Кто владеет информацией — владеет миром!

Вторая половина зимы. Огромные снежные заносы. Тишина. Отсутствие информации — тоже хорошая информация. Вдруг звонок из Москвы. Звонил давний друг и учитель, фронтовик, закоренелый холостяк, известный корреспондент “Комсомольской правды” Дмитрий Новоплянский:

— Слушай, Миша! Ты нас совсем забыл на своей седьмой планете — целине. Как белый медведь на льдине. Есть у тебя что-нибудь интересное?

— Есть. Записывай. Поступок — почти боевой, героический.

“... Это произошло в канун Нового года. Вы знаете “декабрь”. Это по-вашему декабрь, а по-нашему “Желтоксан”, потому как этот месяц чрезвычайно ветреный, бураны, метели. Так вот у нас на целине выращивают не только хлеб. Традиционно развито овцеводство, особенно в засушливых зонах, где преимущественно живут казахи. Случай этот произошёл в Еркеншиликском (ныне Ерейментауский. — **Г. К.**) районе, где чабан — одна из престижных профессий, а некоторые из них стали живыми легендами. Имена казахов-чабанов не перечислять. Их знает вся область.

Есть среди них и такие:

Касай Азиев — ингуш, домбрист, участник многих айтысов — состязаний акынов, на встречу с которым мало кто отважится из земляков.

Рекордсмен по получению ягнят Саша — Генрих Самуилович Миллер — немец, который пасёт овец не верхом на лошади, а сидя в коляске.

Моя героиня Софья Ермагамбетова — казашка. Не поверишь: пурга. Она с сынишкой, держа в руках керосиновую лампу “летучая мышь”, обходит свою отару и видит серых разбойников — волков. Передав фонарь сыну, схватив вилы, она бросилась на волков и запорола двоих. Остальные разбежались!”.

— Вот это да! — услышал Моисей Михайлович в трубку. — Это шикарный материал. Метель. Бесстрашная женщина одна бросается на волков и побеждает. Такого ещё не было. Я это сейчас доведу до сведения всех агентств мира! Понятно и всем известно давно: “Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт”. А тут с вилами на волков. Это впервые.

Материал о Софье Ермагамбетовой поместили газеты “Правда”, “Известия”, “Комсомольская правда”, “Сельская жизнь”. Эта новость прошла по всем каналам мировых информационных агентств.

Проходит месяц. Новый звонок из Москвы. Звонит Леонид Жуховицкий — молодой журналист, ныне известный писатель:

— Недавно Дмитрий Иосифович подкасал мне. Нечего, мол, болтаться по Москве и Центральной России. Езжай на целину, найди Мишу Гольдберга, у него

интересный материал про женщину и волков. По этому поводу и звоню. Редакция направляет в командировку. Вылетаю завтра! Слушай, а на самом деле это было?

— Ты что, Лёня! Сущая правда!

— Тогда встречай!

Августа Семёновна лепит пельмени. Моисей Михайлович на задрипанном редакционном пятиместном “бобике” встречает Леонида Жуховицкого. Застолье. Посиделки. Утром в путь. Незнакомый посёлок Ерейментау.

Можно представить себе нетерпеливое ожидание встречи молодого журналиста с героем, отважной и бесстрашной Софьей.

Городского человека, впервые попавшего в наши края, поражают и удивляют необъятные просторы. Дух захватывает! Куда ни глянь — искрится снег да сопки. Сопки да снег. От однообразия пейзажа иногда нападает тоска.

А вот и удивительные по красоте Ерейментауские горы, покрытые соснами.

Когда проехали Соколиные горы, вершины которых видны с дороги, начало буранить. Это был серьёзный сигнал. Опытный водитель, который наизусть знал все дороги, а точнее бездорожье, предупредил журналиста:

— Если начнётся буран, считай дорог не будет. Всё снегом занесёт. Ветра здесь сумасшедшие. Ураган! Однако Вы не беспокойтесь, мы, канжигалинцы (название рода. — **Г. К.**), — добрые, отзывчивые. Ерейментау — родина великого казахского батыра Богенбая, который в первых рядах защищал свой народ от нашествия джунгар!

Последняя фраза для Леонида ничего не значила. Главное для него Софья! А тут о каком-то батыре.

Жума — так звали редакционного водителя, знал всё районное начальство области, многих директоров совхозов, специалистов, а с их водителями был, конечно, на короткой ноге.

Когда подъехали к районному центру, буран разыгрался вовсю. На память корреспонденту пришла строчка Александра Сергеевича Пушкина из “Капитанской дочки”: “Я выглянул из кибитки, всё было мрак и вихрь”.

“Молодец Миша, догадался облачить меня в полушубок, валенки, шапку-ушанку, шерстяные рукавицы, а то бы я в своём столичном одеянии давно дал дуба”, — подумал Жуховицкий.

Заехали в редакцию. На двери висит огромный замок. Вроде бы и знали, что к ним едут коллеги. Хотя может связь и подвести.

О том, что есть районное управление сельского хозяйства, настоящий штаб, где знают обо всех и всё, что творится на подведомственной территории, а сам этот орган хоть и хозяйственный, далёкий от пропаганды, — настоящий кладезь информации, столичный журналист не ведал. Спросить об этом у Жумы он не догадался, а может, постеснялся. Подсказать ему Жума не осмелился. Мало ли что придёт в голову столичному гостю?!

Однажды он уже оказал услугу известному журналисту. Тот отчитал его:

— Не суй нос не в свои дела!

Доложил об этом шефу. Ой, какой был скандал, разнос! Хоть говорят: “Слово — серебро, однако, молчанье — золото!”.

Время перешагнуло обеденный рубеж. Верный давним народным обычаям, Жума повёз гостя в дом своего бажи (свояка). Не оставишь же на улице!

Леониду стало не по себе. Впервые в Казахстане, совершенно незнакомая обстановка, люди. И сразу приводят в дом, как старого друга или желанного гостя.

Видя смущение журналиста, Жума начал успокаивать его:

— Я же говорил Вам, канжигалинцы — народ простой, добрый. У нас можете чувствовать себя как дома!

Буран свирепел. Еле открыли занесённую снегом дверь землянки. Темно. Зато тепло. Обилие запахов: жареного масла, кислого молока, скота. Журналист, который всю жизнь прожил в коммуналке, нисколько не удивился.

— У нас в коммуналке часто бывает и похлеще.

А здесь всё естественное, натуральное. Главное — свой дом. Никто не встречает и не провожает злыми ненавидистыми глазами.

Круглый столик, который едва возвышался над полом, был завален яствами, которые впервые видел проголодавшийся корреспондент. Румяные и горячие пышки-баурсаки, пиалы, наполненные домашними сливками, большие куски сливочного масла, хлеб, сахар, обжигающий ароматный чай. Добрая, весёлая хозяйка, куча чумазных детишек, мал мала меньше. Добродушный хозяин. Всё это располагало стеснительного гостя.

— Кушай, не смущайся. “Чем богаты — тем и рады!” — от души потчевал хозяин.

Между тем свояки обменялись последними новостями. Единственное, что уловил журналист, это много раз упоминавшееся слово “Москва”. От сытного, хлебосольного дастархана и тепла в землянке Жуховицкого бросило в пот.

Шофёры вообще, тем более степняки, да если ещё они возят начальников, чрезвычайно информированы. Вот и Жума настойчиво уточнял, употребляя два слова “Софья” и “каскыр” (волк). Каким-то пятым чувством до журналиста дошло, что Жума, пытаясь помочь ему, уточнял факты героического поступка женщины-чабана.

Судя по ответной реакции, родственник Жумы об этом ничего не знал и не ведал. Однако и не утверждал этого, всё время кивал то на какого-то Сашку, то Касая, то Баке. В конце концов, пообещал помощь. После обеда втроем выехали на машине Жумы.

А вот и управление. Длинное-предлинное одноэтажное здание барачного типа. С одним тёмным узким прокуренным коридором и множеством дверей, где красовались написанные тушью от руки таблички: “Гл. ветврач”, “Гл. зоотехник”, “Отдел кадров”, “Отдел полеводства”. В проходе сновали возбуждённые люди, словно в разворошённом муравейнике.

Ведомый родственником Жумы гость дошёл до кабинета, где красовалась надпись “Кабылдау”. Сразу догадался — “Приёмная”. Вошли. Масса посетителей сидела, понуро опустив головы. У многих под мышкой папки.

— Начальник принимает отчёты по животноводству. Даже на обед сегодня не поехал, — шепнул Жуховицкому всезнающий родственник Жумы. — А это сидят директора совхозов со своими специалистами.

Иногда по внутреннему звонку, нервно вздрагивая, выбегала секретарша из приёмной в поисках кого-то. Иногда её приглашали с какими-то бумагами к начальнику. Когда открывалась первая из двойных дверей, слышался грозный рокот баса на странной смеси казахского и русского:

— Я тебе акенды! Где приплод? Уже на дворе окот! Ты мне — “каскыр”! Сам ты каскыр! Съел всё поголовье!..

С перепуту вся приёмная втягивала шеи в плечи. Как будто в кабинете принимали не отчёты, а пытали калёными железными клещами.

Когда дверь закрылась, свояк Жумы что-то шепнул секретарше. До слуха журналиста дошло два понятных ему слова: “Эльза” и “Москва”.

При слове “Москва” перепуганная и переполненная приёмная, забыв свой страх: любопытство — штука всеильная, обратила свои взоры на молодого

человека в полушубке и валенках. Выждав нужную паузу, секретарша зашла в начальственный кабинет.

После этого накал страстей там несколько снизился. А потом толпа потных мужиков, кто с папкой, кто с портфелем, повалила из кабинета, с любопытством оглядывая новичка.

Магическое, всесильное слово “Москва” в те годы как по мановению волшебной палочки повсюду открывало кабинеты всесильных начальников, а уж о такой глубинке, как Ерейментау, и говорить не приходится.

— Проходите, пожалуйста! Вас ждёт Махтай Рамазанович, — вежливо пригласила Эльза.

Длинный стол, заваленный графиками, таблицами, диаграммами, занимал большую часть вместительного кабинета. Стулья вперемешку с табуретками в несколько рядов. Когда Жуховицкий вошёл, из-за стола встал огромный, под два метра — “косая сажень в плечах” — начальник управления, на вид лет сорока. Виски с проблеском седины.

— Пожалуйста, прошу. Извините, что заставил Вас ждать. Такая наша работа, наша доля. Что Вас привело в наши края? Вы первый москвич, которого я здесь вижу и с кем говорю. Так что помочь Вам всегда рад!

Лёня Жуховицкий не ожидал подобного приёма со стороны начальника, тем более наслышавшись грозных эмоций в приёмной в течение получаса в ожидании встречи.

Грозный на вид начальник, рокочущий бас которого приводил в трепет директоров и специалистов и даже самого журналиста, оказался приветливым.

— Слушаю Вас, присаживайтесь. Эльза, зайди! — он что-то сказал ей по-казахски и пояснил: — Принимал отчёты по животноводству. Готовлюсь к заседанию бюро райкома. Даже на обед не ходил! В районе около трёхсот тысяч овец. Скоро окот... С меня план требуют...

Ошарашенный услышанным, журналист размышлял про себя: мы ищем каких-то героев. Триста тысяч овец! Боже! Ведь это население среднего города России-матушки.

Городской житель всё сравнивал с городом, так удобно и наглядно для представления.

Тем временем Эльза принесла чай, сахар, сметану, баурсаки.

— Вы извините, Махтай Рамазанович, но я перейду к делу. Все центральные газеты страны недавно опубликовали информацию о героическом поступке, который произошёл в вашем районе, — и Жуховицкий для наглядности раскрыл “Известия”, где чёрным по белому, под броским заголовком “Герой-чабан из Казахстана” было напечатано: “Софья Ермагамбетова из Еркеншиликского района Акмолинской области, спасая отару овец, бесстрашно вступила в бой с серыми разбойниками. Запорола вилами двоих”. — Вот по этому поводу я здесь. Хочу встретиться и поговорить с героиней, потом написать большой очерк.

Удивлённый услышанным, начальник управления чуть не упал. Он ждал всего. Ну, например: почему плохо, нет того, нет этого, где план? Жалобы, наконец! А тут ищут героя-чабана. Уж не подвох ли?

Задать прямой вопрос начальник не решался. Надо посоветоваться. Аж вспотел от неожиданности. Даже забыл про отчёты, хотя набитая людьми приёмная была в тревожном ожидании очередного разноса.

Обычно строгую и неприступную Эльзу словно подменили. Неожиданно она стала милой и добродушной, носилась туда-сюда с чайным подносом.

Пауза затянулась. Молодой журналист заволновался:

— У Вас отчёты... Отнимаю время. Я схожу в редакцию газеты к своим коллегам.

— Ничего не случится, подождут! Даже радоваться будут! — грозно рявкнул Махтай Рамазанович. — Вот сейчас позвоню “первому”, посоветуюсь.

Поднял трубку, велел телефонистке соединить его с первым секретарём райкома партии.

— Иван Иванович, тут у меня журналист из Москвы...

“Первый” нетерпеливо прервал его. Чтобы не быть свидетелем их разговора, Леонид удалился в дальний угол кабинета, хотел было выйти в приёмную, но Махтай Рамазанович предостерегающе помахал рукой. Журналист понял: “Стой!”.

Начальник управления, внимательно выслушав “первого”, продолжил:

— Да вот он показал газету “Известия”. В наших краях нашли чабана-героя. Вернее, героиню. Софью Ермагамбетову. Нет-нет, никакой жалобы нет. Всё нормально. Журналист хочет встретиться с ней. Поговорить. Потом написать очерк. Парень нормальный. Скромный.

Взяв ручку, он стал записывать указания “первого”. Иногда прерывался:

— Хорошо! Есть! Всё ясно! Понятно! Не беспокойтесь! Доложу!

Монолог секретаря райкома длился минут пятнадцать-двадцать. Потому как кивал головой и добродушно улыбался начальник управления, наставления “первого” его вполне устраивали.

— Ну, всё. Поедем к герою вдвоём. Это личное поручение Ивана Ивановича. Эльза, зайди! В общем, я еду с гостем по оттонам. Посмотрю, что там делается. Буду дня два, если не больше.

Леонид! Вы знаете, какую площадь занимает наш район? Это почти двадцать тысяч квадратных километров. Бельгия и Голландия вместе взятые. Да, жаль, что Вы приехали зимой. Летом здесь такая красота. Лес, степь, пески, горы. Реки, озёра, родники. А чёрная ольха, которая растёт по берегам кристально-чистых родниковых речушек! А как красив наш городок Ерейментау! Уютный, чистый.

— Вот это да! Размах! — удивился Жуховицкий.

— Эльза, пригласи Рихарда Фридриховича.

Так звали его заместителя.

— В общем, Раха! Принимай отчёты без меня. Если сегодня буран не закончится, отмени завтрашние отчёты. Эльза, соедини меня с Канапьяновым.

Звонок.

— Канапьянов на связи.

— О, Аха! Как дела? Буран не стихает?

Они ещё обменялись несколькими фразами. Разговор шёл на казахском. В завершение:

— Хорошо! Жди!

И, поворачиваясь к журналисту, объявил:

— Так, Леонид! Софья нас пока обождёт. Тем более буран разыгрался нешуточный. Далеко не выедешь. Поэтому отправимся в ближайший совхоз. Там тоже много-много чабанов, возможно, кто-то из них знает её. Посмотрите, как живут наши люди. Нечасто бывают у нас гости из Москвы. Кстати, Вы бывали в Казахстане?

Журналист признался:

— Впервые.

— Тогда сам бог велел посмотреть наши обычаи. Едем.

Водителем оказался свояк Жумы. Юркий, относительно новый пятиместный “газик” начальника управления не чета старому и изношенному редакционному.

Опытный водитель шустро, несмотря на пургу, домчал до центральной усадьбы совхоза. Дома под самые крыши занесены снегом. Стая деревенских собак с лаем кинулась на машину. Махтай Рамазанович пошутил:

— Казахи говорят: “В буран бесятся только собаки и дети!”.

Директором оказался пожилой лысоватый человек в очках. Фронтовик. Встретил гостей в приёмной. Разделись. Кабинет украшали портрет Вождя, Почётные грамоты, несколько переходящих Красных знамён. Разговорились.

— Пригласите Сашку, — по-казахски дал команду директор.

— Это наш Генрих Самуилович Миллер — передовик, чабан-рекордсмен, — представил вошедшего парня директор, — получает ежегодно по 120 ягнят от ста овцематок. В этом году грозитя 130. Мы его по-своему зовём Сашка. Солай-ма, Саша!?

— Дурыс айтансын, басаке. (Правильно, начальник), — поддержал его Генрих.

Вот это да! Удивлению журналиста не было предела. По фамилии вроде немец и по виду не азиат, а чешет по-казахски запросто!

Изредка переходили на русский, а Сашка-Генрих говорил только по-казахски. Из простой душевной беседы Леонид сделал любопытный вывод. Да, волки здесь есть. А вот случая их недавнего нападения никто не знает. Аксакал-директор вспоминает, что будто подобное явление было сразу после войны, когда, размножившись, непуганые серые разбойники, обнаглев, залезали во дворы колхозников.

Саша-Генрих тоже не помнит такого случая.

— Возможно, это произошло в койтасской стороне, в двух сотнях километров от Ерейментау, — высказал он предположение.

— В общем, Саша, поспрашивай. Завтра поедем в твою чабанскую точку. Узун-кулак всё равно не дремлет. Казахи обо всём и обо всех всё знают, — заключил директор.

Зимой темнеет быстро.

— Война войной, а кушать надо. Пошли. Моя супруга приготовила для гостя такой бесбармак!

Слово “бесбармак” Леонид услышал впервые, а когда услышал, что мясо берут прямо с блюда руками, — не поверил.

А вот и пышущий ароматом бесбармак. Хозяин, словно циркач, острым, как бритва, ножом виртуозно, аккуратно и профессионально разделявал мясо, которого хватило бы на целую дюжину людей, а не на троих. Махтай Рамазанович при этом комментировал:

— Казы, карта, шужук, жая, жал — это деликатесы из конины, а вот Вам, Леонид, и омыртка. Это наша народная традиция — подавать такую кость уважаемому гостю.

Аксакал что-то сказал супруге. Та тут же принесла бутылку “Московской”.

— Если бы не буран, — начал директор, — наверное, столичный гость промчался бы мимо нашего аула. Спасибо Вам, Маке, что привезли его к нам. Московскому гостю нальём “Московской”.

Хозяин наполнил стопки.

— Не стесняйся, сынок! Я на войне всякое видел и пережил. Героиню Софью обязательно найдём. Будь как дома!

Выпили. Такой закуски Леонид не видел никогда в жизни. Не блюдо — объеденье. Потекла беседа. Подали сурпу, приправленную толчёным куртом. Ели, как на убой. С наслаждением пили чай.

Утром поехали к Сашке-Генриху. Овцы все как на подбор. Упитанные, в роскошных шубах. Журналисту, не разбиравшемуся в чабанских премудростях, разговор директора и начальника управления ни о чём не говорил. Он ждал, какую новость Сашка-Генрих принесёт о Софье Ермагамбетовой, но тот молчал.

— Ты, Саша, покажи нам свою карету, — подсказал Махтай Рамазанович.

— Сейчас. Она в гараже.

Верный своим национальным традициям, Саша-Генрих смастерил оригинальный агрегат на базе велосипеда. Лёгкий для лошади, удобный для чабана, особенно в летний дождь.

— Вы знаете, Лёня, со смеху можно умереть, когда на джайляу вместо всадника увидите эту коляску. Многие специально к нему приезжают, чтобы посмотреть на это чудо.

После обеда выехали на другой отгон. И так несколько дней. Софьи нет. Никто о ней ничего не знал, более того, не слышал. В общем, в районе чабана Софьи Ермагамбетовой нет и никогда не было.

Вернулся Жуховицкий в Акмолинск в расстроенных чувствах. И сразу же к Моисею Михайловичу.

— В общем, Миша! Никакой Софьи Ермагамбетовой в Ерейментау нет! Но ты не отчаивайся. Я тебя не подведу. Зато какие там золотые люди! О них и напишу. Думаю, что будет интересный очерк о замечательных чабанах Ерейментау.

Улетел Лёня Жуховицкий. Бурные события начали потихоньку забываться. Теперь о них никто не вспоминал.

Знойное душевное лето. Комарьё. Гольдберг по профессиональной привычке перебирал районные газеты в надежде выловить интересную информацию. Вдруг звонит помощник председателя облисполкома:

— Моисей Михайлович! Срочно к моему начальству!

Обычно, если возникала какая-то надобность в корреспонденте ТАСС-КазТАГ, звонили другие, рангом ниже. А тут ни с того ни с сего приглашают к большому начальству. Что бы это значило?

Судя по всему, руководство не в гости зовёт. Вроде бы ничего лишнего не говорил, не писал. Его информации о делах целинных Москва берёт охотно. И всё же. А вдруг какой-то ляп допустил? Моисей Михайлович начал не на шутку волноваться. Ничего не поделаешь. Надо идти. Заныла больная нога. Вмиг стала неуправляемой и тяжёлой. Еле переступая по лестнице, поднялся на третий этаж. Взмок. В приёмной его нетерпеливо ждал помощник. Встретил и проводил к председателю.

— Как дела, Миша? — ласково спросил председатель.

Как ответить на этот невинный вопрос? Простой вопрос для простака, а не для опытного “волка” журналистики. Большие люди простых вопросов не задают!

Пока Моисей Михайлович размышлял над ответом, последовал второй, более неожиданный и конкретный:

— Слушай, Миша, а как наши дела с Софьей?

Чего-чего, но подобного вопроса Гольдберг и впрямь не ожидал.

— С какой Софьей? — враз пересохшими губами еле вымолвил он.

Может, пронесёт — теплилась маленькая надежда.

— Да с нашей бесстрашной героиней, которая вилами пропорола двух волков. По этому поводу, как мне сообщали, приезжал один журналист из Москвы. Только вот я не в курсе дела, чем это всё закончилось.

Ну всё, приплыли. Если Софьей заинтересовался сам председатель, найдутся и другие. Разберутся. Всё, конец! Финиш! От волнения перехватило дыхание, выступил холодный пот. В глазах зарябило. Неужели? Страшно даже подумать.

Извечный вопрос — что делать? Чистосердечное признание — прямая дорога в ад! А, была не была!

— Её нет! Её долго искали, но не нашли, — выпалил побледневший Моисей Михайлович.

Даже нога перестала болеть.

— Как нет? Это точно, что её нет? — переспросил удивлённый председатель.

— Да, точно! Её нет! Этой мой грех!

— Ну, Миша, дорогой, подойди поближе!

Председатель облизнулся, обнял, поцеловал Гольдберга, посадил в кресло у журнального столика. Сам пошёл в комнату отдыха и вышел с изумительно красивым инкрустированным охотничьим ружьём 12-го калибра.

— Ты не представляешь, дорогой Миша, какой ты сделал мне подарок!

Оказывается, заметку о подвиге Софьи Ермагамбетовой в буранных ерейментауских степях Казахстана поместили многие европейские газеты в разделе “Необычные приключения”. На одном из приёмов эта сенсационная новость дошла до ушей супруги короля Бельгии Бодуэна I. Знатная и великодушная аристократка была поражена подвигом простой казашки Софьи Ермагамбетовой:

— Боже мой, неужели у них нет даже простых охотничьих ружей! Какая страна! Бедняжка! Конечно, это Азия. Только здесь героические, мужественные женщины способны голыми руками бросаться на диких зверей. Боже мой! Это же Жанна д'Арк!

И повелела купить за счёт её личных средств лучшее из охотничьих ружей — а Бельгия славится производством охотничьего оружия — и выслать его в дар Софье через Комитет советских женщин. Была такая общественная организация в те годы.

Комитет переправил ружьё в Акмолинск, чтобы оно было вручено героине лично. Фельдъегерь доставил его, вручил председателю облисполкома под расписку. Теперь именной подарок бельгийской королевы должен быть передан Софье Ермагамбетовой.

— В общем, так, Миша! — заключил председатель, кстати, заядлый охотник, хитровато улыбаясь. — Имей в виду, если кто будет спрашивать и интересоваться из Москвы. Я сам лично вручил ружьё Софье Ермагамбетовой.

Так награда нашла “героя”...

Лауреат

Общественное признание — тяжёлое испытание и нелёгкое бремя, особенно в самом начале. Как это понимать? Был как все, а тут вдруг вознесли до небес! С годами постепенно всё образуется, становится само собой разумеющимся.

Многострадальное сельское хозяйство! В прошлом, в канувшей в небытие державе под названием Советский Союз, пашня превышала более 200 миллионов гектаров. Фантастика!

Стороннему наблюдателю кажется, что тут всё просто: посеял, убрал. Но это только кажется! После Октябрьского переворота единственным, доступным экспортным товаром было сельскохозяйственное сырьё. Чем и занимались пришедшие к власти большевики. Промышленность в стране практически в зачаточном состоянии, в основном горнодобывающая, об энергоресурсах в те годы не было и

понятия! В течение многих лет большевики изымали хлеб, скот, гнали людей в лагерь для осуществления великой идеи победы социализма. Наступил голодомор! Теперь за всё надо отвечать! Это начала понимать и Власть! Надо искать виновных. Их быстро находили. Доносы, карающие акции, расправы. Государственный террор. Хотя по всем законам цивилизации государство — своеобразный ночной сторож. Оно создаёт условия для работы своих граждан по законам. Этого не понимали малообразованные романтики революции — идеалисты, жизнь многих из которых большей частью прошла в тюрьмах, ссылках, эмиграции.

Проблем у лидера мирового пролетариата великое множество. Первая была решена просто. Отгородились от мира колючей проволокой, установили “железный занавес”. Теперь надо обустроить рабоче-крестьянскую страну. Коллективизация, индустриализация.

Как пишут некоторые историки, идею ГУЛАГа подсказал вождю лихой главарь одесских налётчиков Мишка Япончик, которого за преступные деяния посадили в тюрьму. В порыве откровения деятельный арестант и “пахан” написал в “верха”, как с пользой для государства использовать силу и мощь тюремного контингента в целях скорейшего проведения промышленной революции в “лаптёжной” стране.

Очень просто. Надо организовать трудовые лагеря, согнать в них люд, довести им конкретные задания. Это потом уже родились планы, ударные пятилетки! И пошли стройки века, каналы, комбинаты, железные дороги!

Идея очень понравилась властям. Мишке Япончику дали высокий чин, назначили начальником лагеря. Внедряй свою идею сам. Что потом с ним случилось? История об этом умалчивает. Может, благополучно дожил свой век или же сгинул в Даль-Степ-Карлаге? Это уже потом, без его участия механизм ГУЛАГа довели до совершенства.

С промышленностью проще. Это ограниченная территория, окружённая колючей проволокой, трёхметровый забор, свирепая охрана с собаками. Все вопросы решены. Стоит барак — рядом объект. Даёшь план!

С селом сложнее. Это одна шестая часть земной суши, которую никак не огородишь. И тут снова идея. Бог с ними, с кулаками. Их всех пересадили. А если развивать и использовать аграрную науку? Для начала создадим сельскохозяйственную академию, соберём умных! Обласкаем. Будем ими управлять и направлять умные идеи в нужном нам направлении. Со временем академия превратилась в кормушку для жрецов от науки. Произошло это не сразу, с годами. Не предполагали власти одного: учёные — народ творческий, ищущий, у каждого из них масса идей. Лишь бы кто внедрял их. Произошла небольшая промашка. Не учли самого малого. Учёный люд непредсказуем, особенно аграрии. Это тебе не физика, не математика — рафинированные науки, основанные на законах, формулах и теоремах. Это совсем другой соус!

И пошла одна идея за другой. Удобрения — здорово и убедительно! Таблицы, расчёты, прибавка. А где мощности по производству минеральных удобрений? — их нет. Нет и средств на их строительство. Подождите, уважаемый академик Д. Н. Прянишников.

Это спустя десятилетия незабвенный Никита Сергеевич Хрущёв слегка подновит лозунг Владимира Ильича: “Коммунизм — есть Советская власть плюс электрификация всей страны”, добавив к нему слово “химизация”. Однако с удобрениями дело не пошло.

Что ещё? Пахать? Как? Мелко или глубоко? Автора теории мелкой вспашки академика Н. М. Тулайкова, который выдвигал её исходя из практики немцев Поволжья, где была высокая культура земледелия, вскоре объявили врагом народа.

Мелкая пахота не пошла и не могла найти повсеместного распространения на фоне низкой культуры земледелия тех лет и слабой технической оснащённости. Живой вол не конкурент стальному коню!

Верх взяла классическая травопольная система с ежегодной вспашкой, автором которой был учитель Н. М. Тулайкова академик В. Р. Вильямс. Главное достоинство ежегодной вспашки — борьба с сорняками.

Врагом народа за компанию с учёными был объявлен нарком земледелия тех лет Я. А. Яковлев.

Пока шла борьба, как обрабатывать почву, параллельно развивалась идея о новых сортах, их семеноводстве, о чём тогда имелись весьма смутные представления.

Социалистические поля засеивались стародавними народными сортами. “Кубанка”, “Полтавка”, “Белоколоска”, “Красноколоска”, “Коже-Бидай”.

Вон в Америке, стране эмигрантов, пришельцы привезли с собой семена, но не успокаиваются и продолжают разъезжать по всему свету в поисках новых видов злаковых растений. И нам надо собрать мировую коллекцию, наша система не хуже, а лучше их.

Выбрать всё лучшее и разом засеять аж до Полярного круга!

Идея в высшей степени благородная. Но для того, чтобы она дошла до полей, необходимо время. Экспедиции за экспедициями едут по всему миру. А где результаты? Будут! Когда?

У меня в библиотеке хранятся две книги Марка Поповского об академике Н. И. Вавилове: “Надо спешить!” (Москва, издательство “Детская литература”, 1968 г.), и “Дело академика Вавилова” (Москва, издательство “Книга”, 1990 г.). Автор в 1977 г. эмигрировал из Советского Союза. В первой он пишет: “Мне так и не удалось окончательно дознаться, сколько стран объехал Николай Иванович. Одни называли шестьдесят, другие сорок. Сам я насчитал пятьдесят два государства и территории, которые он посетил между 1913 и 1940 годами”. Во второй книге отмечает: “В тысяча девятьсот тридцать шестом-тридцать седьмом году, когда Сталин выдвинул лозунг о достижении валового сбора зерна 5-6 миллиардов пудов (80-96 млн. т.), Вавилов выпустил статью в журнале “Вестник социалистического земледелия”, где приводил примеры, когда старая Россия, по данным земства, собирала по 10-13 миллиардов пудов зерна”.

Вавилов считал, что при современной технике мы должны собирать не меньше. После опубликования этой статьи его вызвал в Кремль Молотов. Во время беседы через боковую дверь вошёл Сталин. Не здороваясь с присутствующими, Сталин произнёс:

— Академик Вавилов, зачем Вам нужны пустые фантазии? Помогите нам получить устойчивый урожай в 5-6 миллиардов пудов. Нам этого достаточно! — и дымя своей трубкой, не попрощавшись, Сталин вышел из кабинета Молотова.

А вот выходец из народа. “Злой гений”, словно Сальери против Моцарта, академик Т. Д. Лысенко. В годы Великой Отечественной войны Казахстан превратился в кузницу мировых рекордов по урожаю различных полевых культур благодаря особой заботе и вниманию к этому малообжитому краю со стороны Т. Д. Лысенко.

Так, в богом забытой засушливой глуши — Уильском районе Актюбинской области, что в Западном Казахстане, никому ранее не известный просовод-полевод Чаганак Берсиев установил непревзойдённый до сих пор мировой рекорд урожайности проса свыше 20 тонн с одного гектара! И это несмотря на огромные достижения современной селекции и генетики! Правда, никто не знает, какой сорт тогда высевался. Говорят, это был народный сорт “Уильское белое”.

На юге Казахстана звеньевая колхоза “1 Мая” Талды-Курганской области Герой Социалистического Труда Ольга Гоноженко собрала с каждого из двух гектаров по 152 тонны сахарной свёклы. Фантастика! Как рассказывали мне учёные Казахского НИИ земледелия им. В. Р. Вильямса, при самом тщательном соблюдении агротехники и научном программировании учёные мужи даже близко не могли приблизиться к этому показателю!

Славные труженики тыла своим трудом умножали боевые победы на фронтах. Пропаганда и агитация были поставлены на высшем уровне!

Рекорды — это здорово! Признание! Слава! Почёт! Награды! Теперь они должны стать достоянием колхозно-совхозных полей. А это чрезвычайно сложно! Скорее, невозможно. На эти показатели ориентировались и планирующие органы. Его величество Госплан! Теперь, милый мой, не отвертись.

Доводили конкретные цифры, задания. Произведи и сдай! Попробуй не выполни! Монокультура сахарной свёклы стала настоящим бедствием для свеклосеющих районов Казахстана и Киргизии.

Если бы вовремя не пришла помощь со стороны Острова Свободы — Кубы со своим сахарным тростником, трудно представить последствия мирового рекорда Ольги Гоноженко.

Просо было не так сильно востребовано в стране, как сахар. Но и тут нажимали повсюду. Однако всё обошлось. Армию и заключённых не обязательно кормить пшёнкой, обойдутся “кирзухой” и перловкой, к тому же эти крупы легче и проще вырабатывать из ячменя и пшеницы.

Задачи ясны! Цели обозначены. За работу, товарищи! Не надо никакой науки! Генетику объявили враждебной, с которой социализму не по пути. На имя академика с мировым признанием и трагической судьбой Николая Ивановича Вавилова было наложено многолетнее табу.

Как высказался академик М. К. Сулейменов в статье в “Казахстанской правде” и многочисленных публичных выступлениях: “Увы, в аграрной науке неотделимы два совершенно несовместимых понятия: “Севооборот” и “Оборот Вождей”. Аграрная наука была настолько политизирована и превращена в арену борьбы идей, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и трагическими!”.

Вместо серьёзной науки повсеместно появились передовики-стахановцы, хаты-лаборатории, самоучки-преобразователи природы, народные академики без образования, которых использовали с помощью Власти для опровержения своих оппонентов отдельные учёные-политики.

В начале лихой кампании “Землю — крестьянам!”, развернувшейся уже в недавние девяностые годы, когда многие бездельники стали хватать пашню, думая, что она накормит их без труда, словно Емелю, “по-щучьему велению”, в Сандыктауском районе Акмолинской области, в бывшем совхозе “Каменский” при бонитете почвы более 80 баллов вся пашня была засорена овсюгом, а колосья пшеницы торчали кое-где. На вопрос: “Почему творится такое безобразие? Ты же частник?!” — не моргнув глазом, новоявленный фермер-новатор прочитал “лекцию”: “Так растёт и выживает только сильная пшеница!”. Хоть стой, хоть падай. В его понимании сильная пшеница должна быть в прямом смысле сильной, выдержать конкуренцию с сорняками!

Незабвенный Кузьма Матвеевич Гладышев, литературный герой писателя Владимира Войновича из его “Чонкина”, точная копия типичного представителя аграрной науки тех времён.

Как всегда случается при таких катаклизмах, аграрная наука и её высший руководящий орган — академия — была превращена жрецами от науки в свою

кормушку. Академиков избирали тайным голосованием. Выборы — тайна за семью печатями. Борьба. Интриги. Часто избирали не по заслугам. Что такое выборы — теперь мы хорошо знаем.

Например, крупного теоретика земледелия Сергея Сергеевича Сдобникова в течение десятка лет “прокатывали” на стадии члена-корреспондента ВАСХНИЛ, Мехлиса Касымовича Сулейменова так и не пропустили в действительные члены академии. Хотя С. Сдобников и М. Сулейменов ничего общего не имели в научном плане. Их объединяло одно — они не разделяли взглядов академика А. И. Бараева!

Это два типичных примера, о чём я знаю доподлинно. Профессор С. С. Сдобников был научным консультантом, а М. К. Сулейменов — оппонентом моей докторской диссертации.

Академии были созданы Властью для руководства, контроля и оправдания своей политики. Если плохо — виноваты учёные. Хорошо — заслуга Власти.

Идея освоения новых земель на востоке Российской империи была не нова. Первыми ей дали толчок экспедиции, которые организовывало “Русское географическое общество” — разведывательный отдел императорского Генерального штаба. Перечень имён говорит о многом. Это генералы и офицеры российской армии Н. Пржевальский, П. Козлов, М. Певцов, Г. Потанин, Ч. Валиханов. Кроме того, привлекались и иностранцы, в основном немцы, И. Фишер, П. Паллас, А. Гумбольдт, Г. Мюллер.

В начале прошлого века идею освоения целины на Востоке активно внедрял в жизнь премьер-реформатор П. Столыпин.

Затем первая мировая война, революция, потом Великая Отечественная... Не до целины. И вот пробил её час. Ура! Едут новосёлы!

Конечно, можно было вкладывать средства в разбитое и разрушенное войной сельское хозяйство на западе страны. Однако тогда надо было долго ждать отдачи! А тут распахал, посеял, убрал! За несколько лет распахали десятки миллионов гектаров девственной целины. А следом разразилась рукотворная, грозная стихия — ветровая эрозия, которая могла похоронить на корню новую, только-только зарождающуюся отрасль зернового хозяйства в совершенно новой земледельческой зоне.

Правда, находились отдельные учёные мужи-почвоведы, которые предупреждали Власть о возможных негативных последствиях стремительной распахки целины. Её некогда пережили в Новом свете — Канаде и США. Ветровую эрозию в этих странах признали как “национальную катастрофу” со всеми вытекающими последствиями. Однако в нашем государстве, где делается всё для народа и во благо народа, такое явление невозможно. Идеологи от земледелия ветровую эрозию объявили спутником капитализма. Учёных лишили кафедр. Фундаментальную науку — почвоведение — передали из университетов в сельскохозяйственные институты, так проще, “ближе к земле”. Как результат, на многие годы было задержано развитие экологии как науки, где почвоведение как основа биосферы или, как её ещё называют, “ноосфера” играет ведущую роль.

Если в царское время учёные империи стажировались в Западной Европе, то после освоения целины подобную практику они проходили в Зауралье в Курганской области на полях у знаменитого практика-полевода Терентия Мальцева, который развенчал в пух и прах травопольную систему академика В. Р. Вильямса. Этим незамедлительно воспользовались политики от науки — идейные противники имени учёного.

Борьба идей — дело хорошее, но защищать почву от ветровой эрозии надо срочно. Теперь экспедицию за экспедицией срочно отправляли в Канаду. За опытом летали многочисленные делегации, среди них был тогда ещё кандидат наук

Александр Иванович Бараев. Именно ему доверили возглавить Всесоюзный институт зернового хозяйства, который ныне носит его имя.

Поскольку институт Всесоюзный, он напрямую подчинялся Москве. Это много значило. Институт уходит от мелочной опеки и дрызг как внутри коллектива, так и за его пределами. Проще и оперативнее решались вопросы финансирования, а самое главное — кадровые.

Основной костяк научных работников института первого набора состоял из реабилитированных “врагов народа”, “АЛЖИРовцев”, “карлаговцев”, одним словом, бывшего репрессированного люда. Это были профессиональные учёные, много повидавшие и выстрадавшие на своём жизненном и научном пути.

Ещё в далёком 1960 году после поездки в Канаду был издан первый том научных трудов, в котором А. И. Бараев изложил весь перечень необходимых технологий на целине, которые практически не претерпели никаких изменений и четверть века спустя, до самой смерти автора.

Итак, ветровая эрозия. Страшная по силе природная стихия, рождённая из-за стратегических просчётов властей, охватила совершенно новый земельный регион. Осознав серьёзность сложившегося положения, Центральный Комитет КПСС в марте 1967 года принял постановление “О неотложных мерах по борьбе с ветровой и водной эрозией”. Таким образом, была обеспечена политическая поддержка А. И. Бараеву и его институту зернового хозяйства. Что ещё надо для учёного-политика?

Как во времена Реконкисты, были решительным образом уничтожены “вредные машины” и орудия, которые не вписывались в почвозащитную технологию. Было наложено табу даже на слово “вспашка”! Итак, “Кто не с нами, тот против нас!”. Как всегда, были намечены рубежи. Противозерозионная обработка почв в стране должна применяться на площади более 92 млн. гектаров!

Круто! А почему бы нет! — постановление ЦК партии обеспечивало политическую поддержку технологии.

Август 1971 года. Виды на урожай на казахстанской целине не особенные. Скорее, средние. И надо же было такому случиться, что после проведения каких-то испытаний на Байконуре в тогдашнем Целинограде (ныне Астана), совершенно неожиданно приземлился личный самолёт президента Академии наук СССР, трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК КПСС академика-математика с мировым именем Мстислава Всеволодовича Келдыша — обаятельного, простого душевного человека, но “невъездного” учёного.

В те годы особой государственной тайной считались три “К”: Главный теоретик космонавтики, Главный конструктор космических ракет, Главный конструктор ядерного оружия. Три самых титулованных человека страны — М. В. Келдыш, С. П. Королёв, И. В. Курчатов.

При внешнем ореоле славы и гордости страны это были абсолютно зависимые от Власти люди. Говорят, когда СССР запустил первый искусственный спутник Земли, Нобелевский комитет обратился к руководству Советского Союза, чтобы его создателя представили к присуждению этой мировой престижной премии, на что Никита Сергеевич Хрущёв якобы ответил: “Это заслуга не одного человека, а всего советского народа”. Может быть, он был и прав?

Встречал М. В. Келдыша тогдашний первый секретарь обкома Компартии Казахстана, чрезвычайно активный и напористый Николай Ефимович Кручина. Что можно было показать высокому столичному гостю в провинциальном городке с громким, амбициозным названием Целиноград? Ровным счётом ничего.

Тогда проницательный политический руководитель области принимает единственно верное и мудрое решение — вести Верховного Главнокомандующего всесоюзной науки в Шортанды — во Всесоюзный институт зернового хозяйства. Пусть ознакомится с аграрной прикладной наукой — это тебе не элитарная чистая наука физика-математика. Звонок А.И. Бараеву. Тот Э. Ф. Госсену — своему заместителю по науке. Ему исполнилось сорок лет. Расцвет творческих сил, а энергии хоть отбавляй.

— Выставляй в ряд всю противозерозионную технику. Быстро и срочно. К нам едет Келдыш!

Было бы сказано. Пока шла беседа в кабинете А. И. Бараева, прямо на поле в ряд выстраивался комплекс орудий. Авот и делегация. Всего три человека — Н. Е. Кручина, М. В. Келдыш, А. И. Бараев. Можно представить себе, какие чувства испытывал великий учёный, вся жизнь которого прошла в закрытых КБ, НИИ, на полигонах, где испытывали самую современную военную технику.

А здесь он шагает по земле свободно, без охраны. Тихо. Трели жаворонка. Куда ни глянь — золотые пшеничные поля. Рай. Идиллия! Такое впервые в жизни испытывал “невъездной” академик — глава всей науки страны.

Да! У него есть всё! Слава. Почёт. Уважение. Признание. Его встречали и провожали по высшему разряду. Персональный самолёт. Но не было самого главного — личной Свободы. Вся жизнь расписана по дням, часам, минутам. По пятам следует охрана. Вначале он возмущался. Потом привык, а со временем и свыкся! Так положено! Персоне такой величины!

Прямо на поле перед его глазами, которые привыкли видеть только военную технику и военных людей, выстроилась в ряд невиданная ранее диковинка: сепки, плоскорезы, глубокорыхлители, трактора. Чумазы механизаторы. М. В. Келдыш был ошарашен услышанным и увиденным. Эта необычная, коренным образом отличающаяся от привычных плугов техника работает на миллионах гектаров, даёт стране хлеб. Остановлена грозная стихия — ветровая эрозия. Что-то, а преподносить свой “товар” лицом А. И. Бараев умел. Восторгу президента “Большой академии” не было предела. Вот это действительно Великая Земная Наука! Растить хлеб! Не то что мы, только и думаем, чтобы создать смертоносное оружие, а сколько на это уходит народных средств великой, но бедной страны. Только на создание первой атомной бомбы ушёл её годовой бюджет. Разве это наука? Вот где настоящая наука! В смятении чувств проведя рукой по своей седой, могучей шевелюре, Мстислав Всеволодович, которому только исполнилось шестьдесят, обращаясь к А.И. Бараеву, спросил:

— А как отмечены ваши достижения?

— Никак! — коротко ответил А.И. Бараев.

Конечно, он мог добавить: “Не только не мешало бы отметить, но и поддержать. А то ведь мешают работать. Сколько палок в колёса вставляют. Сколько камней летит в мой адрес!”. Но он сдержал свои эмоции... А нужны ли они совершенно далёкому от хлебных дел человеку? Можно сказать, выходцу с другой планеты. Тем временем М.В. Келдыш подытожил:

— В общем, так, Александр Иванович! Завтра утром улетаю в Москву. К трапу самолёта доставьте обоснование. Я представлю всё увиденное мною к Ленинской премии.

А. И. Бараев ожидал услышать всё, но только не это.

Утром к трапу самолёта привезли обоснование: один листок машинописного текста. Мстислав Всеволодович положил его в свою папку и улетел.

Добрый, простой человек, истинный интеллигент, учёный до мозга костей. Не ведал он, что целина только-только выходила из оцепенения. События эти

происходили в августе 1971 года. Годом раньше вся целина весной домолачивала поздний хлеб 1969 года. А урожай этого года был далеко не блестящим. Зато 1972, 1973, 1974 годы выдались исключительно урожайными. Лёгкая рука была у президента “Большой академии”! Как будто нутром чуял большой хлеб, когда лично представлял учёных к самой престижной премии страны того периода.

Буквально через несколько дней прилетела большая комиссия из Москвы, из ВАСХНИЛ.

Встреча с любой комиссией вещь далеко не из приятных, а тем более от прямого начальства. Алма-Ата об этом ничего не знала, её даже и не посвящали. Поставили перед фактом, когда уже присудили премию. По-разному можно всё это оценить. Институт Всесоюзный, представлял его на премию совершенно нейтральный человек, далёкий от сельского хозяйства. Правда, выдающийся учёный и президент Академии наук СССР.

Москвичи подняли шум, столичные чиновники, особенно мелкие, во все времена и во всех странах амбициозные. Они приехали со своей точкой зрения, идеей своего руководства. Что вы наделали? Кто вас просил? И всё это, минувя нас. Как так? Мы узнаём обо всём последними! Впервые в истории советской науки президент Академии наук СССР неожиданно, без подготовки пригласил к себе нашего президента. Слава Богу! Всё обошлось благополучно. А ведь неожиданные приглашения к большому начальству всегда непредсказуемы. Мстислав Всеволодович выразил Павлу Павловичу Лобанову — президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) большое удовлетворение посещением Шортандов и сообщил своё решение. Вот поэтому мы и здесь.

Началась муторная черновая работа. Расчёты, прогнозы, экономика, перспектива. Обоснование, которое было написано на одном листочке, по правилам научной бюрократии стало обрастать томами бумаг, различными справками, тысячами инструкций, подготовкой коих было занято большое количество людей.

А тут ещё возник самый главный вопрос. Где научная теория? Это был серьёзный камень преткновения, за который вцепилась научная элита традиционных земледельческих регионов. Чувствуя этот неминуемый подвох, все первые диссертации по обработке почв многие шортандинцы защищали в Бурятии — недалеко от родины “Потрясателя вселенной” Чингисхана. В том числе был также будущий лауреат Э. Ф. Госсен. Это стало причиной того, что и сам А. И. Бараев защитил свою докторскую не по земледелию, а по растениеводству в Ленинграде, во Всесоюзном институте растениеводства им. Н. И. Вавилова. Авторы многочисленных теорий, оппоненты А. И. Бараева, так и оставались теоретиками без широкого применения своих разработок на практике. В то время как главным козырем А. И. Бараева была практика — широкое внедрение научных достижений!

Правда, была одна закавыка. То, что применялось на казахстанской целине, уже давно и прекрасно проявило себя в Канаде. Это тоже было бальзамом на душу завистникам от науки. Так было во все времена! Кроме того, имелась ещё одна глыба. Выходец из народа, знатный полевод, почётный академик ВАСХНИЛ Терентий Семёнович Мальцев, попав однажды в немилость к Никите Сергеевичу Хрущёву, а также к коллегам по науке, уже выпал из обоймы и ни на что не претендовал.

Все эти подводные мины хорошо знал давний товарищ А. И. Бараева Павел Павлович Лобанов. Их связывала многолетняя дружба. Это он после войны пригласил малоизвестного заместителя директора по науке Уральской опытной станции А. И. Бараева в Москву. Затем через Уральск передвинул в Алма-Ату

директором Казахского НИИ земледелия им. В. Р. Вильямса. Когда в Шортандах на базе опытной станции был организован Всесоюзный НИИ зернового хозяйства, П. П. Лобанов рекомендовал А. И. Бараева на должность директора института, которым тот бессменно руководил до самой смерти. Помогал, поддерживал, опекал без широкой огласки и афиширования. А теперь вот неожиданный сюрприз от старого друга. На самую престижную премию выдвигается коллектив института, возглавляемый А. И. Бараевым. И рекомендует не общественная, научная или политическая организация, а сам председатель Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники. Кристально-чистая личность. Выдающийся учёный, президент Академии наук СССР. Конечно, если бы на эту премию выдвигала республика или ВАСХНИЛ, её бы, возможно, и не рассматривали, одним словом, зарубили бы на исходных рубежах. А тут даже всесильный ЦК КПСС не вмешивался в эти дела. Если и вмешивался — только всемерно поддерживая, особенно его сельхозотдел.

Итак, по высокому велению аграрной академии и при партийной поддержке научные институты, крупные учёные-эксперты, кое-кто скрипя зубами, писали положительные отзывы на тогда ещё не получившую всеобщего признания и названия систему. Это потом, спустя несколько лет, в 1975 г. появилась первая коллективная монография “Почвозащитная обработка”, которая обобщала первый этап внедрения бесплужной технологии.

Всё вроде пройдено. А кто же “действующие лица”? Претендентов много. Говорят, в первоначальном списке претендентов на Ленинскую премию было более 20 человек. Главное “действующее лицо”, бесспорно, Александр Иванович Бараев.

Мстислав Всеволодович Келдыш сделал главное — представил. Дело это для него не новое. Скорее, обычное, рядовое. Скольких людей он представлял на подобные премии. Дальше не его забота. У него самого хлопот невпроворот — ракетно-ядерный щит Советского Союза!

Можно понять состояние А. И. Бараева. Все разработки и рекомендации института внедрялись при непосредственной, прямой поддержке первых секретарей целинных обкомов, секретарей ЦК союзных республик, в первую очередь Казахстана. Их не включать в список нельзя. Всё это может обернуться против него. Как политик, он это прекрасно понимал. Однако, как выяснилось позже, в общем списке лауреатов должно быть только шесть человек. Меньше можно — больше нельзя.

Когда первоначально подготовленный список кандидатов в лауреаты попал М. В. Келдышу — возмущению академика не было предела. Одни партийные секретари, а где наука? Прошедший суровую бериевскую школу научных технократов Мстислав Всеволодович чётко разделял Власть, Идеологию, Конкретные Заслуги.

Звонок в ЦК. Слегка заикаясь и картавя: “Смотрю список кандидатов в лауреаты Ленинской премии по сельскому хозяйству. Одни секретари обкомов. Чем они у вас занимаются? Проводят партийную линию на местах или все они научные сотрудники?!”

И последовала команда убрать из списка всех секретарей! Коммунисты, а тем более секретари обкомов, — народ послушный, дисциплинированный, возмущаться не стали. Но запомнили, кому помогали, и чем он им отплатил.

Косвенно об этом можно судить по такому факту. Ленинскую премию учёным в Шортандах вручал не первый секретарь Целиноградского обкома Компартии Казахстана, всесильный в те годы Н. Е. Кручина, а второй секретарь О. С. Куанышев, хотя на торжественной церемонии присутствовал сам президент ВАСХНИЛ П. П. Лобанов.

Итак, Ленинскую премию присудили. Думаю, имена их знают все аграрии, особенно на целине. Трое — это пионеры из ВНИИ зернового хозяйства: А. И. Бараев, Э. Ф. Гюссен, А. А. Зайцева. Один из Павлодарской опытной станции — Г. Г. Берестовский. Он первым обосновал необходимость полосного размещения посевов и паров — обязательный элемент почвозащитного земледелия. Правда, дальше Павлодарской области полосное размещение не нашло широкого распространения.

Двое из Москвы. И. И. Хорошилов из Министерства сельского хозяйства СССР. В 1961-1965 годах он был советником посольства СССР в Канаде по аграрным вопросам. А раньше, в 1957 году, был руководителем научной делегации советских учёных, среди которых находился А. И. Бараев, изучавших опыт канадского земледелия. В 1976 году И. И. Хорошилов и В. И. Хорошилова написали книгу “Сельское хозяйство Канады”.

А. А. Плишкин — инженер-конструктор из ВИМа (Всесоюзный институт механизации). Созданное им орудие первоначально предназначалось для борьбы со злостным карантинным сорняком — горчаком — на юге Украины. Но широкую известность и распространение сконструированный плоскорез получил при обработке почвы против ветровой эрозии в Северном Казахстане.

Отмеченная Ленинской премией работа получила широкое признание у агрономов-полеводов — людей далёких от науки и политики. Однако в научной среде и в стенах родного института оценка была далеко не однозначной. Это и понятно. Вроде бы все равны, а тут один из равных становится лауреатом. И за что?!

Учёный люд — народ творческий, экспрессивный, импульсивный, свой труд всегда оценивает выше чужого. Даже официально признанного! В те годы я учился в аспирантуре. Научным руководителем был Эрвин Францевич Гюссен, ныне доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик НАН РК — единственный остающийся в живых из шести лауреатов Ленинской премии, так сказать, последний из могикан. Он и поведал мне историю о том, как совершенно случайно с лёгкой руки выдающегося учёного XX века М. В. Келдыша, институт был выдвинут на такую престижную премию. И по праву.

Деревенька моя

В народе говорят: “Чем быть султаном на чужбине, лучше на Родине простолудином”.

Удивительны законы природы! Лосось — благородная океанская рыба, ведома только своими инстинктами, преодолевая тысячи морских миль, огромными стадами-косяками во время нереста устремляется в устья кристально-чистых горных родниковых речушек. Отметав икру и дав новую жизнь, успокаивается навечно, умирая в родных краях, где Природа подарила им когда-то жизнь! Вечный зов!

Возможно, ошибаюсь, но мне кажется, что чувство Родины больше развито у сельчан, чем у городского люда. На то есть свои причины. Деревенские жители менее урбанизированы, с достоинством свободно ходят по земле, раскованы в общении. Одним словом — дети природы. Предоставлены сами себе!

Как признавался мне мой коллега-агроном, вся жизнь которого прошла в своей родной деревне:

— Приеду в город, подниму голову — глаза упираются в каменную стену. А здесь — в степь, то в лес, то на речку, то на луг к стаду... Приволье до самого горизонта. Простор — не объять! А воздух!

Все мои друзья — выходцы из деревни. А это много значит. Владимир Романович Гундарев написал ностальгические стихи, новосибирский композитор, морской пехотинец, фронтовик Николай Михайлович Кудрин переложил их на музыку, — так родилась песня.

С годами, пройдя чрезвычайно строгую народную цензуру, которая намного объективнее любой оценочной комиссии, включая пресловутый худсовет, она стала действительно народной, более того — застольной! Такое редко случается! Одним словом, сама себе проложила дорогу в жизнь, однажды выпорхнув из гнезда своих создателей-родителей. Теперь у неё своя жизнь, скажем так, в третьем поколении слушателей и исполнителей.

Убеждён! Её будут петь до тех пор, пока жива деревня на всём огромном пространстве Евразии, которое некогда называлось Советский Союз!

По законам и правилам творчества подобный “штучный товар” создаётся не по заказу. Это особое состояние души, зов сердца в момент вдохновения. Справедливости ради отмечу, встречаются прагматики, у которых это дело поставлено на промышленный поток практики шоу-бизнеса. Творческие коллективы — артель: исполнитель, поэт-песенник, композитор. И пошла попса-однодневка. Каждому — своё. На то и жизнь!

А тут ни автор слов, ни автор музыки не знали друг друга и ни разу не встречались. А теперь уже и не встретятся на этом свете. Композитор Николай Кудрин ушёл из жизни в конце прошлого века. Остаётся только гадать и фантазировать, о чём была бы их беседа? Объединяла их виртуально одна-единственная песня. Зато какая! Масса исполнителей от самодеятельных до профессиональных, заслуженных. Сольных, хоровых, от детских до взрослых. А застольных не счесть — и всегда всё красиво, к месту и слова, и музыка. Вот текст этой песни “Деревенька моя”:

*Деревня моя деревянная, добрая,
Смотрю через дали, прикрывшись рукой:
Ты в лёгком платочке шольского облака
В веснушках черёмух стоишь над рекой.*

*Родная моя деревенька-колхозница
Смущённой улыбкой меня обожгла.
К тебе моё сердце по-прежнему просится,
А я всё не еду... Дела и дела...*

*Мне к южному морю нисколько не хочется, —
Душой не кривлю я, любви не тая.
Тебя называю по имени-отчеству,
Святая, как хлеб, деревенька моя.*

Проводить параллели и сравнивать — занятие не очень достойное. Порой и никчёмное. Тем не менее на память приходит новелла великого Стефана Цвейга “Гений одной ночи” — история создания гимна Франции “Марсельезы”. Музыка и слова написаны никому не известным тридцатидвухлетним капитаном инженерных войск Руже де Лилем 25 апреля 1792 года.

Страсбург. Франция накануне войны со своим вечным врагом Германией. Эльзас — маленький клочок французской земли — принимает на себя первое сражение. Созданная за одну ночь как “Походная песня Рейнской армии”, своё великое рождение песня получила в Марселе. На одном из банкетов, где провожали

на фронт добровольцев, студент-медик по имени Мюрер вместо торжественного тоста запел совсем новую, незнакомую и неведомую никому песню, которая начиналась словами: “Вперёд, сыны Отчизны милой!”, которую вмиг подхватил весь зал. Так родилась “Марсельеза”. Победоносное шествие “Марсельезы” — фантастическое, неудержимое, подобно лавине. Напомню, в те времена не было в помине современных средств массовой информации: радио, телевидения.

За каких-то два-три месяца “Марсельеза” становится гимном всего народа, походной песней всей армии, её поют на банкетах, в клубах, театрах, даже в церквях.

Ни одно торжество не заканчивается без “Марсельезы”. Теперь никто не думает и даже не вспоминает о её создателе. Небывалая для песни слава достаётся самой песне. Забытый всеми Руже де Лиль пережил своё творение почти на полвека. И лишь в годы первой мировой войны, когда “Марсельеза”, давно ставшая государственным гимном, вновь воинственно гремела на всех фронтах Франции, последовал приказ: “Перенести прах маленького капитана Руже де Лилия в Париж, в Собор Инвалидов и похоронить рядом с прахом маленького капрала Бонапарта”. Наконец невидимый и незнакомый миру творец бессмертной песни мог отдохнуть на усыпальнице славы своей родины от горького разочарования, что судьба подарила ему лишь единственную ночь быть поэтом и композитором... Зато каким!

... Минуло почти двенадцать лет, как тогда ещё Володя покинул свою деревню Ядрышниково, что в краю Васюганских болот, и жил на целине, трудился редактором молодёжной радиостанции “Товарищ” областного радио. Работа творческая, интересная. Масса молодёжи, масса общения, масса дел — всё это приносило ему полное духовное удовлетворение.

... Знойное лето 1971 года. Я — тогда ещё начинающий агроном — бегал по полю с мерной лентой землемера, разбивал делянки под опыты на Тургае.

Мстислав Всеволодович Келдыш — президент АН СССР — представлял учёных ВНИИ зернового хозяйства на Ленинскую премию.

Известный новосибирский композитор Николай Кудрин, автор популярных песен тех лет, в числе которых “Сапожки русские”, впоследствии хлебного гимна “Хлеб всему голова” и многих других, возвращался из очередной творческой поездки.

Побывал в Павлодаре, встречался с шахтёрами Караганды, теперь через Целиноград (ныне Астана — столица Казахстана) возвращался домой. Что такое творческая встреча у творческих людей — известно всем!

Пыльный, грязный пассажирский поезд Караганда — Новокузнецк подошёл к очередной станции. Стоянка — полчаса, времени достаточно, чтобы полгорода осмотреть. Знакомых у нашего героя Николая Михайловича в этом городе нет. Встречать некому. Толпы пассажиров, суета. Одни выходят, другие заходят в вагон. Пассажир пассажиру рознь! Пассажиры тех лет всегда налегке, не то что нынешний мешочник. Ничего не поделаешь, “Новые времена — новые заботы”!

Наконец все утомонились, разместились, успокоились. Не знаю или мне так кажется, но любой пассажир, заняв место, приступает к трапезе, будто голодал несколько суток.

Как правило, все пассажиры дальнего следования первоначальный провиант прихватывают с собой. Если припасы закончились, любая остановка — и на перроне милые бабушки со своими домашними шедеврами кулинарного искусства: соленья, варенья, пирожки, молочные продукты — тут как

тут. По разнообразию блюд и численности представителей народной сферы обслуживания, которые, как профессиональные железнодорожники, строго по графику и расписанию выходят к своим поездкам, можно сделать вывод о трудолюбии и традициях местного люда.

Правда, спиртными напитками, колбасами, сырами и другими деликатесными изделиями бабушки в те годы не торговали. Оно и понятно. Торговля спиртным строго пресекалась.

Однако власть порой спохватывалась и препятствовала простой и наивной инициативе бабушек-“предпринимательниц”. Частенько прогоняли их с “торговых точек” — якобы они разводят антисанитарию. Но частный бизнес — вещь великая! Пассионарным бабушкам запреты нипочём.

В вагоне духота. Рой мух. Голова трещит — невмоготу. Дай выйду на перрон, подышу свежим воздухом. Вместо свежего воздуха — духотища! Пышущий жаром, словно “буржуйка”, железный вагон, как парилка — здание вокзала. Аромат расплавленной асфальтной смолы с запахом гари разрывает грудь. Ни ветерка, ни тени. Композитор подошёл к киоску, взглянул на витрину, где был выставлен стандартный набор продуктов (привокзальная торговля особым ассортиментом не отличалась). В уме посчитал свои финансы. Негусто! Взял несколько пирожков. Пирожки — одно название, скорее, сухарики, обжаренные в масле. Жареный хек — бесценное украшение любого стола и рыбный деликатес тех лет. Всё это здоровенная буфетчица в поношенном грязном халате шустро завернула в газету. На оставшиеся рубли взял несколько бутылок прокисшего теплого пива местного разлива. Покурил и вернулся в вагон. Вскоре поезд тронулся, издав прощальный гудок.

Принялся за трапезу. Кислое тёплое пиво плюс рыбно-пирожковый деликатес взяли своё. Лёг и заснул. Проснулся аж за Павлодаром. В вагоне свежо. Светло. Развернул промасленную газету, в которую были завернуты пирожки с хеком, — “Целиноградская правда”. Разных “Правд” от сельских до столичных в те годы было много, но все читатели почему-то предпочитали знакомиться с газетами с последней страницы. Композитор по своему профессиональному интересу в первую очередь обращал внимание на стихи.

Хотя и союзная, но другая республика — Казахстан, какой-то Целиноград, провинция, не то что миллионный Новосибирск, город академиков, город оборонщиков. Какой-то никому не известный Гундарев поместил свои стихи, да ещё какие — “Деревенька моя”, не “Деревня”, а “Деревенька”. Хотел было уже и выбросить, но что-то сдержало — судьба. Взял, прочитал на прикид, что-то в стихах есть особенное, — подумал сибиряк. Аккуратно выровнял рукой помятую, промасленную газетную страницу, сложил среди своих бумаг и бросил в издававшие виды портфель, с которым никогда не расставался.

И надо же, в тот год осенью оказался Кудрин в одном из глухих глубинных районов Новосибирской области — Кыштовском. Стояла удивительно тёплая тихая пора. Берёзки начали желтеть, они золотым одеянием выделялись на зелёном фоне сосен и елей. Кругом летела паутина. Начало бабьего лета!

Директор местного Дома культуры, положив перед композитором подшивку районной газеты за первое полугодие, похвалилась:

— Вот, Николай Михайлович, наш земляк Володя Гундарев прислал нам свои стихи. Правда, он уже больше десяти лет как на целине в Казахстане, но нас помнит.

— Боже мой! Да эти стихи я уже несколько месяцев таскаю с собой, прочитаю и вновь запикиваю в портфель, а где и как я их нашёл, со смеху умрётё! — рассмеялся Кудрин.

А теперь слово Владимиру Романовичу, который десять лет назад предоставил мне страницы своего, тогда ещё совсем юного журнала “Нива”, поместив мою статью “Немного грустный юбилей”, впоследствии помог в редактировании книги “Монголия глазами кочевника”. А в 2005-2006 годах в “Ниве” я опубликовал полностью свою последнюю книгу “Знамение времени”.

Мы изредка видимся в непринуждённой обстановке, проводим своеобразные “встречи без галстуков”. На таких “мальчишниках” я и попросил Владимира Романовича поделиться историей создания “Деревеньки”. Вот что он рассказал:

“... Меня всё время тянуло домой, то есть на родину. Но в молодые годы далеко не каждый год удавалось провести свой отпуск в деревне. Это уже позже, став старше и пока жива была моя мама, я старался навещать её ежегодно. Так вот, зимой 1971 года я так затосковал по родине, что спасу нет. Чтобы облегчить душу, в один присест, примерно за час, написал стихи “Деревня моя деревянная”, а потом и ещё большой цикл стихов о деревне. Впоследствии он составил основу моего первого сборника стихов “Деревня моя деревянная”, вышедшего в 1973 году.

Как раз в ту пору началась повальная кампания по уничтожению так называемых “неперспективных” деревень. И мои стихи были как раз стихийным, неосознанным протестом против этого варварства. Кстати, под этот нож чуть не попала и моя деревня Ядрышниково. Её спасло чудо — появление песни “Деревенька моя”.

История её возникновения любопытная. Сначала стихи “Деревня моя деревянная” были опубликованы в областной газете “Целиноградская правда”, потом я их отправил в одну из газет Новосибирска и, конечно, в районную газету “Колхозный путь” (ныне “Правда Севера”) родного моего Кыштовского района, в которой я начинал свой творческий путь. Видимо, тогда в Кыштовке оказался композитор Николай Кудрин, и газета со стихами попала ему на глаза — он как раз искал подходящие слова, чтобы написать песню о деревне. Мои стихи пришлись ему по душе, он создал песню “Деревенька моя”, взяв из стихотворения три, наиболее подходящих, “поющих” строфы. Естественно, об этом я не ведал.

Как потом выяснилось, первым исполнителем “Деревеньки” был самодельный ансамбль “Ватаalinka”, которым руководил Николай Михайлович. Этот ансамбль пел её в Кремлёвском Дворце съездов на заключительном концерте Всероссийского фестиваля народной песни. Потом её стал исполнять Государственный Сибирский народный хор, а солисткой была заслуженная артистка России Галина Меркулова (с ней я познакомился ещё в 1960 году и даже немного был влюблён в неё).

Кстати, где-то в середине семидесятых годов Сибирский народный хор приезжал к нам в Целиноград, и эта песня звучала в моём присутствии на концерте во Дворце Целинников (ныне Конгресс-холл). Не скрою, мне было приятно, когда объявили, что автор стихов этой песни находится в зале. Пришлось встать...

А ещё раньше, в 1973 году, “Деревенька моя” зазвучала по Всесоюзному радио и по “Маяку” в исполнении заслуженной артистки России Нины Пантелеевой и вокального квартета “Улыбка”. Тогда-то я впервые услышал эту песню. Правда, автором слов почему-то значился И. Гундарев. Осенью того же года я был на лечении в Крыму, в Алуште, увидел афиши, что выступает Нина Пантелеева, пошёл на концерт. Вовсе не думал, что для изысканной курортной публики она будет петь “Деревеньку”. А она спела... Во время антракта я набрался смелости и пошёл за кулисы, чтобы познакомиться с певицей.

Встрече Нина Васильевна обрадовалась (мы потом долго с ней переписывались), порывисто меня обняла:

— А мы с Николаем Кудриным найти вас не можем... Вы знаете, Володенька, какой это замечательный шлягер!

Она дала мне адрес композитора, пообещала, вернувшись в Москву, прийти на радио и исправить ошибку в моих инициалах — В. вместо И. (слово она сдержала). Я написал в Новосибирск Николаю Михайловичу, так мы с Кудриным заочно познакомились. Даже написали ещё одну песню — о Сибири, но она такого звучания, как “Деревенька”, не получила.

“Деревенька моя” стала звучать и на Центральном телевидении — в исполнении народной артистки России Ольги Воронец, да и вообще — к моей неожиданности — стала в народе очень популярной, в том числе и в застольях, чуть ли не наравне с “Шумел камыш”...

Удивительно, но эта песня живёт и сейчас, вот уже 35 лет.

Между прочим, Ольга Борисовна Воронец однажды зимой, уже в восьмидесятые годы, была с концертами в моём родном Кыштовском районе. Там её на руках носили. Мне об этом сразу же написала бывшая моя учительница Раиса Павловна Рассказова. А тут сразу же у меня выпала командировка в Москву. Уже в последний день, перед отъездом в Целиноград, я пересилил свою застенчивость и позвонил Ольге Воронец (номер телефона у меня был), представился, услышал восторженный, но простуженный голос:

— Вы знаете, как меня приняли на вашей родине! Хотя морозы были под сорок градусов, но мне было так тепло! На одном из концертов была ваша младшая сестра, мне её показали. Познакомилась я и с вашей учительницей. Правда, маму вашу не видела, до её деревни мы не смогли доехать. Но когда я увидела эту природу, то поняла, что стихи о деревеньке могли родиться только здесь... И всё же я в Сибири простыла, только вернулась оттуда, сейчас сильно гриппую. Через день-два я буду готова пригласить вас, Володя, в гости.

Я поблагодарил Ольгу Борисовну и сказал, что, к сожалению, ночью улетаю. Встретимся в следующий раз... Но так и не получилось.

“Деревеньку” я слышал многократно в прекрасном исполнении и замечательных солистов, и разных коллективов — как профессиональных, так и самодеятельных. Но особенно был растроган, когда приехал в родительский дом (песня уже начинала обретать популярность), вечером мама собрала гостей-односельчан, а потом они после рюмки-другой вдруг переглянулись и запели “Деревеньку”. И столько в их непоставленных голосах было искренности, задушевности, что на моих глазах выступили слёзы. Испытать такое — счастье! Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали любовь к родной стороне. Никогда этого не забуду”.

Вот такая любопытная история, о которой, как мне думается, мало кто знает. А закончить это небольшое повествование я решил стихами Владимира Гундарева, написанными в последние годы. Эти строки весьма символические — в них по-прежнему отражается трепетное чувство неизбывной любви к родной земле:

*Здесь берёзовый свет,
журавлей на болотах рыданье,
Рыжий колос у ржи,
бирюзовые очи у льна.
Вдоль угрюмых урманов,
возле топких озёр Васюганья*

Протянулась полоской
родная моя сторона.
Простоватой крестьянкой
притулилась у Тары неловко,
Не прельщая красой
и лукаво к себе не маня.
Но всему вопреки —
неказистая вроде б — Кыштовка
Год от года дороже,
прекрасней столицу для меня.
Тяготенье земное —
в нём, Кыштовка, твоё притяженье, —
Эту властную силу
я всегда ощущаю вдали.
И, старея, к тебе
я своё убыстряю движенье, —
Тут и мама моя
стала горстью родимой земли.
На печальных погостах
даже в полдень покоится вечер,
И едва уловимо
листвою шуршит тишина...
Все мы тоже уйдём.
Но Кыштовке быть всё-таки вечно,
Чтобы свято хранить
дорогих земляков имена.
А куда живём, —
устремляюсь к друзьям на рассвете,
Чтобы вместе вдохнуть
пряный запах лесов и полей.
В ранней юности здесь
я любовь свою первую встретил,
Что осталась в судьбе
и последней любовью моей.
Отчий край мой, сюда
наконец-то я вырвался снова.
Хоть живу в чужеземье,
а родом и кровью я твой.
Но тебя возвеличить —
не сыскал я заветного слова...
И сейчас пред тобою
с непокрытой стою головой.
Остужающий ветер
мои перепутал седины,
И поземка сугробы
на моём намечает пути.
Так прости же, Кыштовка,
прости непутёвого сына,
Ну хотя бы за то,
что я каюсь —
родная, прости...

Севооборот и оборот вождей

Мехлис Касымович Сулейменов о себе всё написал в многочисленных публикациях, в том числе биографических. Такое не часто случается с людьми подобного ранга. Мне остаётся вспомнить редкие случаи из жизни и наши встречи, которые, как говорят, “остались за кадром” и привносят особый аромат в повседневную суету.

Моё первое знакомство с Мехлисом Касымовичем состоялось осенью 1973 года. Начало ноября. Непролазная грязь, особенно после обеда. Все сотрудники в резиновых сапогах. Благо я добрался до института утром в туфлях, когда лёгкий морозец сковал чёрный, как мазут, и липкий чернозём.

Асфальтированные улицы и тротуары в научном городке только начинали прокладывать. Да и сама территория института выглядела, скорее, большой строительной площадкой, чем научным центром. Возводились новый корпус, жильё. Каждые выходные все сотрудники по графику в полном составе направлялись на “воскресники” в качестве подсобных рабочих.

Учёные ютились в старом корпусе. Теснота. Зато огромный порыв творчества. Все занимались, корпели, грызли гранит науки. В надежде на защиту учёной степени. Новая зона земледелия открывала большие возможности и перспективы для решения огромной задачи “Защита почв от ветровой эрозии”. Конечно, в первую очередь стимулом для научных сотрудников была материальная сторона жизни: нормальные бытовые условия, центральное отопление, горячая, холодная вода. Заработная плата научного сотрудника, который имел учёную степень кандидата наук, была на уровне директора совхоза, а о заведующих лабораториями и говорить не приходится.

Так что конкуренция среди сотрудников была очень и очень острая, а где конкуренция — там результат, что было на руку администрации.

Те, кто уже “остепенился”, молча собирали материал для докторской. О них тогда ходили легенды. Кандидаты в доктора наук определились. Среди них был и Мехлис Касымович. Правда, он защитил докторскую диссертацию третьим, после Е. Шиято и В. Кирюшина.

Я знал, что Мехлис Касымович заведовал лабораторией агротехники полевых культур. Моя научная тематика напрямую не соприкасалась с его профилем. Но, тем не менее, я попросился на собеседование. Скромный Мехлис Касымович принял меня. Разговорились. Собеседник он удивительно терпеливый. Не давит. Слушает внимательно.

В конце нашей беседы он посоветовал мне:

— Конечно, я имею право быть твоим научным руководителем. Но нас могут неправильно понять. Поэтому я переговорю с Эрвином Францевичем Госсеном. Он уравновешенный человек. Думаю, будет достойным руководителем кандидатской работы. Приезжай на будущий год.

На этом и расстались. Тем более что мой собеседник спешил на очередной субботник во главе своей лаборатории. Через год я впервые познакомился с Эрвином Францевичем. С лёгкой руки Мехлиса Касымовича мой вопрос решился в течение пяти минут. А наши отношения с Госсеном с тех пор не прерываются. Пошёл уже четвёртый десяток лет!

Когда я докладывал методику исследований на заседании учёного совета, произошёл маленький конфликт. В то время Эрвин Францевич, будучи заместителем директора по науке ВНИИ зернового хозяйства, находился в одной из своих многочисленных командировок. Как правило, когда аспирант докладывает методику, научный руководитель всегда рядом. Неверная

методика исследований может привести к неверным результатам. Это аксиома. А тут руководителя нет. Я один как “сирота казанская”. В зале все ведущие учёные, заведующие лабораториями. Хорошая традиция и настоящая школа воспитания научных работников.

Доложил. Выступили рецензенты. Вроде бы всё идёт нормально. Отвечаю на вопросы. И тут заведующий лабораторией обработки почв Иван Гаврилович Зинченко, перехватив инициативу, начал “топить” меня. Все прекрасно понимали, что тема исследований по обработке почвы должна принадлежать ему. Новая для него почвенно-климатическая зона, которая в идеале хорошо дополнит его материал, а аспирант не его!

Все молчали. Я отвечал. Дискуссия затянулась. Обычно демократичный Мехлис Касымович (он оставался за председателя методического совета) резко прервал возбуждённого завлаба:

— В конце концов, и к столбу можно придраться!

Наступила пауза. Методику утвердили.

Уже в годы учёбы в аспирантуре у меня с Мехлисом Касымовичем сложились добрые, даже доверительные отношения. Хотя лично для меня и других аспирантов он уже тогда был глыбой и легендой.

В год моей защиты кандидатской Мехлис Касымович защитил докторскую диссертацию. Однако ВАК (Всесоюзная аттестационная комиссия) её не утвердила. Утвердили аж с третьего захода.

Интересно порой развиваются события в жизни. Пока сам А. И. Бараев не защитил докторскую диссертацию, он никого с этим не торопил.

Получив сведения, что ВАК утвердила его докторскую, буквально на следующий день он собрал учёный совет и начал с упреков:

— Что вы все сидите и ждёте! Почему не пишете и не защищаете докторские диссертации? Масса материала!

Даже составил первый список кандидатов в доктора, в который, однако, Мехлис Касымович не попал, возможно потому, что не входил в ближайшее окружение директора, хотя уже дважды избирался секретарём партбюро.

После того как меня направили на работу в НИИ растениеводства и земледелия Монголии (г. Дархан), перед завершением заграникомандировки я подготовил монографию “Почвозащитное земледелие в Монголии”, которая вышла в Москве (Агропромиздат, 1988 г.). История написания её вкратце такова:

Земледелие в Монголии имеет многовековую историю и традиции. Оно было очаговым и орошаемым. Это и понятно. Основная отрасль страны — пастбищное животноводство. Земледелием занимались только приезжие китайцы, у которых оно доведено до совершенства.

Первым, кто обобщил опыт монгольского земледелия ещё в 40-е годы прошлого столетия, был ссыльный профессор Н. Ф. Шубин. Конечно, ни о какой серьёзной науке в те годы не могло быть и речи. Зато какая история отрасли!

Начало освоения монгольской целины по времени совпадает с казахстанской. Этот этап обобщили П. Ф. Кононков и С. Н. Кононкова — советские специалисты, которые были командированы в Министерство сельского хозяйства Монголии. Книга написана под редакцией Героя Социалистического Труда, доктора с/х наук профессора В. Е. Писарева, бывшего близкого сотрудника и единомышленника Н. И. Вавилова. В. Е. Писарев вместе с будущим академиком, Героем Социалистического Труда, знаменитым казахстанским селекционером В. П. Кузьминым побывали в Монголии ещё в далёкие 20-е годы в составе научных экспедиций, которые организовывал сам академик

Н. И. Вавилов. Спустя десятилетия, вдвоём с директором института мы почти полностью повторили маршрут знаменитых учёных, а я написал очерк “По древним очагам земледелия,” опубликованный в монгольской газете. Так что я начинал свою книгу не на пустом месте.

После освоения целины прошли десятилетия. Земледелие стало занимать видное место в народном хозяйстве Монголии.

Институт, куда я был командирован, был единственным в стране научным сельскохозяйственным учреждением, так что мне сам Бог велел обобщить накопленный научный и производственный материал.

Подготовленную рукопись я представил своему шефу — уполномоченному министра сельского хозяйства СССР в Монголии, учёному-растениеводу Геральду Арсентьевичу Романову, у которого нашёл поддержку и понимание. Он помог мне в редактировании и печатании рукописи. Дополнил монографию отдельной главой “Орошаемое земледелие”.

Поскольку материалы, обобщённые мною, принадлежали Монголии и НИИ растениеводства и земледелия, вторым автором я включил директора института Д. Цэдэва, а сам передвинулся на третье место. В таком виде и авторском составе рукопись ушла в Москву.

Через некоторое время издательство высылает рецензии, первая — чрезвычайно критическая, отрицательная — автор инкогнито.

Настроение упало! Делать нечего. Думаю, финиш. На все замечания рецензента даю ответы, а это полсотни страниц машинописного текста. Пока их готовил, приходит вторая. Из ВНИИ зернового хозяйства (Шортанды). Вскрываю конверт. Читаю и не верю глазам. Полная противоположность первой. Подпись — директор М. Сулейменов. Положительная рецензия имеет автора, отрицательная — нет. Так положено в научном мире. Вскоре в Москве вышла и сама монография. Более того, получил за неё даже гонорар.

По возвращении из Монголии у меня возникли проблемы с трудоустройством. В моём понимании, их вроде бы и не должно было быть. Оказывается, я ошибался и даже очень сильно. В отчаянии набрался смелости и позвонил Мехлису Касымовичу. Надо отдать ему должное. Он прямо ответил:

— Подавай на конкурс! — но тут же добавил: — Думаю, вряд ли твоя кандидатура пройдёт!

Он не стал оправдываться, сказал, как оно есть на самом деле.

Спустя год, когда руководство тогда ещё Целиноградской области искало кандидатуру на вакантную должность заместителя председателя агропромышленного комитета, секретарь обкома Чапай Муталлапович Абуталипов спросил совета у Сулейменова, и тот рекомендовал меня. А дела у Мехлиса Касымовича в тот период были далеко не простые, не столько научные, сколько политические. Отголоски прошлых времён, о которых я не знал и не ведал.

Ещё в 1987 году как директор ВНИИ зернового хозяйства он дал интервью всесоюзной аграрной газете “Сельская жизнь”. В нём, как учёный, он высказал своё видение и дальнейшую перспективу развития земледелия на севере Казахстана на основе критического анализа многолетних данных стационарного опыта по севооборотам своего же института.

Интервью произвело эффект разорвавшейся бомбы. Журнал “Земледелие” в 1988 году организовал всесоюзную дискуссию по этому вопросу. Такого не было давно!

Вот уже два десятилетия рассуждения и взгляды Мехлиса Касымовича будоражат земледельческую науку, и не только Казахстана.

Оппонентов всяких — множество, тем не менее, Мехлис Касымович до сих пор почти в одиночестве отстаивает свою точку зрения. Из-за своих научных взглядов он не был допущен в ряды жрецов — светил науки, академиков ВАСХНИЛ. Восстановил против себя практически весь коллектив института, для которого за долгие годы своего директорства Александр Иванович Бараев стал абсолютным авторитетом, и этот коллектив почти в полном составе проголосовал против Сулейменова на выборах в тогда ещё Верховный Совет Казахской ССР 1991 года.

На то были свои причины, весьма далёкие от науки. Из-за скромности и простоты Мехлиса Касымовича мало кто предполагал видеть его в роли директора Всесоюзного института. А когда его назначили вопреки всем прогнозам и ожиданиям, все недовольные, забыв свои прежние взаимные обиды, объединившись, составили ему внушительную оппозицию. Забыв, что прежде каждый из них при удобном случае доносил А. И. Бараеву. Мудрый и опытный администратор в последние годы жизни внимательно слушал всех, а доверял одному Мехлису Касымовичу.

Справедливости ради надо отметить, что тогда соперником Мехлиса Касымовича на выборах был руководитель “Целинглавснаба” В. М. Кучинский. Он уже раздробил и по частям приватизировал мощнейшую организацию, которая занималась снабжением народнохозяйственного комплекса пяти целинных областей! На своих выборах дарил избирателям дешёвый китайский ширпотреб и... водку. Так что избирательная кампания новоявленного бизнесмена прошла на “ура”! Учёный ему не конкурент! Будь хоть семи пядей во лбу. Разные весовые категории.

Став депутатом, В. М. Кучинский приватизировал в Акмолинской области около десятка элеваторов и хлебоприёмных предприятий ёмкостью около одного миллиона тонн зерна, более десятка зерновых совхозов, более полумиллиона гектаров пашни и... смылся. Сейчас никто не знает — где он и чем занимается. Зато организованная им компания “Агроцентр-Астана” входит в число крупнейших зерновых олигархов Казахстана.

Вот вам один из результатов демократии и выборов! Один приватизировал и... скрылся. Другой до сих пор работает на благо своей страны!

Порой поражаешься таким людям. Ну что тебе надо? Почивай и пожинай лавры. Ан нет. “Платон мне друг, но истина дороже!”. Именно на таких, как Мехлис Касымович, которые будоражат мысль, зиждется наука, да и жизнь тоже. Когда всем всё равно и все единогласно одобряют — пиши пропало! Равнодушные, болото, одним словом, — пофигизм.

Никогда не забуду анекдотичный случай из командировки в Канаду. В начале 1993 года звонит Андрей Георгиевич Браун, тогда глава областной администрации:

— Езжай в составе делегации Акмолинской области в Канаду вместо меня!

Для меня это было полной неожиданностью. Набравшись смелости, я сказал:

— Я не владею английским, здравый смысл подсказывает, что необходимо в таком случае в делегацию включить Мехлиса Касымовича.

— Верно! — согласился Андрей Георгиевич. И быстро решил этот вопрос по своим каналам.

Торонто. Прекрасный город. Удивительная природа. Экскурсия. Едем на Ниагарский водопад. Великие американские озёра. По берегу бродят дикие гуси. Совершенно не бояться людей. Водитель микроавтобуса, до этого бывавший в Казахстане, показывая на птиц, поведал своей жене о том, что у нас осенью бывает неисчислимое количество гусей. И в них стреляют. Удивлённая дама спрашивает:

— А зачем?

— Их едят, — отвечает водитель.

— А что у них кушать нечего? — задаёт она новый вопрос.

Канада, как и Казахстан, двуязычная страна — разговор шёл на французском.

По этикету переводчик должен доводить до сведения всю информацию, услышанную им даже в маленьком салоне микроавтобуса. Что и сделал Мехлис Касымович. Каково же было удивление наших гидов, которым не было ведомо, что кроме английского он владеет ещё и французским! Перевод диалога между мужем и женой, совершенно незнакомых нам людей, послужил хорошим уроком для нас. Как бережно в Канаде относятся ко всему, в том числе и к своему животному миру!

Вечер. Нахожусь в гостиничном номере. Стук в дверь. Кто-то подаёт мне конверт. Моя фамилия. Вскрываю. Чуть не упал от страха. Пятьсот канадских долларов! Провокация? Шантаж? Подкуп? Вихрь мыслей. Главное — что делать? Однако была не была. Валюту кладу в кармашек пиджака. Конверт рву в мелкие клочья — и в унитаз. Спускаю воду. Следы уничтожил. Аж вспотел. Иду к Мехлису Касымовичу. Так и так. Наверное, провокация?!

— Успокойся! — смеётся Мехлис Касымович. — Зная нашу нищету и порядки, фирма, которая нас пригласила, обязана заплатить обычные суточные, которые для нас выглядят огромными суммами, а на них можно приобрести сувениры семьям. У нас ничего нет ни за душой, ни в кармане. И они об этом хорошо знают. Не беспокойся и успокойся!

Вернувшись в номер, я позвонил одному из близких мне членов делегации и спросил его, не получал ли он конверт. Собеседник был открыто удивлён моей информированности. Не стал скрывать. Его действия были один в один, как и мои. Конспирация полная. Совершенно секретно. Тогда мы решили разыграть члена делегации, руководителя одного из главков Министерства сельского хозяйства республики.

Постучав, вежливо входим вдвоём в его номер, чего он, конечно, не ожидал. Начальство не любит, чтобы нарушали его покой посторонние, забывая о том, что в краткосрочной командировке, подобно туристической, совершенно другая обстановка — демократия, свободные, доверительные отношения.

По договорённости начинаю я. Представил члена делегации как представителя соответствующих органов, который согласно службе обязан следить за каждым из нас, а по приезду домой представить отчёт тем, кому всё это надо знать.

Вызывающее поведение хозяина номера несколько смягкло. Продолжаю:

— Согласно агентурным данным, ему стало известно, что вам вручён пакет от иностранцев. По всей вероятности, за чрезвычайно важную информацию. Этим уже занимаются соответствующие службы.

Ранее недоступный и неприступный начальник главка превратился в один момент в “мокрую курицу”. Ссутулился, засуетился, стал вежливым, услужливым. Комедия. Теперь самое главное для нас — сдержать душераздирающий смех. Мой напарник добавил:

— Нам всё известно, но, тем не менее, расскажите, как это всё произошло?

Оказалось, что и он точь-в-точь повторил все наши действия. Предложил старшархан, от которого мы вежливо отказались. Еле-еле дошли до порога. Только закрылась дверь номера, смех, раздиравший нас всюду, вырвался на свободу.

Как всегда, утром подали микроавтобус. Начальника главка за ночь словно подменили. Не узнать. Обычно энергичный и властолюбивый, он теперь стал жалким, побитым существом. Наверное, не спал всю ночь. Мы почувствовали себя неловко, теперь уже не до смеха. Перемену заметили все члены делегации, стали шептаться друг с другом. Что произошло с ним? Недоуменно пожимали плечами. Вот оно, следствие трусости и скрытности. Нет бы сказать прямо: “Ребята, произошло недоразумение”. Тогда бы он вышел победителем. Нам пришлось бы отчитываться за свои проделки. А он молчит, скрытничает, терзается. Настоящая “Смерть чиновника”! Потом отказался от обеда:

— Пойду погуляю.

От его страданий и переживаний нам стало не по себе. Вот дураки, придумали себе потеху.

После обеда начальнику главка стало плохо, и он попросил, чтобы его отвезли в гостиницу. Теперь уже и мы переживали за него, раскаиваясь, что затеяли этот розыгрыш. А вдруг с ним что случится — инфаркт, например? Шутки бывают иногда с печальным исходом.

Еле дождались конца дневной программы и, вернувшись в гостиницу, не сговариваясь, пошли в номер начальника главка. Увидев нас, небритый пожилой человек перепугался. Глаза забегали, прося пощады. Как на духу рассказал весь свой нелёгкий жизненный путь, историю семьи. Мы пытались его перебить, успокоить, а он, словно заведённый, тараторил про свою дачу, фирменные самодельные вина, которые хранятся годами в его погребе — приедете, зайдите обязательно, угощу.

— Ну что вы стоите, садитесь, пожалуйста, — засуетился он. Не переставая говорить, подошёл к холодильнику. Начал что-то доставать, приглашать к столу.

Тут мы уже не выдержали:

— Да успокойтесь! Извините нас! Мы просто пошутили! А шутка оказалась глупой...

Как он сразу изменился! Глаза засверкали от ярости:

— Это вы б... — и в злобе по-хамски выплеснул на нас такой грязный поток оскорблений, будто у него был не рот, а помойная яма. — Кто позволил издеваться над заслуженным работником сельского хозяйства страны, руководителем главка, к мнению которого прислушивается сам министр?! Я сотру в порошок обоих! Доложу руководству области! — извергал он угрозы, подкрепляемые отборными матами.

Видя, что наше дальнейшее присутствие всё больше и больше раздражает его, вызывает дикую ярость, мы покинули номер.

“Дорога в ад — вымощена благими намерениями!”. Одолевали два смутных чувства. А что, собственно, произошло? Ровным счётом ничего. Каждый должен отвечать за свои поступки и проступки. Даже если это было простой шуткой!

... Свежи мои воспоминания о защите докторской диссертации. Она была готова ещё по возвращению из Монголии. Но были причины её задержки. Мой бывший научный руководитель Эрвин Францевич Госсен ещё кандидат наук. Свою докторскую он защищал в шестьдесят лет! Я не мог перешагнуть через свои моральные принципы. Тем более, меня связывала и связывает с ним многолетняя дружба. Я ушёл из науки, работал на производстве. Это меня вполне устраивало. Но, тем не менее, подготовил на всякий случай автореферат.

После того как защитился Эрвин Францевич, я был в командировке в Москве и посетил профессора Сергея Сергеевича Сдобникова в Немчиновке, в НИИ Центрального Нечерноземья, где он работал в те годы. Я не знал его совершенно, хотя от корки до корки изучил и законспектировал его монографию “Земледелие Северного Казахстана”. Крупные учёные всегда простые, общительные, без апломба и амбиций, тем более, когда приезжают люди из тех мест, где сам когда-то трудился.

Наша беседа носила больше философско-исторический характер, чем земледельческий. Незаметно пролетели несколько часов общения. В заключение Сергей Сергеевич подарил мне свою последнюю монографию “Пахать или не пахать?”. В свою очередь, я оставил ему первый вариант своего автореферата. Буквально через месяц получил по почте свою рукопись. Сергей Сергеевич — крупный теоретик земледелия, одним словом, учёный с большой буквы. Его мнение — высший авторитет. В своём ответе он написал: “Работа значима. В качестве кого могу выступить: оппонента или научного консультанта?”. Иметь С. С. Сдобникова в качестве научного консультанта — великая честь. Такого подарка судьбы я не ожидал. Теперь началась муторная творческая работа по доведению диссертации до кондиции. Отпечатываю её в нескольких экземплярах, я дал почитать моим близким друзьям ещё по аспирантуре, работавшим во ВНИИ зернового хозяйства: Курсану Ахметову и Адольфу Лихтенбергу. Они тоже готовили свои докторские, впоследствии оба стали докторами наук. К сожалению, сейчас в институте их нет. Курсан Азнабаевич скоропостижно скончался, а Адольф Иванович уехал в Германию. Попросил их:

— Читайте, цитируйте, не стесняйтесь. Я теперь производитель, может, что и пропустил.

Шлифовали мою рукопись каждый по-своему. Ахметов — земледель-севооборотчик. Лихтенберг — агрохимик. Окончательно доводил диссертацию уже я сам, по-своему.

Затем с Сергеем Сергеевичем определились с местом защиты — Омск. На то были субъективные причины, хотя в принципе можно было защищаться и в Алматы. По правилам тех лет при защите докторской надо иметь трёх оппонентов докторов наук. С одним непременным условием, чтобы ни с кем из них не было совместных научных статей. Один обязательно должен быть из научного учреждения, где проходит защита, второй — из тех мест, где написана работа, третий — по своему усмотрению. До того как остановить свой выбор на Омске, приезжал в Алматы на разведку. По рекомендации Э. Ф. Госсена обратился к предполагаемому оппоненту. По тону беседы я понял: условия будут жёсткие, и немедленно ретировался.

Итак, определился с двумя оппонентами. Они в Омске. Где же взять третьего, — он должен быть обязательно из Казахстана. Тут неожиданно учёный секретарь совета подсказывает:

— А у вас в Шортандах есть известный крупный учёный Мехлис Касымович Сулейменов. Более того, он ещё и директор Всесоюзного НИИ зернового хозяйства.

Я возражаю:

— Ведь он же учёный-растениевод. Разве он имеет право быть оппонентом земледелу?

— Ничего подобного, — возражает учёный секретарь. — Членом-корреспондентом ВАСХНИЛ его избрали по специальности “Земледелие”.

Тут же позвонили Мехлису Касымовичу и тотчас получили положительный ответ. Все вопросы решены. Защита проходила в течение шести часов. Такого учёный совет Омского сельхозинститута давно не помнит. Всех удивил и результат тайного голосования — единогласно.

И так на каждом этапе жизненного пути меня где прямо, где косвенно судьба сталкивала с Мехлисом Касымовичем, и я всегда находил поддержку и понимание интеллигентного, широко образованного, обязательного и... беззащитного человека, казаха по рождению, европейца по своим взглядам. Абсолютно миролюбивый, не мстительный. Если кто подумает, что он слабовольный, тот глубоко ошибается, а то, что он беззащитный — это точно.

Конечно, людям его интеллекта предпочтительна чистая рафинированная наука без политики и интриг, не сельское хозяйство, где он всегда одинок. Во Всесоюзном НИИ зернового хозяйства — единственный казах, который прошёл путь от младшего научного сотрудника до директора — в то трудное, тоталитарное время. Главное его богатство — интеллект и работоспособность. В чём только его ни обвиняли! Свои родные — в незнании и непризнании казахского языка, хотя в устной беседе он заткнёт за пояс любого среднего знатока-языковеда. Зато он полиглот, а это — невероятный труд.

Коллеги-учёные до сих пор не могут простить ему, что он первым высказал теорию о возможности ведения земледелия на севере Казахстана без чистых паров, которая ныне всё-таки находит своих сторонников среди производителей.

Не перестаю удивляться. Прошло двадцать лет, сменилось целое поколение учёных, сменилась система власти. Другая эпоха! А вот первый доктор наук ВНИИ зернового хозяйства, специалист по теории ветровой эрозии Е. Шиятый на страницах сборника научных трудов, посвящённого 50-летию научно-производственного центра зернового хозяйства им. А. И. Бараева (так теперь называется бывший ВНИИЗХ) в своей статье под броским газетным названием “Эффективная технология, классное зерно — выбор производителя сегодня” вместо новых идей возвращается к давней дискуссии, анализирует и ревизует по-своему данные М. К. Сулейменова. А чего стоит его утверждение: “Приоритет идеи беспарового земледелия, безусловно, принадлежит Н. С. Хрущёву. О чём скромно умалчивает академик М. К. Сулейменов!”. А как быть в таком случае, Евгений Иванович, с утверждением того же М. К. Сулейменова “Севооборот и Оборот вождей”?

Мехлис Касымович много ездит по свету, много видит, многое знает. С высокой честью и достоинством прославляет свою Родину Казахстан, свою землю, свой народ! А как он душевно поёт под гитару! Настоящий бард! Когда со второй попытки его всё же избрали депутатом Верховного Совета республики, он предложил мне свой пост директора института, от которого я вежливо отказался.

Моя работа меня вполне устраивала.

Пауэрс

У всех кинозрителей моего поколения свежи в памяти первые кадры популярного кинофильма “Мёртвый сезон”. Два человека в гражданском быстрыми шагами идут навстречу друг другу. На секунду обменявшись взглядами, направляются к ожидающим их чёрным лимузинам.

Спустя десятилетия, в конце 1993 года в один из пасмурных дождливых дней бывший дипломат бывшей Германской Демократической Республики, окончивший в Москве престижный институт международных отношений, а после

объединения Западной и Восточной Германий рядовой клерк маленькой частной компании, недалеко от города Потсдам показал мне на мосту “Альт Глинка” место, где снимался этот исторический момент.

Здесь 10 февраля 1962 года были обменены американский лётчик-разведчик Фрэнсис Гарри Пауэрс на легендарного советского разведчика, полковника Рудольфа Абеля, он же Вильям Генрихович Фишер.

Мне в жизни везло на всякие поездки, в том числе и зарубежные, а также на приключения; экзотически-интересные и печально-трагические. Слава Богу! С благополучным исходом.

В начале семидесятых годов мы с женой в составе молодёжной туристической группы побывали в Болгарии — почти две недели. Масса впечатлений. Весь путь туда и обратно на поезде через Москву.

Украина, Молдавия, Румыния. Правда, их территории мы созерцали через окна вагонов. Иногда выходили на перрон вокзала, когда скорый поезд “Москва — София” делал краткую остановку, удовлетворяя тем самым жажду своего любпытства: какая она, чужая земля? Оказывается, такая же, как и у нас.

Накануне Московской Олимпиады почти месяц совершал круиз по Дунаю, напевая про себя мелодию популярной в те годы песни: “Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду цветок!”.

Отплывали с порта Измаил. Конечный пункт — Вена. А между ними София, Бухарест, Белград, Будапешт, Братислава.

Каждые из этих стран и городов — тысячелетняя история православно-католической Европы. И новой истории тоже. Мавзолеи Георгия Димитрова, маршала Тито.

В назидание всем! Мемориальный комплекс — концентрационный лагерь Маутхаузен. Перед входом в этот страшный музей памятники жертвам нацизма из многих стран мира. Недалеко Зальцбург — родина солнечного, лучезарного Моцарта.

Затем меня командировали в Монголию, где я прожил с семьёй и проработал шесть лет в удивительно красивом, уютном маленьком городе Дархане.

Прибыл в середине сентября 1982 года. Стояла прекрасная тёплая солнечная погода.

Монголы говорят: “Лучше одна осень, чем три весны”. Это сущая правда! Весна в Монголии — самое неблагоприятное время года, страшные по скорости и силе ветры. Холод. Песок вперемешку со снегом. И так до конца мая.

Разместили меня в шикарной гостинице “Дархан”, через несколько дней она стала совершенно пустой. Всех выселили, а меня почему-то никто не тронул. Я удивился.

Как выяснилось, в Дархан инкогнито приехал нынешний Далай-лама XIV. Обладатель “Львиного трона” и титула “Океан мудрости”. Свой трон он занял в возрасте пяти лет в Лхасе, где пятьсот лам и пятьсот депутатов Национального собрания Тибета провозгласили его новым главой буддийского мира.

Он был один. Двое помощников, сопровождавших его, открывали только двери гостиницы и автомобиля. Это был сухой, подвижный человек в оранжевой сутане и тёмных очках.

Вечер. В огромном зале ресторана нас двое. Утром, кланяясь и улыбаясь, садимся за трапезу. Спускаемся на первый этаж. Садимся по краям на один диван. Никого нет. Мы вдвоём. Я не знал ни одного слова ни по-монгольски, ни по-английски, а он, я твёрдо убеждён, не знал ни по-русски, ни по-казахски и даже по-немецки.

Сейчас трудно представить, чтобы нечто подобное произошло в нынешнее время. А тогда всё было просто! Так неожиданно для меня произошла встреча с духовным лидером одной из мировых религий. Тет-а-тет. Фантастика! Великий пацифист, лауреат Нобелевской премии.

Прошло уже два года, как я работал в НИИ растениеводства и земледелия МНР, когда после очередной ротации прибыл новый уполномоченный министра сельского хозяйства СССР Геральд Арсентьевич Романов.

Появление нового руководства всегда тревожно. Первое моё знакомство с ним было довольно нелицеприятным. Это был энергичный, жёсткий руководитель. По-моему, нетребовательных начальников не бывает. Старый чиновничий аппарат, который окружал лидера, мастер на интриги. Надо отвести удар от себя и подставить кого-то, лучше с периферии. Так меньше хлопот и забот.

В общем, меня взяли в оборот. Для выяснения и принятия окончательного решения Г. А. Романов предлагает созвать коллегия и заслушать мой отчёт. На выступление дали пять минут. Слушали с интересом почти час. Никто не перебивал. Масса вопросов. Интриги отмечены! Творческая свобода, доверие.

Наступили будни. Различные поручения. Лекции, поездки, выступления. Порой дело доходило до того, что я сам стал побаиваться аудитории и слушателей. Это ведь не моя епархия!

По рекомендации Геральда Арсентьевича мне пришлось несколько раз выступать с лекциями о Монголии перед сотрудниками посольства СССР в этой стране. Один советник (как правило, это представители соответствующих органов) настойчиво просил у меня черновики записей, которые я годами конспектировал в библиотеке Академии наук Монголии... Еле-еле открутился от такой деликатной просьбы...

Несколько раз Геральд Арсентьевич брал меня с собой при посещении советских специалистов на местах в главном зерносеющем регионе страны — центральной земледельческой зоне.

Уборка завершена. Команда:

— Приезжай! Надо объехать ребят. А то заскучали, наверно!

В стране с огромными просторами запасы пищи, так же как и запасы бензина, первостепенны. Например, модифицированная ёмкость бака "УАЗика" Геральда Арсентьевича составляла более двухсот литров горючего. А это более тысячи километров без дозаправки!

Когда я ездил по Монголии с сотрудниками или с директором института, моим другом Д. Цэдэвом — проще. Каждая юрта — дом родной. А тут большой советский начальник — лицо официальное. Поэтому брать провиант с собой — объективная необходимость.

Проехали часа три. Отроги Хентейских гор, жёлтые берёзки, лиственница начала сбрасывать хвою, зелёные сосны, ели. Рядом змейкой вьётся маленькая речушка с хрустально-чистой ледяной водой. Тишина. А воздух!

— Ну что? Голод не тётка! Пора перекусить, — говорит шеф.

Остановились. Его водитель Цевен-Равдан — отличный знаток всех троп и дорог, выбрал очень красивое место для стоянки. Сполоснули руки. Размялись. Цевен-Равдан расстелил дастархан. Я принёс свой "сидор". Что за еда на свежем воздухе без сугрева для аппетита? За разговором "уговорили" одну. Вроде мало. Достаяю вторую.

— Стой! Не торопись! — говорит Геральд Арсентьевич. — Мы с тобой в дороге, потому всё делим поровну. Во-вторых, моя зарплата выше, чем твоя! И я

не беднее тебя! В-третьих, у меня есть правило жизни: “Честней расчёт — сильнее дружба”!

Эту фразу, услышанную мною однажды из уст Геральда Арсентьевича в центре Азии, я запомнил на всю жизнь и без усталости повторяю её всем.

Перекусили. Поехали. Он страстный рыбак, а любая горная речушка в Монголии кишит рыбой. Да ещё какой! Хариус, ленок! Я, как и многие степняки-казахи, понятия не имею об этом азартном спортивном занятии.

По ходу всей поездки на любой остановке, где была речушка, он ловил рыбу. Я готовил уху. И, наверное, неплохо. Даже Цевен-Равдан с огромным удовольствием уплетал её. Замечу, монголы рыбу не едят вообще.

Геральд Арсентьевич патриот России, учёный-растениевод, имеет огромный производственный опыт, аграрник до мозга костей.

Уже в новом тысячелетии, когда аким Акмолинской области Мажит Тулеубекович Есенбаев выступал со своим отчётом о проделанной работе за прошедший год, мне предоставили слово при обсуждении его доклада. Я непременно воспользовался выпавшей возможностью и процитировал некоторые высказывания Геральда Арсентьевича, которые он изложил в газете “Советская Россия” от 25 января 2007 года в статье под печально-грустным названием “Обвал” в виде открытого письма председателю правительства Российской Федерации господину Фрадкову.

Как я заметил, эти откровения моего бывшего шефа понравились и нашим аграрникам. Проблемы сельского хозяйства России и Казахстана во многом схожи!

А как Геральд Арсентьевич рассказывает! Заслушаешься! Из многих историй, которые он поведал мне с периода Московского фестиваля молодёжи и студентов 1957 года и многих других, я выбрал одну.

Как правило, многие рядовые участники событий по ряду причин не попадают на страницы газет и журналов. Если в них не нуждается официальная пропаганда для восхваления и последующего подражания масс. А ведь это тоже один из видов рекламы. Правда, политической.

Журналистам нужны свои герои. Чем выше по рангу пишущий брат, тем соответственно значительней должна быть и описываемая фигура. Мелкие отсеиваются, как в решете.

Итак, 30 апреля 1960 года, как сейчас помню, была православная Пасха. Мы, мальчишки, до поздней ночи катали разукрашенные яйца, били ими друг друга по лбу на победителя. Соседи приносили родителям куличи. Церквей и мечетей в те годы тоже почти не было. Религии как таковой тоже не было. А народные традиции остались.

Православную пасху отмечали все и по всему Советскому Союзу без идеологических накруток. Скорее, она воспринималась как обычный праздник: без политики. Без схода и крестных ходов. Это были простые праздничные будни без красных дней в календаре. Зато какие!

1 мая 1960 года. В Москве Первомайская демонстрация. На трибуне Мавзолея Никита Сергеевич Хрущёв (Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР). У него необычно хмурое лицо. Стоявшие справа от него маршалы и генералы о чём-то озабоченно шепчутся. Вдруг кто-то подходит к лидеру партии и правительства, что-то говорит ему на ухо. И тут всё меняется. Никита Сергеевич расплывается в улыбке, начинает радостно махать рукой людям, идущим в колоннах. Расслабились и генералы.

Ему сообщили отличное известие: “Самолет сбит!”. Речь шла об американском самолёте-разведчике “У-2”, который пересёк южную границу СССР и летел в сторону Норвегии на высоте более двадцати километров. В районе Свердловска он был сбит.

По официальной версии, его сбила ракета, выпущенная дивизионом капитана Н. Воронова, по другой — его сбил лётчик Игорь Ментюков, пилотирующий истребитель-перехватчик “Су-9”, который в то время именовался “Т-3”.

Самолёт-разведчик имел необычный вид: всего 14,6 метра длиной при размахе крыльев 29 метров, причём их поверхность достигала 62 кв. метров. Это был своего рода гибрид одноместного истребителя и планёра. Корпус был покрыт специальной эмалью, затруднявшей обнаружение самолёта радарам. Он был зарегистрирован как гражданский научно-исследовательский, принадлежавший НАСА.

Созданный в 1956 году “У-2” начал систематические разведывательные полёты над советской территорией. Но, летя на высоте двадцать-двадцать два километра, был недостижим для зениток.

9 апреля 1960 года один из “У-2” безнаказанно пролетел над советской территорией от Норвегии до Ирана, отснял Капустин Яр, Байконур, ещё один ракетный полигон. Но сбить его так и не смогли.

Новый полёт, назначенный на 1 мая 1960 года, был поручен опытному лётчику, которому только что исполнился тридцать один год, сотруднику ЦРУ Фрэнсису Пауэрсу.

Программа полёта: взлёт с аэродрома в Пешаваре (Пакистан), полёт через район Свердловска, посадка в Норвегии. На всякий случай его снабдили пакетом “для подкупа”. Семь с половиной тысяч рублей, франки, лиры, марки. Две пары золотых часов, два женских кольца. Пауэрс получил и ещё один, особый предмет. В маленькой коробочке находилась иголка с ядом — также “на всякий случай”.

В 5 часов 56 минут самолёт достиг советской границы, после чего ему было запрещено пользоваться радио. Беззвучно работала фотоаппаратура, действовали автоматы с магнитными лентами. Самолёт пересёк Аральское море, сделал круг над сверхсекретным объектом Челябинск-40 и в 8 часов 55 минут по московскому времени в районе Свердловска был сбит. Когда самолёт стал падать и до земли оставалось около пяти километров, Пауэрсу удалось катапультироваться из машины. В силу своего устройства, оставшийся без пилота “У-2” спланировал и совершил посадку, получив при этом повреждения.

Местные колхозники обнаружили буквально свалившегося с неба Пауэрса и, проявив бдительность, привезли его в воинскую часть капитана Н. Воронова.

А вот что рассказал мне Геральд Арсентьевич, который в начале 70-х годов был начальником районного управления сельского хозяйства в тех местах.

А ему эту историю поведал Михаил Наумович Берман — директор совхоза “Косулинский”. Самолёт Пауэрса упал недалеко от деревни Поварня — центральной усадьбы хозяйства.

Накануне была пасха. Какая пасха без выпивона! Однако с директоров совхозов спрос особый. Тем более в праздники. В эти дни они всегда на боевом дежурстве! Кто-то должен отвечать за производство. Всем известно: “Откуда рыба тухнет!”.

Традиционно на селе в те годы, если муж механизатор, то жена доярка. Женщины — народ дисциплинированный, ответственный. Бурёнку надо доить каждый день и в строго определённые часы. Нарушать этот график нельзя.

Кормящие грудью мамы это хорошо знают. Испытали на себе. Жёны уехали на утреннюю дойку, а мужьям надо поля боронить. Влагу закрывать.

Но трактор — не корова! Подождёт! Да и бригадир был вчера со всеми. “Поддавал” хорошо! Проспали и наши герои-трактористы по фамилии Черемисин и Ефимов. Срочно завели мотоцикл “Урал”. Хотя голова болит, однако боронить поля надо.

Если директор невзначай узнает об этом — не сдобровать. Выехали в бригаду. Проезжают парники — и вдруг в небе грохот. Ничего не поняли. Остановились. Посмотрели вверх. Боже! Парашют спускается прямо-прямо на парники, где вовсю раскустилась рассада капусты, помидоров. Оранжевый комбинезон виден издали. На голове блестит шлем.

Парашют слегка занесло, и сам парашютист приземлился на свежую навозную кучу для парников. Тут к нему подбежали наши хмельные герои с дубинками наперевес. Парашютист первым делом поднял руки. Дураку понятно: “Не трогайте! Сдаюсь!”, потом порывлся, отстегнул кобуру, сдал пистолет. Что-то пробормотал по-своему. Как показалось нашим героям, вроде как “Румыния”. Затем международным, всем понятным жестом показал: “Пить хочу!”.

Мужики переглянулись. Ох, эта извечная, добрая и открытая деревенская душа! Свернули парашют, бросили в коляску мотоцикла. Сверху посадили лётчика и поехали в дом одного из них, у которого оставалась недопитая в пасху ядрёная бражка. Налили литровую алюминиевую кружку. Небесный гость мгновенно осушил её, налили вторую. От третьей он добровольно отказался сам. Уговаривать не стали.

Утро прошло. Полдень не наступил. Надо избавляться от незваного гостя. Куда везти? Конечно, к директору. Кроме Михаила Наумовича никому ничего в совхозе не нужно. Ни парторгу, ни рабочему, тем более, сельскому Совету.

Об этом все в селе хорошо знали. Но и попадаться лишний раз на глаза директору, особенно в разгар полевых работ, — к добру никогда не приведёт. Делать нечего, выбора нет. Подъехали к конторе. Один, боясь и озираясь, пошёл к директору. Другой остался на улице караулить парашютиста. Только открыл дверь кабинета, директор словно с цепи сорвался:

— Влага теряется каждую минуту, а ты тут ещё в деревне болтаешься. Почему не в бригаде? Я тебе...

Перед тем как закрылась дверь, до слуха Михаила Наумовича дошло одно лишь слово: “Лётчик”. Тут неожиданный резкий звонок. Властный командный голос:

— В районе совершена крупная диверсия! Сбит вражеский самолёт! Не отходить от телефона! Будьте бдительны! Если что, сообщайте! — и дал номер телефона.

Как рассказывал Геральд Арсентьевич, Михаил Наумович Берман с перепугу подумал: “Неужели война?!”.

Пока приходил в чувство, до него дошло: “Только что его мужики говорили про какого-то лётчика?! Неужели! — страшная догадка как электрический ток ударила его по нервам. — Ах, старый пень! Нет бы дослушать! А тут одно на уме — влагу закрывать! Какая влага? Если враг напал! Чёрт побери, где они, эти трактористы? Подойти к окну? Выбежать на улицу? Нельзя. Была команда: “Не отходить от телефона”.

Пунктуальный, дисциплинированный Берман хорошо знал, чем может порой обернуться нарушение команды. Пауза затянулась: “Неужели мои ребята помчались с лётчиком куда-то? А если, не дай Бог, перевернутся!”. В голове рой

мыслей, одна ужасней и страшнее другой. Вдруг Берман услышал долгожданный мотоциклетный треск. Это был не треск, а “Маленькая ночная серенада” Моцарта в исполнении “Урала” с коляской. Забыв про телефон, Михаил Наумович гаркнул в форточку:

— Быстро ко мне!

Минуты тянутся, как резина. “Почему их долго нет?”. Вдруг слышится грохот. Явно кого-то волокут. Открывается дверь. Черемисин и Ефимов вдвоём за-таскивают человека в оранжевом комбинезоне. Весь в заклёпках и замках. “Неужели?! Страшно даже подумать! Неужели они его прикончили — вражеского лазутчика?”. Перехватило дыхание. Стало плохо.

— Да он два литра браги хватанул с перепугу, когда опустился на своём парашюте на нашу навозную кучу в парниках! — в один голос затараторили мужики. — Малость перебрал по неопытности. Хотя по-нашему ни гу-гу!

Пауэрс был пьян вдрабадан. Сидел на стуле, ничего не соображая, вернее, спал.

Михаил Наумович быстро набрал указанный номер телефона.

Что потом здесь случилось через десять-пятнадцать минут, не рассказать! Это надо видеть! Рой вертолётов тут как тут. Сотня вооружённых людей. Оцепили сонную деревню Поварня в несколько колец. Никого не выпускают и не впускают. Даже наших героев. Контору тоже взяли в плотное оцепление. Залетают в дверь несколько молодцев. Хоп — острым ножом за ворот обмундирования, чтоб враг в последний момент не хрустнул ампулой.

Пауэрсу всё нипочём. Он ничего не соображал. В таком виде его и увезли. Следом снялось оцепление. Поварня вновь обрела прежний покой.

Каково было удивление Михаила Наумовича Бермана, когда он увидел фамилии Черемисина, Ефимова и свою среди награждённых. Его — орденом “Красной Звезды”, механизаторов — медалями “За отвагу”.

Вот такую забавную историю поимки Пауэрса поведал мне Геральд Арсентьевич Романов. Интересно — описал ли он этот случай в своей книге “Сверхполёт”, опубликованной в США в 1970 году? Сам же Пауэрс погиб у себя на родине в авиакатастрофе 1 августа 1977 года.

... Прошло почти четверть века со времени моего первого знакомства с Геральдом Арсентьевичем. Однако наше общение не прерывается. С нетерпением ждём новых встреч.

В памяти последняя. Я выехал от своих детей на поезде с Московского вокзала Санкт-Петербурга ровно в полночь. Утром в Москве на Ленинградском вокзале. Очень удобно. Часа за полтора до прибытия встал, навёл порядок в купе. Умылся. Первый на выходе. Вижу, на перроне Геральд Арсентьевич смотрит номера вагонов. Волнуется.

— Он Вас встречает. Это точно, я даже уверена! Один и тот же почерк, — говорит пожилая проводница вагона. — Ваше поколение все как один! Дисциплинированные, обязательные, организованные! Уже конечная остановка. По два-три раза стучала в каждое купе. Ни в какую! Проснулась только половина пассажиров. Ну что за люди!?

Вышел. Обнялись. Поехали к нему домой.

— Ты знаешь, после твоего звонка не мог нормально спать две ночи. Ворочался, переживал, волновался. Скучаю по нашему общению, — признался мой старый друг.

г. Астана.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

Е-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.08.2007 г.

Подписано к печати 10.09.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 4829.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.